Г65 19/76

Приложеніе къ газетѣ «Кавказъ».

1801—1901.

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ

КЪ СТОЛѢТІЮ

ПРИСОЕДИНЕНІЯ ГРУЗІИ КЪ РОССІИ.

Матеріалы собралъ Е. С. Сталинскій.

ИЗДАНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. Н. БѢГИЧЕВА.

ТИФЛИСЪ.

1901.

19/76

2,64
131

Г65 19/76

Приложеніе къ газетѣ «Кавказъ»,

9 [75]
Ю-13

1801—1901.

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ

КЪ СТОЛѢТІЮ

ПРИСОЕДИНЕНІЯ ГРУЗІИ КЪ РОССІИ.

Матеріалы собралъ Е. С. Сталинскій.

Проверено 1937 г.

ИЗДАНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
К. Н. БѢГИЧЕВА.

ПОГАШЕНО
БИБЛИОТЕКА при кабинете колониальных проблем
ПОГАШЕНО
БИБЛИОТЕКА при кабинете колониальных проблем
ПОГАШЕНО

ТИФЛИСЪ.
Типографія канцел. Главнопач. гр. ч. на Кавказѣ, Лорисъ-Меликов. ул., д. казенный.
1901.

Дозволено цензурою. Тифлисъ, 21 сентября 1901 года.

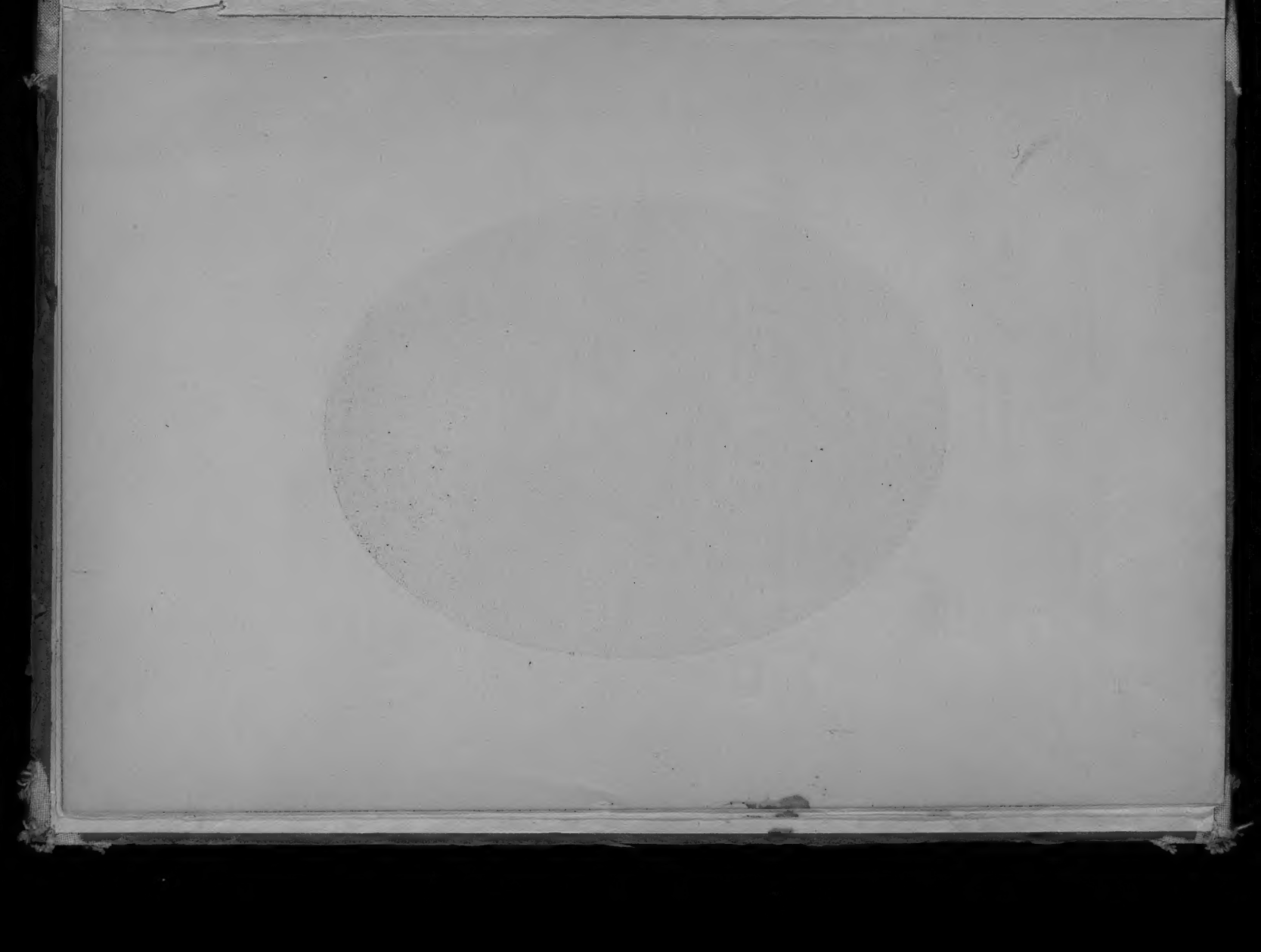
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
531394 М

Его Императорское Величество Государь Императоръ

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

ВВЕДЕНИЕ.

Императоръ
Павелъ I.



18-го января 1801 года, по полученіи въ Петербургѣ извѣстія о кончинѣ послѣдняго грузинскаго царя Георгія XII, обнародованъ былъ манифестъ Императора Павла I о томъ, что «грузинскій народъ желаетъ теперь-же и навсегда вступить въ подданство Россійской имперіи, съ признаніемъ Всероссійскаго Императора за своего природнаго Государя и Самодержца». Такимъ образомъ, престолъ грузинскаго царства былъ упраздненъ, и Грузія 16-го февраля 1801 года присягнула на вѣрность новому своему Государю, Императору Павлу Петровичу.

Какъ извѣстно, внезапная кончина Императора, послѣдовавшая 8-го марта 1801 г., остановила начатое дѣло, и оно довершено было уже Его Преемникомъ, Императоромъ Александромъ I, Который подтвердилъ всѣ предначертанія почившаго Своего Родителя и въ этомъ смыслѣ обнародовалъ слѣдующій манифестъ 12-го сентября 1801 года.

«Божіею милостію Мы, Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ обитателямъ царства Грузинскаго, кому о томъ вѣдать надлежитъ.

Покровительство и верховная власть Россійской имперіи надъ царствомъ Грузинскимъ всегда налагали на Монарховъ Россійскихъ и долгъ защиты. Въ 1796 году, противъ сильнаго впаденія къ вамъ Аги-Магмедъ-хана, въ Бозѣ почившая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексіевна послала часть войскъ Своихъ. Столь успѣшное тогда не токмо спасеніе царства Грузинскаго, но и счастливое покореніе всѣхъ областей и народовъ отъ береговъ Каспійскаго моря до рѣкъ Куры и Аракса ограждали васъ отъ всякихъ опасностей; оставалось токмо внутреннимъ благоучрежденіемъ благоденствіе ваше утвердить навѣки. Но внезапное и скоропостижное отступленіе войскъ россійскихъ изъ Персіи, Арменіи и изъ предѣловъ вашихъ испровергли справедливое ожиданіе ваше. Всѣ потомъ претерпѣнныя вами бѣдствія,—нашествіе невѣрныхъ и иноплеменныхъ народовъ,

разореніе городовъ и селеній, порабощеніе и увлеченіе въ плѣнъ отцовъ, матерей, женъ и дѣтей вашихъ, наконецъ раздоръ царской фамиліи и раздѣленіе народа между разными искателями царскаго достоинства влекли васъ въ междоусобныя брани. Окружающіе васъ хищные народы готовы были напасть на царство ваше и ненаказанно растерзать его остатки. Соединеніемъ всѣхъ сихъ золъ не токмо народъ, но даже и имя народа грузинскаго, храбростью прежде столь славнаго во всей Азіи, потребилось бы отъ лица земли. Стоя въ безднѣ сей, неоднократно призывали вы покровительство россійское. Вступленіе войскъ нашихъ и пораженіе Омаръ-хана Аварскаго пріостановили гибель вашу, устрашивъ всѣхъ хищниковъ, наполняющихъ горы кавказскія, и тѣхъ, кои раздираютъ область Персіи и Великой Арменіи; затихли крамолы посреди васъ, и всѣ вы единодушно и торжественно воззвали власть россійскую управлять вами непосредственно. Мы, вступя на всероссійскій Престолъ, обрѣли царство Грузинское, присоединенное къ Россіи, о чемъ и манифестъ въ 18-й день января 1801 года изданъ уже былъ во всенародное извѣстіе. Вникая въ положеніе ваше и видя, что посредство и присутствіе войскъ россійскихъ въ Грузіи и донынѣ одно удерживаетъ пролитіе крови намъ единовѣрныхъ и конечную гибель, уготованную вамъ отъ хищныхъ и невѣрныхъ сопредѣльныхъ вамъ народовъ, желали Мы испытать еще, нѣтъ-ли возможности возстановить первое правленіе подъ покровительствомъ Нашимъ и сохранить васъ въ спокойствіи и въ безопасности. Но ближайшія по сему изслѣдованія наконецъ убѣдили Насъ, что разныя части народа грузинскаго, равно драгоцѣнныя Намъ по человѣчеству, праведно страшатся гоненія и мести того, кто изъ искателей достоинства царскаго могъ бы достигнуть его власти, поелику противъ всѣхъ ихъ большая часть въ народѣ столь явно себя обнаружила. Одно сомнѣніе и страхъ сихъ послѣдствій, возродивъ безпокойства, неминуемо были бы источникомъ междоусобій и кровопролитія. Сверхъ того, бывшее правленіе даже и въ царство царя Ираклія, который духомъ и достоинствомъ своимъ соединилъ все подъ власть свою, не могло утвердить ни внѣшней, ни внутренней безопасности; напротивъ, столькратно вовлекло васъ въ бездну золъ, на краю коей и нынѣ вы стоите и въ которую по всѣмъ соображеніямъ должны вы будете низвергнуться, если мощная

Императоръ
Александръ I.

рука справедливой власти отъ паденія сего васъ не удержитъ. Сила обстоятельствъ сихъ, общее по сему чувство ваше и гласъ грузинскаго народа преклонили Насъ не оставить и не предать на жертву бѣдствія языкъ единовѣрный, вручившій жребій свой великодушной защитѣ Россіи. Возбужденная надежда ваша сей разъ обманута не будетъ. Не для приращенія силъ, не для корысти, не для распространенія предѣловъ и такъ уже обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи пріемлемъ Мы на Себя бремя управленія царства Грузинскаго; единое достоинство, единая честь и человѣчество налагаютъ на Насъ священный долгъ, внявъ моленію страждущихъ, въ отвращеніе ихъ скорбей, учредить въ Грузіи правленіе, которое могло бы утвердить правосудіе, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона. А посему, избравъ Нашего генералъ-лейтенанта Кнорринга быть главноуправляющимъ посредѣ васъ, дали Мы ему полныя наставленія открыть сіе правленіе особеннымъ отъ Имени Нашего объявленіемъ и привесть въ силу и дѣйствіе предначертанное отъ Насъ постановленіе, къ исполненію коего пріобщая избранныхъ изъ васъ по достоинствамъ и по общей довѣренности, уповаемъ, что вы, ввѣряясь правленію сему, несомнѣнно подъ сѣнію онаго начально спокойствіе и безопасность обрящете, а потомъ и благоденствіе и изобиліе.

Всѣ подати съ земли вашей повелѣли Мы обращать въ пользу вашу, и что за содержаніемъ правленія оставаться будетъ, употреблять на возстановленіе разоренныхъ городовъ и селеній. Каждый пребудетъ при преимуществахъ состоянія своего, при свободномъ отправленіи своей вѣры и при собственности своей неприкосновенно. Царевичи сохранятъ удѣлы свои, кромѣ отсутствующихъ, а симъ годовой доходъ съ удѣловъ ихъ ежегодно производимъ будетъ деньгами, гдѣ бы они ни обрѣтались, лишь бы сохранили долгъ присяги. Во взаимность сихъ великодушныхъ попеченій Нашихъ о благѣ всѣхъ и каждаго изъ васъ Мы требуемъ, чтобы вы для утвержденія постановленной надъ вами власти дали присягу вѣрности по формѣ, при семъ приложенной. Духовенство, яко пастыри душевные, первые должны дать примѣръ.

Наконецъ да познаете и вы цѣну добраго правленія, да водворится между вами миръ, правосудіе, увѣренность какъ

личная, такъ и имущественная, да пресѣкутся самоуправство и лютыя истязанія, да обратится каждый къ лучшимъ пользамъ своимъ и общественнымъ, свободно и невозбранно упражняясь въ земледѣліи, промыслахъ, торговлѣ, рукодѣліяхъ подъ сѣнью законовъ, всѣхъ равно покровительствующихъ. Избытки и благоденствіе ваше будетъ пріятнѣйшею и единою для Насъ наградою.—Данъ въ престольномъ градѣ Москвѣ, сентября 12-го дня 1801 года.

„Александръ".

На Кавказѣ царствованіе Императора Александра I ознаменовалось персидской и турецкой войнами, закончившимися пріобрѣтеніемъ Россіею: Имеретіи, Мингреліи, Гуріи, Абхазіи и ханствъ: Ганжинскаго, Карабагскаго, Шекинскаго, Ширванскаго, Кубинскаго, Бакинскаго, Дербентскаго и части Талышинскаго. Съ 1817 года, съ назначеніемъ на Кавказъ Ермолова, начинается уже систематическое покореніе кавказскихъ горцевъ, потребовавшее со стороны Россіи тяжелыхъ жертвъ и цѣлыхъ потоковъ крови. Война эта продолжается и съ воцареніемъ въ 1825 году Императора Николая Павловича, принимая все болѣе и болѣе широкіе размѣры, въ виду развитія въ горахъ мюридизма, успѣвшаго объединить народы Восточнаго Кавказа подъ одною желѣзною властью имама Чечни и Дагестана Шамиля. Война эта не ограничивается уже, какъ прежде, только Чечнею, Дагестаномъ и берегами Кубани, но захватываетъ собою и все восточное побережье Чернаго моря. Что касается внѣшнихъ войнъ, то побѣды Паскевича въ Персіи и Турціи пріобрѣли для Россіи: Эриванское и Нахичеванское ханства, весь Ахалцихскій пашалыкъ, всю землю закубанскихъ горцевъ и берегъ Чернаго моря отъ устья Кубани до укрѣпленія св. Николая—уже на границѣ Гуріи.

Послѣ Императора Петра I Императоръ Николай Павловичъ первый изъ Высочайшихъ Особъ прошлаго столѣтія посѣтилъ Кавказъ въ 1837 году, съ цѣлью лично благодарить народъ и войска за ихъ вѣрную, доблестную и самоотверженную службу.

Путь Высочайшаго слѣдованія предположенъ былъ чрезъ слѣдующіе главные пункты:

Изъ Новочеркаска: Екатеринодаръ, Тамань, Анапа, Су-

Императоръ
Николай I.

джукъ-Кале, Геленджикъ, Редутъ-Кале, Кутаисъ, Ахалцихъ, Цалка, Тифлисъ, Гумры, Эчміадзинъ, Эривань. Отсюда обратно: Тифлисъ, Анануръ, Владикавказъ, Георгіевскъ, Ставрополь, Новочеркаскъ.

Къ сожалѣнію, выѣздъ Государя изъ Тифлиса сопровождался такимъ несчастнымъ случаемъ, который повергъ въ трепетъ всю Россію. Почтовый шестерикъ понесъ экипажъ, въ которомъ сидѣлъ Императоръ, коляска опрокинулась надъ самымъ краемъ страшнаго обрыва,—и жизнь Государя была спасена только чудомъ, въ ознаменованіе котораго, на этомъ мѣстѣ, при самомъ выѣздѣ изъ Тифлиса, воздвигнутъ памятникъ—чугунный крестъ на гранитномъ пьедесталѣ, съ надписью: «Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится». Другимъ памятникомъ пребыванія Императора Николая Павловича на Кавказѣ служитъ скромный домикъ, построенный для ночлега Государя въ Сардарь-Аббадѣ. Домикъ этотъ разрушился, но заботами и попеченіями генерала-отъ-кавалеріи князя Амилахвари приведенъ въ первобытный видъ и сохраненъ для потомства.

Вторая турецкая война—начавшаяся въ 1853 году, ознаменована двумя побѣдами подъ Башъ-Кадыкларомъ и Кюрукъ-Дара,—побѣдами, о какихъ Россія не слыхала со временъ Румянцева и Суворова. Это Кагулъ и Рымникъ нашего времени.

Императоръ Николай I скончался 18-го февраля 1855 года. При Его Преемникѣ, Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ, восточная война на Кавказѣ закончилась взятіемъ Карса и плѣненіемъ всей анатолійской арміи; но неудачи въ Крыму и паденіе Севастополя не дали намъ возможности воспользоваться кавказскими побѣдами,—и никакихъ земельныхъ пріобрѣтеній на этотъ разъ сдѣлано не было. Зато въ царствованіе Императора Александра II восточный Кавказъ былъ окончательно покоренъ княземъ Барятинскимъ, а западный — Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ. Кавказская война, длившаяся 64 года, была окончена и отошла въ область преданій. Надъ народами Кавказа пронеслась евангельская пѣснь: «*Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ*».

Императоръ Александръ Николаевичъ три раза посѣтилъ Кавказъ: въ первый разъ, будучи еще Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, въ 1850 году, Его Высочество, по волѣ Своего

Державнаго Родителя, осчастливилъ посѣщеніемъ Кавказъ, чтобы не только ознакомиться съ богатствами природы и разнороднымъ составомъ населенія окраины, но и благодарить войска, въ ней находившіяся, за трудную и боевую жизнь. На долю тогдашняго окружного города Черноморіи—Тамани—выпало счастье первымъ привѣтствовать на кавказской территоріи Наслѣдника Цесаревича, высадившагося съ парохода 12-го сентября 1850 года. Одинъ изъ очевидцевъ путешествія Его Высочества, М. Я. Ольшевскій, весьма подробно описывая это путешествіе въ «Русск. Стар.» за 1884 г., сообщаетъ, между прочимъ, интересныя свѣдѣнія о перестрѣлкѣ съ чеченцами, происшедшей во время переѣзда Наслѣдника Цесаревича изъ Воздвиженской на Сунженскую линію, въ которой Его Высочество принималъ участіе. «Переѣздъ отъ Воздвиженской, черезъ Урусъ-Мартанъ, на Сунженскую линію,—разсказываетъ г. Ольшевскій,—былъ совершенъ съ военными предосторожностями. Гойтинская и гехинская просѣки были заняты пѣхотой съ артиллеріей. Генералъ Слѣпцовъ съ сунженцами и четырьмя орудіями долженъ былъ встрѣтить Государя Наслѣдника у входа въ гехинскій лѣсъ».

«Ожидать непріятеля въ большомъ числѣ нельзя было, да никто объ этомъ и не думалъ. Однако могло собраться въ короткое время нѣсколько сотъ конныхъ и пѣшихъ чеченцевъ изъ того населенія, которое гнѣздилось въ лѣсныхъ трущобахъ въ верховьяхъ Гойты, Мартана, Рошни, Гехи, что и случилось на самомъ дѣлѣ».

«Еще не доѣзжая укрѣпленія Урусъ-Мартанскаго, на опушкѣ лѣса начали показываться одиночные всадники. За этимъ же укрѣпленіемъ непріятель не только началъ чаще появляться въ опушкѣ лѣса, отстоящаго на нѣсколько верстъ отъ дороги, но небольшія партіи конныхъ чеченцевъ, джигитуя и гикая на открытомъ пространствѣ, затѣвали перестрѣлку съ находившимися въ цѣпи казаками. Когда подъѣхали къ небольшой рѣчкѣ Рошнѣ, то въ томъ мѣстѣ, гдѣ съ лѣвой стороны приближался лѣсъ къ дорогѣ версты на полторы, показалась значительная толпа непріятеля. Не успѣлъ кто-то крикнуть: «Чеченцы!», указывая въ ту сторону, откуда они показались, какъ Его Высочество, ударивъ плетью Своего коня, помчался по указанному направленію».

«Все помчалось за Цесаревичемъ. Старикъ М. С. Воронцовъ, герой Бородина и Краона, ѣхавшій по нездоровью въ

Императоръ
Александръ II.

экипажѣ, встрепенулся, вздрогнулъ и съ замирающимъ сердцемъ, за отвѣтственность въ случаѣ несчастья, вскочилъ на коня и, какъ юноша, помчался за Наслѣдникомъ Престола. Но вмѣсто опасности онъ увидѣлъ торжество. Непріятель бѣжалъ, и только лежало тѣло убитаго чеченца да бѣгали нѣсколько лошадей безъ сѣдоковъ. Картечь изъ двухъ орудій и шашки казаковъ нанесли такое пораженіе непріятельской толпѣ. Впрочемъ и у насъ, кромѣ двухъ лошадей, оказались легко ранеными казакъ и мирный чеченецъ.

«Тутъ же оцѣнена была отвага, съ которою Его Высочество бросился на непріятеля, и главнокомандующій, по предоставленному ему праву, поздравилъ Его георгіевскимъ кавалеромъ, о чемъ, по прибытіи въ Сунженскую, вошелъ съ представленіемъ къ Государю Императору».

Затѣмъ Императоръ Александръ II посѣтилъ Кавказъ въ 1861 году, въ самый разгаръ военныхъ дѣйствій на правомъ флангѣ, и, наконецъ, въ послѣдній разъ—по окончаніи войны, въ 1871 году. Государь Императоръ слѣдовалъ въ Тифлисъ чрезъ Владикавказъ. Его Императорское Величество сопровождали: Государь Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великій Князь Владимиръ Александровичъ, министръ Императорскаго Двора генералъ-адъютантъ графъ Адлербергъ 2-й, шефъ жандармовъ генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ 1-й, Свиты Его Императорскаго Величества генералъ-майоръ Рылѣевъ, Свиты Его Императорскаго Величества генералъ-майоръ Воейковъ. По пути Его Величество встрѣчали массы народа, восторженно привѣтствовавшія Монарха.

На станціи Душетъ Его Величество былъ встрѣченъ душетскимъ предводителемъ дворянства и горожанами съ хлѣбомъ и солью. Во Мцхетѣ Его Императорское Величество изволилъ посѣтить мцхетскій соборъ 12 апостоловъ. Здѣсь же Его Величество ожидалъ конвой отъ борчалинскихъ бековъ и агаларовъ. Сельскіе старшины и судьи Тифлисскаго уѣзда поднесли хлѣбъ-соль Его Величеству. У городской черты, предъ зданіемъ лабараторіи, гдѣ Государь Императоръ изволилъ выйти изъ экипажа, ожидали начальствующія лица, а также тифлисскій комендантъ и старшій полицеймейстеръ, оба съ почетными рапортами, губернскіе и уѣздные предводители дворянства съ князьями и дворянами, на лошадяхъ, со знаменемъ. У креста на Верѣ ожи-

далъ Его Величество городской голова съ депутатами и членами городского управленія, съ хлѣбомъ-солью, а далѣе были расположены цехи со значками. По пріѣздѣ въ Тифлисъ, Его Императорское Величество изволилъ прослѣдовать въ Сіонскій соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ экзархомъ Грузіи и прочимъ духовенствомъ. По возвращеніи изъ собора, Государя Императора у подъѣзда дворца ожидалъ почетный караулъ при которомъ находились высшіе чины военнаго вѣдомства. Во внутреннихъ аппартаментахъ почетный караулъ былъ составленъ изъ князей и дворянъ, избранныхъ отъ уѣздовъ въ числѣ 24 человѣкъ, изъ коихъ 2 всадника при 1 офицерѣ сопровождали Государя Императора при выѣздахъ Его Величества изъ дворца. Вечеромъ въ день пріѣзда Его Императорскаго Величества городъ былъ иллюминованъ. Изъ Тифлиса Его Императорское Величество изволилъ отбыть въ Боржомъ. Затѣмъ Его Императорское Величество изволилъ посѣтить знаменитый Гунибъ, бывшее мѣстопребываніе имама Чечни и Дагестана Шамиля, откуда возвратился въ Тифлисъ, посѣтилъ Кутаисъ и проѣхалъ въ Поти по желѣзной дорогѣ.

Въ царствованіе Императора Александра II возникла новая турецкая война 1877—78 гг., и побѣды кавказской арміи, предводимой Августѣйшимъ Главнокомандующимъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, присоединили къ россійскимъ владѣніямъ весь Карсскій пашалыкъ и Батумскій округъ. Въ Его же царствованіе кавказскія войска приняли участіе въ завоеваніи ахалъ-текинскаго оазиса; но эта кампанія окончилась уже при Его Преемникѣ, Императорѣ Александрѣ III.

Трудно описать тотъ народный восторгъ, съ которымъ Кавказъ встрѣтилъ Императора Александра Александровича, посѣтившаго его вмѣстѣ со Своею Августѣйшею Семьею, осенью 1888 года. И не одинъ Кавказъ—ликовала вся Россія, связанная съ Кавказомъ неизмѣримыми жертвами, принесенными ею въ этомъ краѣ во имя своей великой исторической миссіи. Милліоны сердецъ молитвами и пожеланіями благословляли путь Царя, на которомъ Онъ долженъ былъ увидѣть многолѣтніе плоды умиротвореннаго Кавказа, плоды его прошлаго, работы и вопросы его настоящаго, надежды его будущаго,—и воспріять повсюду проявленіе народной любви, столь же безграничной, какъ Его власть,

Императоръ
Александръ III.

столь же твердой, какъ довѣріе къ ней, и столь же правдивой, какъ нужда въ этой власти... Кавказъ никогда не забудетъ этого посѣщенія и съ гордостью будетъ повторять Царскую телеграмму, которую въ свое время знали всѣ наизусть... «*Съ огромнымъ удовольствіемъ вспоминаемъ Наше чудное путешествіе по Кавказу и еще разъ благодаримъ сердечно*».

„Александръ“ и „Марія“.

Нынѣ благополучно Царствующаго Государя Императора Николая Александровича Кавказъ имѣлъ счастіе привѣтствовать еще Цесаревичемъ, когда Онъ посѣтилъ его вмѣстѣ со Своими Августѣйшими Родителями въ 1888 году. Ихъ Величества со Своими Августѣйшими Дѣтьми—Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ, Николаемъ Александровичемъ и Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ прибыли во Владикавказъ 18-го сентября. На артиллерійскомъ полигонѣ былъ произведенъ Высочайшій смотръ войскамъ: 19-й и 20-й пѣхотныхъ и кавалерійской дивизій, артиллеріи, казачьихъ сотенъ и туземныхъ войскъ. Въ тотъ-же день вечеромъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ и Великій Князь Георгій Александровичъ осчастливили посѣщеніемъ лагерь кавалерійской дивизіи, гдѣ изволили принять участіе въ ужинѣ нижегородцевъ, сѣверцевъ и переяславцевъ, во время котораго играла музыка, пѣлись пѣсни... Драгуны свято хранятъ память объ этомъ днѣ пребыванія среди нихъ Государя Императора Николая II.

Изъ Владикавказа Ихъ Величества отбыли 20-го сентября въ Новороссійскъ, а затѣмъ въ Батумъ, прослѣдовавъ такимъ образомъ вдоль всего черноморскаго побережья. 26-го сентября подъ Михайловымъ состоялся Высочайшій смотръ, въ которомъ приняли участіе 18 батальоновъ пѣхоты, четыре сотни казаковъ и 102 орудія. Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ былъ въ формѣ Собственнаго Его Величества конвоя и, какъ Атаманъ казаковъ, изволилъ прослѣдовать на флангѣ казачьяго полка. 27-го сентября Державные Гости посѣтили Боржомъ. 28-го сентября Ихъ Величества съ Августѣйшими Дѣтьми прибыли въ Тифлисъ по закавказской желѣзной дорогѣ. Городъ восторженно привѣтствовалъ Царя и Его

Семью. Съ вокзала Ихъ Величества съ Августѣйшими Дѣтьми по роскошно украшеннымъ улицамъ прослѣдовали въ древнюю святыню столицы Грузіи, Сіонскій соборъ, гдѣ Царскую Семью встрѣтилъ привѣтственнымъ словомъ маститый экзархъ Грузіи Палладій. Въ 10¼ часовъ Ихъ Величества и Ихъ Высочества прибыли во дворецъ, гдѣ, послѣ завтрака, состоялся Высочайшій выходъ. На слѣдующій день на Дидубійскомъ полѣ состоялся Высочайшій смотръ войскамъ, по окончаніи котораго Царская Семья изволила посѣтить 1-ю гимназію, закавказскій дѣвичій институтъ, заведеніе св. Нины, а вечеромъ—балъ, устроенный тифлисскимъ дворянствомъ. 30-го сентября, въ третій день пребыванія Своего въ Тифлисѣ, Ихъ Величества съ Августѣйшими Дѣтьми осчастливили Своимъ посѣщеніемъ Навтлугъ, гдѣ изволили быть въ военномъ госпиталѣ, общинѣ сестеръ милосердія и дѣтскомъ пріютѣ, а затѣмъ посѣтили въ Тифлисѣ кавказскій музей, Ольгинскую женскую гимназію, военно-историческій музей и кадетскій корпусъ. Вечеромъ-же Царская Семья изволила присутствовать на народномъ гуляньѣ въ саду Муштаидѣ. 1-го октября Ихъ Величества и Ихъ Высочества выѣхали въ удѣльное имѣніе Цинондалы, посѣтивъ по пути гомборскую военную церковь. Изъ Цинондалъ Высочайшія Особы прослѣдовали въ Тіонеты, откуда изволили отправиться въ Баку. Изъ Баку Ихъ Величества съ Августѣйшими Дѣтьми прослѣдовали въ Кутаисъ и оттуда въ Батумъ.

Нынѣ, во дни славнаго царствованія Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича, суждено намъ отпраздновать столѣтній юбилей присоединенія къ Россіи Грузіи—присоединенія, послужившаго первою ступенью къ владычеству нашему надъ всѣмъ Закавказьемъ.

КРАТКІЯ БІОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

о

Главноуправляющихъ Грузіею, Намѣстникахъ кавказскихъ и Главноначальствующихъ гражданскою частью на Кавказѣ.

Генералъ-лейтенантъ
К. Ѳ. Кнорингъ.

КРАТКІЯ БІОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

о

Главноуправляющихъ Грузіи, Намѣстникахъ кавказскихъ и Главноначальствующихъ гражданскою частью на Кавказѣ.

Генералъ-лейтенантъ Кноррингъ 2-й.

Карлъ Ѳедоровичъ Кноррингъ 2-й происходилъ изъ эстляндскихъ дворянъ, воспитывался въ сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ и выпущенъ изъ него въ 1764 году корнетомъ въ астраханскій конно-карабинерный полкъ, съ которымъ черезъ четыре года участвовалъ въ первой турецкой войнѣ, при осадѣ Хотина. Затѣмъ Кноррингъ переходитъ въ пѣхоту, командуетъ 2-мъ батальономъ въ бугскомъ егерскомъ корпусѣ и на штурмѣ Очакова заслуживаетъ георгіевскій крестъ. Медленно подвигается въ чинахъ Карлъ Ѳедоровичъ и только на 33 году своей службы назначается шефомъ ревельскаго пѣхотнаго полка. Но затѣмъ царствованіе Императора Павла I быстро выдвигаетъ его изъ ряда сослуживцевъ: въ два года онъ получаетъ два чина—генералъ-майора и генералъ-лейтенанта, и еще черезъ годъ назначается командующимъ войсками на Кавказской линіи. Здѣсь дѣятельность Карла Ѳедоровича не ознаменовывается чѣмъ-либо выходящимъ изъ круга обычныхъ служебныхъ обязанностей, но имя его тѣсно связывается съ Кавказомъ, какъ имя перваго правителя присоединенной Грузіи.

Манифестъ объ упраздненіи грузинскаго престола по смерти царя Георгія XIII былъ уже обнародованъ, но положеніе Грузіи не успѣло еще опредѣлиться окончательно, когда Императоръ Павелъ I скончался. Преемникъ Его, Императоръ Александръ I, подтвердилъ присоединеніе Грузіи своимъ манифестомъ 12-го сентября 1801 года, прибавивъ, что дѣлаетъ это не для корысти, не для приращенія своихъ силъ и распространенія предѣловъ и безъ того обширнѣйшей имперіи въ свѣтѣ, а единственно изъ человѣколюбія, которое налагаетъ на него священный долгъ внять моленію страждущихъ и отвратить отъ нихъ скорбь учре-

жденіемъ такого правленія, которое могло бы утвердить въ землѣ ихъ правосудіе, личную безопасность и дать каждому защиту закона.

Исполненіе этихъ мудрыхъ, въ высокой степени гуманныхъ предначертаній Государь возложилъ на генералъ-лейтенанта Кнорринга, тогда же назначеннаго военнымъ губернаторомъ Грузіи, съ оставленіемъ и командующимъ войсками на Кавказской линіи. Къ сожалѣнію, Кнорингъ бывалъ въ Тифлисѣ только наѣздами, онъ продолжалъ жить въ Георгіевскѣ, поручивъ управленіе Грузіею полномочному министру, статскому совѣтнику Коваленскому. Отъ этого положеніе Грузіи, раздираемой и внутренними партіями, во главѣ которыхъ стояли многочисленные члены царской фамиліи, и набѣгами лезгинъ, опустошавшихъ ея окраины, продолжало представлять собою картину вполнѣ безотрадную. И вотъ, 8-го сентября 1802 года, Кнорингъ былъ отозванъ съ своего поста, а на его мѣсто въ Грузію назначенъ знаменитый въ исторіи кавказской войны князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ.

Князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ.

Князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ, происходилъ изъ знатнѣйшей грузинской княжеской фамиліи и находился въ близкомъ родствѣ съ послѣднимъ царствовавшимъ въ Грузіи домомъ. Въ русскую службу поступилъ еще дѣдъ его, и съ тѣхъ поръ семейство князей Циціановыхъ осталось въ Россіи навсегда.

Князь Павелъ Дмитріевичъ родился въ 1754 году въ Москвѣ. Онъ началъ службу въ преображенскомъ полку, потомъ перешелъ въ армію и, командуя с.-петербургскимъ гренадерскимъ полкомъ, участвовалъ во второй турецкой войнѣ 1786 года, гдѣ битва подъ Хотиномъ сразу выдвинула его изъ ряда сослуживцевъ.

Произведенный въ генералъ-майоры, князь Циціановъ со своимъ полкомъ былъ передвинутъ съ турецкихъ границъ въ западныя губерніи и расположился въ Гродно. Здѣсь засталъ его 1794 годъ, памятный кровавою рѣзнею, извѣстною подъ именемъ «Варшавской заутрени». Въ Гроднѣ мятежъ не удался, благодаря только необычайной бдительности и суровымъ мѣрамъ, принятымъ княземъ Циціановымъ. Онъ подавилъ мятежъ въ самомъ началѣ, и военныя дѣйствія велись имъ съ такою энергіей, что Суворовъ, въ одномъ изъ своихъ приказовъ, предписывалъ войскамъ «сражаться рѣшительно, какъ храбрый князь Циціановъ». Орденъ св. Владимира 3-й степени, Георгій на шею, золотая шпага и 1,500 десятинъ земли—были наградами Циціанову.

Черезъ два года онъ участвовалъ въ персидскомъ походѣ графа Зубова и нѣкоторое время былъ комендантомъ въ Баку, гдѣ сблизился съ Гуссейнъ-Кули-ханомъ, сдѣлавшимся впослѣдствіи его гнуснымъ убійцею.

Короткій періодъ царствованія Павла Петровича Циціановъ провелъ въ отставкѣ, но Императоръ Александръ I снова призвалъ его на службу, произвелъ въ генералъ-лейтенанты и 11-го сентября 1802 года назначилъ главнокомандующимъ въ Грузію. Истомленная борьбою, страна эта требовала въ то время энергическаго, твердаго правителя и въ этомъ отношеніи выборъ Циціанова былъ безошибоченъ. Въ короткое время своего управленія онъ успѣлъ не только успокоить Грузію, но и совершенно измѣнить карту тамошняго края. Онъ засталъ Закавказье состоящимъ изъ раздробленныхъ, независимыхъ ханствъ, опиравшихся на Персію и составлявшихъ враждебное кольцо, охватывавшее съ трехъ сторонъ грузинскія земли. Но прошли три года—и Циціановъ оставилъ За-

кавказье почти въ теперешнихъ его предѣлахъ или, по крайней мѣрѣ, намѣтилъ то, что довелось совершить уже его преемникамъ.

Отлично понимая духъ азіятскихъ народовъ, покорствующихъ только силѣ, Циціановъ сразу перемѣнилъ обращеніе съ сосѣдними ханами и не только прекратилъ имъ подарки и жалованье, но самъ потребовалъ отъ хановъ дани. Повелительный и рѣзкій тонъ, съ которымъ онъ къ нимъ обращался, шелъ, какъ нельзя лучше, къ тогдашнимъ обстоятельствамъ и производилъ на азіятцевъ сильное впечатлѣніе. «Статочное-ли дѣло,—писалъ онъ въ одной изъ своихъ прокламацій,—чтобы муха съ орломъ переговоры дѣлала»...

Первыми испытали на себѣ его тяжелую руку джаробѣлоканскіе лезгины, издавна разорявшіе Грузію своими набѣгами. Посланный къ нимъ генералъ Гуляковъ разбилъ и уничтожилъ все, что только осмѣлилось противостать ему съ оружіемъ,—и джарцы, лишенные своей независимости, были обложены данью.

Уничтоживъ въ 1803 году старинныхъ враговъ Грузіи, князь Циціановъ съ небольшимъ отрядомъ вступилъ въ Ганжинское ханство. «Первая и главная причина моего прихода сюда,—писалъ онъ ганжинскому хану,—та, что Ганжа, со времени царицы Тамары, принадлежала Грузіи и лишь слабостію царей грузинскихъ отторгнута отъ оной... Пришедъ съ войсками брать городъ, я, по обычаю европейскому, долженъ, не приступая къ пролитію крови человѣческой, предложить о сдачѣ города. Буде завтра, въ полдень, не получу отвѣта, то понесу подъ Ганжу огонь и мечь, и вы узнаете умѣю-ли я держать свое слово».

Джаватъ-ханъ отвѣчалъ отказомъ,—и война началась. Ханъ защищался геройски; цѣлый мѣсяцъ длилась осада, пять разъ возобновлялъ Циціановъ требованіе о сдачѣ, но все было напрасно. «Я возьму крѣпость и предамъ тебя смерти»,—писалъ онъ къ упрямому хану.—«Ты найдешь меня мертвымъ на крѣпостной стѣнѣ»,—отвѣчалъ Джаватъ, и оба клялись исполнить свое обѣщаніе. Наконецъ, 2-го января 1804 года назначенъ былъ штурмъ,—Ганжа пала. Джаватъ-ханъ былъ убитъ, и владѣнія его присоединены къ Россіи.

Государь пожаловалъ князю Циціанову чинъ генерала-отъ-инфантеріи.

Взятіе Ганжи было событіемъ чрезвычайно важнымъ, потому что крѣпость эта считалась ключемъ къ сѣвернымъ провинціямъ Персіи и Циціановъ, желая изгладить изъ памяти народной самое имя Ганжи, назвалъ ее Елисаветполемъ, въ честь Императрицы Елисаветы Алексѣевны, Супруги Императора Александра I.

Въ то время какъ русскія войска заняты были внѣшнею войною, джарскіе лезгины поднялись поголовно съ тѣмъ, чтобы возстановить свою независимость. 15-го января 1804 года подъ Закаталами произошло

жаркое сраженіе; храбрый генералъ Гуляковъ былъ убитъ, отрядъ его отступилъ, и, тѣмъ не менѣе, потери непріятеля были такъ велики и нравственная сила его настолько подорвана, что лезгины сами просили о пощадѣ; не только ихъ депутаты, но и сосѣдніе владѣльцы—елисуйскій султанъ и самухскій бекъ—явились въ Тифлисъ съ покорною головою. Всѣ они были обложены данью и присягнули на вѣрность русскому Императору.

Покончивъ съ Ганжей и усмиривъ лезгинъ, Циціановъ въ 1803 году двинулся въ Эриванское ханство. Персидская армія, встрѣтившая его подъ Эчміадзиномъ и потомъ у д. Калагири, оба раза была разбита, и русскія войска обложили Эриванъ. Къ сожалѣнію, этотъ походъ, блистающій цѣлымъ рядомъ подвиговъ, прославившій имена Портнягина, Монтрезора и другихъ, въ концѣ-концовъ, окончился неудачею. Наступившая осень и ненастье заставили снять осаду, и русскіе отступили въ Грузію. Но впечатлѣніе, вызванное этимъ походомъ, было такъ велико, что непосредственно за тѣмъ генералъ Несвѣтаевъ уже безъ усилій оторгнулъ отъ Эриванскаго ханства цѣлую Шурагельскую область, а вслѣдъ за тѣмъ къ Россіи добровольно присоединился весь Карабагъ и ханства Шекинское и Ширванское. Сопредѣльныя съ Грузіею, Мингрельское княжество и Имеретинское царство также приняты были въ русское подданство,—и этимъ событіемъ завершилось дѣло новаго объединенія Иверійскаго царства. Расчлененная нѣкогда, за 400 лѣтъ передъ тѣмъ, грузинскимъ царемъ Александромъ I, Иверія опять составила теперь одно нераздѣльное цѣлое, но уже подъ скипетромъ Императора русскаго.

Быстрые успѣхи Россіи въ Закавказьѣ настолько встревожили Персію, терявшую въ ханствахъ свои передовые оплоты, что лѣтомъ 1805 года сильная персидская армія, безъ объявленія войны, вторглась въ новыя наши владѣнія. Но всѣ усилія ея разбились въ Карабагѣ о горсть русскихъ войскъ, предводимыхъ полковникомъ Карягинымъ, подвиги котораго въ эту эпоху носятъ на себѣ по-истинѣ легендарный характеръ; они казались чудесными даже въ глазахъ самихъ современниковъ. «У васъ совершаются дѣла баснословныя,—писалъ къ Циціанову одинъ петербургскій вельможа,—слыша о нихъ, дивишься имъ и радуешься, что имя русскихъ и Циціанова гремитъ въ странахъ отдаленныхъ».

Но стремленія Циціанова шли далѣе обезпеченія русскихъ владѣній со стороны Персіи и Турціи. Онъ понималъ, что, не имѣя ни одного торговаго пункта ни на Каспійскомъ, ни на Черномъ моряхъ, невозможно удержаться въ Закавказьѣ и въ этихъ видахъ въ Мингреліи, на берегу Чернаго моря, онъ заложилъ небольшое укрѣпленіе Редутъ-Кале и въ то же время задумалъ занять Баку и утвердиться на Каспійскомъ морѣ. И вотъ, 30-го января 1806 года, русскія войска уже въ предѣлахъ Ба-

кинскаго ханства, Баку сдается, и 8-го февраля Цицiановъ, въ сопровожденiи лишь небольшого конвоя, назначеннаго для занятiя крѣпости, приблизился къ колодцу, отстоявшему всего въ полуверстѣ отъ города. Сюда выѣхалъ къ нему самъ Гуссейнъ-Кули-ханъ съ крѣпостными ключами. Но едва главнокомандующiй, не подозрѣвая измѣны, пошелъ къ нему навстрѣчу, какъ ханская свита бросилась на него во весь опоръ—и Цицiановъ упалъ, убитый наповалъ выстрѣломъ изъ пистолета. Бакинцы съ крѣпостной стѣны привѣтствовали убiйство радостнымъ крикомъ и залпомъ изъ всѣхъ орудiй по отряду, стоявшему у колодцевъ. Между тѣмъ убiйцы подхватили тѣло и умчали его съ собою. Русскiя войска, застигнутыя неожиданною катастрофою, отступили отъ крѣпости.

«Голова Цицiанова, полная отваги и предпрiимчивости, и руки его, крѣпкiя мышцами, распространявшiя власть,—говоритъ персидскiй историкъ,—были отсѣчены отъ трупа и отправлены въ Ардебиль, а оттуда съ большимъ торжествомъ препровождены въ Тегеранъ къ персидскому шаху». Тѣло же его было зарыто у воротъ самой бакинской крѣпости, гдѣ долгое время виднѣлась могила грознаго русскаго главнокомандующаго.

Впослѣдствiи (2-го iюня 1806 г.), когда Баку было взято генераломъ Булгаковымъ, прахъ знаменитаго кавказскаго героя былъ преданъ погребенiю въ тамошней армянской церкви; а, спустя еще шесть лѣтъ, въ 1812 году, новый главнокомандующiй, маркизъ Паулуччи, перенесъ его въ столицу Грузiи, и тѣло князя Цицiанова покоится нынѣ въ тифлисскомъ Сiонскомъ соборѣ.

Весь Тифлисъ вышелъ навстрѣчу погребальной процессiи и въ безмолвiи сопровождалъ прахъ доблестнаго князя до новой могилы, приготовленной для него въ древнѣйшемъ храмѣ Иверiйской земли. По приказанiю маркиза Паулуччи, надъ могилою его тогда же поставленъ былъ памятникъ съ краснорѣчивою надписью, подробно разсказывающей страшную исторiю гибели Цицiанова, «котораго враги, бывъ слабы побѣдить силою, умертвили измѣннически». «Подъ симъ монументомъ,—говоритъ эпитафiя,—сокрыты тлѣнные останки Цицiанова, коего слава переживетъ прахъ его». Впослѣдствiи, по инициативѣ графа Паскевича, этотъ памятникъ былъ замѣненъ другимъ; а еще позднѣе—воздвигнутъ монументъ князю Цицiанову и въ городѣ Баку, тамъ, гдѣ тѣло его зарыто было въ пескѣ, лишенное святого погребенiя.

Исполненный необыкновеннаго ума и храбрости, одаренный проницательностiю и твердою волей, хорошо знакомый съ характеромъ восточныхъ народовъ, Цицiановъ гордо и высоко держалъ русское знамя и оставилъ по себѣ память, которая никогда не умретъ въ исторiи кавказской войны.

Генералъ-фельдмаршалъ
Графъ И. В. Гудовичъ.

Графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ.

Графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ принадлежалъ къ небольшому числу серьезно образованныхъ людей прошлаго столѣтія. Онъ слушалъ университетскія лекціи въ Кенигсбергѣ, Галлѣ и Лейпцигѣ и потому, на основаніи еще регламентовъ Петра Великаго, былъ принятъ на службу 1-го января 1759 года прямо офицеромъ. Близость Гудовичей ко двору Императора Петра III способствовала настолько его возвышенію, что на четвертомъ году службы онъ былъ уже полковникомъ и командиромъ астраханскаго пѣхотнаго полка. Съ кончиною Императора, Гудовичи лишились своего значенія, но блестящія способности молодого человѣка не могли остаться незамѣченными и въ новое царствованіе.

Отличія, оказанныя имъ во время первой турецкой войны подъ Хотиномъ, въ Рачевскомъ лѣсу, подъ Ларгой и Кагуломъ, на штурмахъ Браилова и Журжи и, наконецъ, на рѣкѣ Дембовицѣ,—выдвинули его настолько, что, начавъ кампанію молодымъ полковникомъ, онъ окончилъ ее генералъ-майоромъ, съ аннинскою лентою и Георгіемъ на шеѣ. 15 лѣтъ мирнаго времени, наступившаго по окончаніи первой турецкой войны, онъ провелъ сперва въ званіи начальника дивизіи, а потомъ генерзлъ-губернатора и намѣстника Тамбовской и Рязанской губерній.

Вторая турецкая война, снова вызвавшая Гудовича на ратное поле, ознаменована была имъ взятіемъ Гаджи-бея (нынѣшней Одессы) и крѣпости Киліи, а вслѣдъ за тѣмъ, въ 1790 году, Гудовичъ, съ производствомъ въ генералъ-аншефы, назначенъ былъ кавказскимъ Намѣстникомъ.

Гудовичъ прибылъ въ резиденцію намѣстничества, въ г. Георгіевскъ, въ январѣ 1791 года, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ уже блестяще вписалъ свое имя въ лѣтописи кавказскихъ войнъ покореніемъ Анапы. Она взята была послѣ кровопролитнаго штурма 22-го іюня 1791 года, и Императрица достойно оцѣнила этотъ подвигъ, пожаловавъ Гудовичу Георгія 2 класса, золотую, украшенную брильянтами и лаврами саблю, а нѣсколько позже—и орденъ Андрея Первозваннаго. Покончивъ съ Анапой, Гудовичъ дѣятельно занялся устройствомъ пограничной линіи, обуздалъ кабардинцевъ и заселилъ берега Кубани первыми казачьими станицами. Но въ 1796 году, когда началась персидская война и главнокомандующимъ

назначенъ былъ графъ Зубовъ,—Гудовичъ, согласно своей просьбѣ, былъ уволенъ отъ должности. Но онъ не доѣхалъ еще до Воронежа, какъ встрѣтилъ курьера, который вручилъ ему манифестъ о воцареніи Императора Павла I и Высочайшее повелѣніе немедленно возвратиться на Кавказъ, принять подъ свое начальство армію Зубова и заключить съ Персіею миръ. По исполненіи этого, Гудовичъ возведенъ былъ въ графское достоинство и въ 1800 году назначенъ военнымъ генералъ-губернаторомъ въ Каменецъ-Подольскъ. Тамъ Гудовичъ имѣлъ несчастье навлечь на себя немилость Государя, былъ отставленъ отъ службы и прожилъ своемъ имѣніи безвыѣздно до 1806 года, когда Императоръ Александръ, послѣ смерти кн. Циціанова, снова призвалъ маститаго генерала на постъ Главнокомандующаго въ Грузію.

Вторичная эпоха въ командованіи Гудовича на Кавказѣ занимаетъ три года и ознаменовывается присоединеніемъ къ Россіи трехъ ханствъ: Дербентскаго, Кубинскаго и Бакинскаго, потомъ, послѣдовательнымъ усмиреніемъ Шеки и Карабага и, наконецъ, турецкою кампаніею 1807 года. Начатая неудачнымъ штурмомъ Ахалкалакъ, стоившимъ Гудовичу около тысячи человѣкъ и нѣсколькихъ орудій,—она закончилась 18-го іюня на берегахъ Арпачая генеральнымъ сраженіемъ, въ которомъ главная турецкая армія, подъ личнымъ предводительствомъ сераскира, была разбита наголову и бѣжала въ Арзерумъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ всю артиллерію. За эту побѣду Государь возвелъ графа Гудовича въ санъ генералъ-фельдмаршала.

Въ слѣдующемъ году турецкая война смѣнилась персидскою. Она ознаменовалась блистательными успѣхами русскихъ войскъ въ Нахичеванскомъ ханствѣ и новою кровавою неудачею самого Гудовича подъ стѣнами Эривани: штурмъ былъ отбитъ съ громадною потерею, и Гудовичъ вынужденъ былъ отступить въ Грузію безъ успѣха. Это бѣдственное отступленіе, совершившееся среди глубокой и снѣжной зимы, окончательно разстроило здоровье стараго фельдмаршала; онъ получилъ сильнѣйшій ревматизмъ, отъ котораго потерялъ одинъ глазъ. Разстроенный физически и нравственно, онъ просилъ Государя уволить его отъ должности и былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Москву. Въ этомъ званіи Гудовичъ оставался до 1812 года, когда глубокая старость заставила его просить о совершенномъ увольненіи отъ службы. Императоръ изъявилъ на это согласіе и пожаловалъ ему свой портретъ, осыпанный брильянтами для ношенія въ петлицѣ.

Послѣдніе годы своей жизни маститый фельдмаршалъ провелъ въ своемъ имѣніи, м. Ольгіополѣ, и умеръ въ январѣ 1820 года на 79 году отъ рожденія.

Генералъ-отъ-кавалеріи
А. П. Тормасовъ.

Генералъ-отъ-кавалеріи А. П. Тормасовъ.

9-го марта 1809 года, на мѣсто графа Гудовича, главнокомандующимъ войсками въ Грузіи и на Кавказской линіи назначенъ былъ генералъ-отъ-кавалеріи Александръ Петровичъ Тормасовъ, человѣкъ съ благороднымъ, рѣшительнымъ характеромъ и съ твердою настойчивою волею. Тормасовъ началъ службу офицеромъ въ 1772 году и черезъ 12 лѣтъ, въ чинѣ полковника, командовалъ уже александрійскимъ гусарскимъ полкомъ, съ которымъ участвовалъ въ турецкой войнѣ 1791 года. Произведенный въ эту кампанію въ генералъ-майоры, Тормасовъ получилъ кавалерійскую бригаду, и въ сраженіи подъ Мачиномъ его безусловно отважная, блестящая атака во флангъ непріятельской арміи доставила русскимъ рѣшительную побѣду. За этотъ подвигъ Тормасовъ, не имѣвшій до того никакого ордена, получилъ прямо крестъ св. Георгія 3-го класса. Съ окончаніемъ турецкой войны, онъ перешелъ въ Польшу, гдѣ командовалъ кавалерійскими отрядами, находился въ бою подъ Маціовицами, гдѣ взятъ въ плѣнъ Косцюшко, и штурмовалъ съ Суворовымъ Прагу. Въ 1798 году онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а черезъ три года въ генералы-отъ-кавалеріи. Разстроенное здоровье помѣшало ему принять участіе въ большихъ европейскихъ войнахъ 1805—1807 годовъ, и послѣ тильзитскаго мира онъ даже совсѣмъ вышелъ въ отставку. Но, не далѣе какъ черезъ годъ, Императоръ Александръ I снова призвалъ его на службу, поручивъ ему высокій постъ главнокомандующаго въ Грузіи.

Управленіе Тормасова Кавказомъ было кратковременно (1809—1811 г.), но ознаменовалось нѣсколькими важными событіями, которыя должны занять видное мѣсто въ исторіи Кавказа. На первомъ планѣ стоитъ покореніе Поти, окончательно упрочившее наше положеніе въ Мингреліи и Имеретіи. Послѣдній имеретинскій царь Соломонъ, державшій сторону Турціи, былъ низложенъ съ престола, и Имеретинское царство въ 1810 году было включено въ составъ Россійской имперіи подъ именемъ Имеретинской области. Гурія и Абхазія тогда же поступили въ наше подданство, и Россія твердою ногою стала на берегахъ Чернаго моря.

Съ такимъ же успѣхомъ были погашены имъ бунты въ Осетіи и

въ Кубинской провинціи; вольная Табасарань впервые увидѣла русскіе штыки, и погромомъ ея былъ нанесенъ послѣдній ударъ извѣстному мятежнику Шихъ-Али-хану дербентскому, не переставшему волновать наши владѣнія.

Посреди этихъ событій персидская война шла своимъ чередомъ. Лѣтомъ 1810 года персіяне вторглись въ Карабагское ханство; но, дважды разбитые Котляревскимъ при Мигри и на Араксѣ, бѣжали, трепеща за участь Тавриза, гдѣ съ минуты-на-минуту уже ждали появленія грознаго Котляревскаго. Такою же неудачей окончилась попытка ихъ проникнуть въ Грузію черезъ Бамбакъ, гдѣ въ то время стоялъ храбрый Портнягинъ. Тогда, убѣдившись въ невозможности сломить наши войска на Араксѣ, персіяне, соединившись съ турками, рѣшились совокупными силами проникнуть въ Грузію черезъ Ахалкалаки. Но здѣсь, подъ стѣнами этой крѣпости, на нихъ внезапно напали два батальона 9-го и 15-го егерскихъ полковъ, подъ общею командою генералъ-майора маркиза Паулуччи. Трое сутокъ шелъ этотъ отрядъ черезъ снѣговыя горы, по мѣстамъ, непроходимымъ даже для жителей, и внезапнымъ нападеніемъ въ глухую, мрачную ночь истребилъ непріятеля такъ, что только немногіе успѣли спасти себѣ жизнь, укрывшись въ самыхъ Ахалкалакахъ; союзъ рушился, и персіяне уже не отваживались болѣе нападать на русскія границы. Государь пожаловалъ Тормасову алмазные знаки св. Александра Невскаго, а объ ахалкалакскомъ дѣлѣ приказалъ объявить въ особомъ приказѣ по арміи.

«Такой необыкновенный подвигъ,—сказано въ этомъ приказѣ,—долженъ послужить примѣромъ потомству въ томъ, что храбрость, труды и усердіе замѣняютъ численность войскъ, побѣждаютъ природу и торжествуютъ надъ многочисленнѣйшимъ непріятелемъ».

Въ томъ же году, зимою, Тормасовъ осаждаетъ Ахалцыхъ, но на десятый день осады въ русскомъ лагерѣ обнаруживается чума, и Тормасовъ рѣшается лучше пожертвовать военной славой, чѣмъ подвергать войсками Грузію бѣдствіямъ страшной заразы. Осада была снята, и войска возвратились въ Грузію. Это было послѣднее дѣйствіе Тормасова за Кавказомъ. Въ 1811 году онъ получилъ орденъ св. Владимира 1-го класса и вслѣдъ затѣмъ назначенъ былъ главнокомандующимъ третьею западною арміею, стоявшею въ Луцкѣ. Въ этомъ званіи онъ является въ Отечественную войну, и ему принадлежитъ побѣда 15-го іюля при м. Кобринѣ,—первая, одержанная русскими войсками въ эту тяжелую для Россіи годину.

Съ этихъ поръ имя Тормасова дѣлается извѣстнымъ цѣлой Россіи, и народный восторгъ по отношенію къ нему выражается съ особенною силою въ Москвѣ, гдѣ съ лихорадочнымъ трепетомъ слѣдили за отступ-

Генералъ-лейтенантъ
П. С. Котляревскій.

леніемъ другихъ русскихъ армій къ Смоленску. Когда пришло извѣстіе о побѣдѣ, въ московскомъ театрѣ давали оперу «Старинныя святки». И вотъ, когда началось обычное величаніе: «Слава Богу на небѣ, слава, а Государю на сей землѣ слава!»—знаменитая тогдашняя пѣвица Сандунова неожиданно вышла впередъ и запѣла:

Слава, слава генералу Тормасову,
Поразившему силы вражескія!

Театръ дрогнулъ отъ грома рукоплесканій и криковъ «ура», и восторженные возгласы смѣшались съ радостными слезами зрителей. Это была дань народнаго чувства русскому народному герою. Такъ привѣтствовала Москва имя Тормасова,—и въ Москвѣ же ему довелось прожить послѣдніе дни своей жизни.

Награжденный за Кобринъ Георгіемъ 2 класса, Тормасовъ по окончаніи Отечественной войны назначенъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта, а по взятіи Парижа—главнокомандующимъ въ древнюю первопрестольную столицу Россіи, которую нужно было воздвигнуть изъ пепла. Въ этомъ званіи Тормасовъ стяжалъ себѣ всеобщую любовь москвичей, получилъ Андреевскій орденъ, графское достоинство и 13-го ноября 1819 года скончался на 67 году отъ рожденія. Прахъ его покоится въ московскомъ Чудовомъ монастырѣ.

Генералъ-лейтенантъ Маркизъ Паулуччи.

Маркизъ Филиппъ Осиповичъ Паулуччи родился въ Меденѣ въ 1779 году и юношей началъ военную службу въ итальянской арміи, участвовалъ съ ней въ революціонныхъ войнахъ и дослужился до званія генералъ-адъютанта. Выйдя затѣмъ въ отставку, онъ поступилъ въ 1807 году въ русскую службу полковникомъ, сражался съ турками подъ начальствомъ Михельсона, произведенъ въ генералъ-майоры и въ 1810 году назначенъ въ Грузію генералъ-квартирмейстеромъ. Здѣсь, съ двумя батальонами, онъ наголову разбилъ соединенныя силы персіянъ и турокъ подъ Ахалкалаками и однимъ ударомъ окончилъ кампанію 1810 года. Государь произвелъ его въ генералъ-лейтенанты, а о подвигѣ его приказалъ объявить въ особомъ приказѣ по арміи. «Такой необыкновенный подвигъ,—говорилось въ этомъ приказѣ,—долженъ послужить примѣромъ потомству въ томъ, что храбрость и усердіе замѣняютъ численность войскъ, побѣждаютъ природу и торжествуютъ надъ многочисленнѣйшимъ непріятелемъ».

Въ сентябрѣ 1811 года, по отозваніи съ Кавказа генерала Тормасова, маркизъ Паулуччи назначенъ былъ на мѣсто его главнокомандующимъ въ Грузію. Недолго, всего нѣсколько мѣсяцевъ, оставался Паулуччи на этомъ посту, но въ это короткое время сдѣлано было имъ очень многое. Въ его командованіе Котляревскій взялъ штурмомъ Ахалкалаки, и грозная крѣпость, еще недавно видѣвшая подъ своими стѣнами пораженіе цѣлой арміи Гудовича, пала передъ двумя штурмующими батальонами. Въ Дагестанѣ покорена и присоединена къ Россіи цѣлая область подъ именемъ Кюринскаго ханства—подвигъ, доставившій Паулуччи орденъ св. Георгія 3-го класса. Затѣмъ персидская армія, вторгнувшаяся въ Карабагъ, была разсѣяна и въ ужасѣ бѣжала за Араксъ. Паулуччи намѣревался самъ вторгнуться въ Персію, но новыя тревожныя обстоятельства потребовали присутствія его въ Грузіи. Это былъ Кахетинскій бунтъ, быстро усмиренный энергическими мѣрами, принятыми главнокомандующимъ.

Посреди этой кипучей дѣятельности, въ началѣ 1812 года, маркизъ неожиданно получилъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ: «Отличное ваше служеніе обратило на васъ особое Мое вниманіе, и Я, желая, по до-

Генералъ-лейтенантъ
Маркизъ Паулуччи.

стоинствамъ вашимъ, употребить васъ съ большею блистательностію, повелѣваю вамъ прибыть въ С.-Петербургъ, а начальство надъ Грузіей сдать генералу Ртищеву».

Грузины съ сожалѣніемъ встрѣтили это извѣстіе. Депутація отъ грузинскаго дворянства послана была въ Петербургъ просить Государя объ оставленіи маркиза въ Грузіи. Государь милостиво принялъ просьбу, но не призналъ возможнымъ перемѣнить свое рѣшеніе: готовилась война съ Наполеономъ, и Государь собиралъ вокругъ себя людей извѣстныхъ боевымъ опытомъ и военными дарованіями.

Назначивъ маркиза Паулуччи своимъ генералъ-адъютантомъ, Онъ поручилъ ему сперва должность начальника главнаго штаба 1-ой арміи, а потомъ назначилъ лифляндскимъ и курляндскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ этой должности Паулуччи пробылъ до 1829 года, когда принялъ главное начальствованіе надъ арміей короля сардинскаго.

Генералъ-отъ-инфантеріи Н. Ѳ. Ртищевъ.

Въ началѣ 1812 года, на мѣсто маркиза Паулуччи, главнокомандующимъ въ Грузію назначенъ былъ генералъ-лейтенантъ Николай Ѳедоровичъ Ртищевъ.

Предшествовавшая служба его не представляла ничего выдающагося. Выпущенный изъ кадетъ сухопутнаго корпуса въ 1773 году въ навагинскій полкъ, онъ участвовалъ въ кампаніи противъ шведовъ и потомъ находился съ корпусомъ генерала Игельшстрома въ Польшѣ во время возстанія, извѣстнаго подъ именемъ «Варшавской заутрени». Постепенно подвигаясь въ чинахъ, Ртищевъ въ 1796 году, въ чинѣ генералъ-майора, былъ отставленъ отъ службы и только спустя девять лѣтъ, уже передъ турецкою войною 1809 года, опять былъ принятъ на службу, произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ сперва начальникомъ 16-й пѣхотной дивизіи, затѣмъ, въ февралѣ 1811 года, командующимъ войсками на Кавказской линіи, а еще годъ спустя—главнокомандующимъ въ Грузію.

Какъ человѣкъ уже преклонныхъ лѣтъ, не отличавшійся ни рѣшительностью характера, ни выдающимися заслугами, Ртищевъ съ крайнею неохотою принялъ на себя тяжелую обязанность быть правителемъ обширнаго и безпокойнаго края, особенно въ трудную эпоху 12-го года, когда правительство, занятое приготовленіями къ громадной борьбѣ съ Наполеономъ, естественно не могло удѣлить южной своей окраинѣ того вниманія, какого требовали обстоятельства тогдашняго времени.

А положеніе дѣлъ за Кавказомъ, между тѣмъ, было самое тревожное. Нельзя не сказать, что бухарестскій миръ, окончившій войну между Россіей и Турціей, произвелъ во всемъ Закавказьѣ тяжелое впечатлѣніе; тамъ Россія вынуждена была отдать туркамъ все, что въ послѣднее время отвоевано было отъ нихъ съ такими тяжелыми жертвами. Въ Ахалкалаки, въ Анапу и въ Поти вступили опять турецкіе гарнизоны, и магометанская луна вновь осѣнила высокія башни, на которыхъ еще такъ недавно развѣвалось побѣдное русское знамя. Турція возвратила себѣ за Кавказомъ все, что было ею потеряно, а русскіе, послѣ цѣлаго ряда блестящихъ побѣдъ, очутились, по отношенію къ ней, опять на тѣхъ же невыгодныхъ позиціяхъ, на которыхъ были при Кнорингѣ и Циціановѣ.

Генералъ-отъ-инфантеріи
Н. Ѳ. Ртищевъ.

Такая уступчивость по отношенію къ Турціи не могла не вызвать новыхъ и настойчивыхъ притязаній со стороны Персіи. Но, къ счастію, на персидской границѣ стоялъ отрядъ, хотя и малочисленный, но подъ предводительствомъ такого вождя, какъ Котляревскій. Онъ, вопреки распоряженіямъ Ртищева, старавшагося всѣми силами избѣжать кровавыхъ столкновеній, самъ перешелъ Араксъ и 19-го октября 1812 года со своимъ двухтысячнымъ отрядомъ разгромилъ персидскую армію подъ Асландузомъ, а затѣмъ, 31-го декабря, взялъ штурмомъ Ленкорань—и этими двумя ударами закончилъ персидскую войну, длившуюся десять лѣтъ при пяти главнокомандующихъ. Послѣдствіемъ этихъ славныхъ побѣдъ былъ гюлистанскій миръ, поставившій Россію почти въ тѣ же границы, которыя она занимаетъ и нынѣ.

Такимъ образомъ, энергическая дѣятельность вождей цицiановской школы спасла Закавказье отъ печальныхъ результатовъ, къ которымъ могла привести его нерѣшительность Ртищева. Но Ртищевъ былъ замѣчательно честный человѣкъ. Онъ не только сознался въ ошибочности своихъ мнѣній, но въ своихъ донесеніяхъ Государю прямо указываетъ на Котляревскаго, какъ на виновника успѣховъ въ персидской войнѣ. Щедро награждая Котляревскаго, Государь въ то же время пожаловалъ Ртищеву за асландузскую побѣду орденъ св. Александра Невскаго, а за гюлистанскій миръ—чинъ генерала-отъ-инфантеріи.

Окончаніе войнъ съ Персіей и Турціей заставило присмирѣть лезгинъ и укротило внутреннія смуты въ Грузіи. Вспыхнувшее возстаніе въ Кахетіи было подавлено быстро, и царевичъ Александръ, служившій душою этого заговора, вынужденъ былъ бѣжать къ хевсурамъ. Но близость его къ Кахетіи не внушала, однако, довѣрія къ будущему, и потому генералъ Симоновичъ, разгромивъ весною 1813 года Хевсурію, заставилъ Александра бѣжать въ Дагестанъ и тамъ навсегда покончить свою политическую карьеру.

Асландузъ, Ленкорань и хевсурскій походъ, который, по трудностямъ перенесеннымъ войсками въ области вѣчныхъ снѣговъ, современники ставили выше альпійскаго похода Суворова,—дали особый блескъ эпохѣ командованія Ртищева. Но долговременная служба, преклонныя лѣта и болѣзнь заставили его просить увольненія отъ должности. Государь исполнилъ желаніе маститаго старца, и 12-го октября 1816 г. Ртищевъ зачисленъ былъ по арміи, а на мѣсто его въ Грузіи является генералъ-лейтенантъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

Генералъ-отъ-инфантеріи А. П. Ермоловъ.

Въ блестящемъ рядѣ дѣятелей еще недавняго прошлаго нашей народной и государственной жизни Ермоловъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ, на которыхъ во всѣ грядущіе вѣка съ удивленнымъ вниманіемъ и глубокимъ сочувствіемъ остановится взоръ каждаго русскаго, кому дорога русская національная слава.

Начало блистательнаго военнаго поприща Ермолова захватываетъ собою еще славное екатерининское время. На первыхъ же шагахъ этого поприща, онъ былъ замѣченъ великимъ Суворовымъ, изъ рукъ котораго на штурмѣ Праги и получилъ свой первый георгіевскій крестъ. Но громкая извѣстность его начинается съ наполеоновскихъ войнъ, когда подвиги Ермолова дѣлаются достояніемъ устныхъ разсказовъ, принимаютъ легендарный характеръ и вмѣстѣ съ его именемъ переходятъ въ народъ, отводя ему одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ среди народныхъ героевъ 1812 года. Русская армія привыкла чтить въ немъ героя Валутина, Бородина, Кульма и Парижа. Вотъ почему и кавказскія войска съ восторгомъ узнали о назначеніи главою ихъ Ермолова, почему и вдохновенный русскій поэтъ съ полнымъ правомъ могъ воскликнуть тогда: «Смирись Кавказъ—идетъ Ермоловъ»!

Назначеніе его главнокомандующимъ въ Грузію и на Кавказскую линію состоялось 24-го мая 1816 года. Съ этихъ же поръ начинается и новый, обильный блестящими послѣдствіями, періодъ русскаго владычества въ краѣ. Эпоха Ермолова была для Кавказа, прежде всего, эпохою полнаго измѣненія внутренней политики. Прежняя система, которой держались по отношенію къ горцамъ и которая заключалась въ подаркахъ и подкупахъ, смѣнилась системою строгихъ наказаній, мѣръ суровыхъ, доходящихъ иногда до жестокости, но всегда неизмѣнно соединенныхъ съ правосудіемъ и великодушіемъ. Установивъ себѣ принципъ, что золото не охрана отъ непріятеля, а приманка его, Ермоловъ сталъ давать цѣну только желѣзу, которое и заставилъ цѣнить болѣе золота. Это была политика, имѣвшая своею цѣлью не временный, непрочный миръ, котораго домогались прежде,—а полная побѣда, полное покореніе Россіи враждебныхъ земель.

Ермоловъ началъ съ Чечни и первая, поставленная имъ, крѣпость

Генералъ-отъ-инфантеріи
А. П. Ермоловъ.

α_{11}

Грозная, положившая основаніе Сунженской линіи, до конца кавказской войны сохранила за собой ту выдающуюся роль, которая была предназначена ей Ермоловымъ,—такъ вѣрно опредѣлено было имъ ея стратегическое значеніе. Такую же точно роль играла и крѣпость Внезапная по отношенію къ кумыкамъ. Но покореніе Чечни не могло быть прочнымъ, пока сама природа стояла на стражѣ ея границъ,—и Ермоловъ стремится завоевать эту природу. При немъ въ первый разъ возникаетъ система рубки лѣсовъ, и широкія просѣки открываютъ русскимъ войскамъ свободный путь въ самыя нѣдра чеченской земли. Эта система до самыхъ послѣднихъ дней кавказской войны становится необходимою основою всѣхъ дѣйствій, главнѣйшимъ средствомъ покоренія Кавказа,—и жестоко платились тѣ, которые отъ нея отступали.

Въ Дагестанѣ дѣйствія Ермолова отличались еще большею рѣшимостью и быстротою. Онъ началъ съ того, что зимою въ 1818 году разгромилъ Мехтулу и обратилъ ее въ простое русское приставство. Въ слѣдующемъ году покорены Табасарань и весь Каракайтагъ; а битва подъ Лавашами, сокрушивъ могущество сильнаго и воинственнаго акушинскаго народа, рѣшаетъ судьбу Сѣвернаго Дагестана. Еще годъ,—и перестаетъ существовать независимое Казикумухское ханство. Такъ послѣдовательно, все тѣснѣе и тѣснѣе, сжималось желѣзное кольцо вокругъ недоступныхъ дагестанскихъ горъ, и племена ихъ, истощенныя въ непосильной борьбѣ, на долгое время замолкли. Даже персидская и турецкая войны не заставили ихъ пошевелиться.

Обуздавъ Чечню и Дагестанъ, Ермоловъ смирилъ Кабарду,—и съ этихъ поръ владычество русскихъ на Сѣверномъ Кавказѣ утверждается такъ прочно, что даже роковой 1825 годъ, когда Чечня и Кабарда кровавымъ бунтомъ пытались низложить цѣпи, наложенныя на нихъ Ермоловымъ, уже ничего не могъ измѣнить въ судьбѣ этихъ странъ Кавказа,—усмиреніе было быстро и рѣшительно.

Прозрѣвая въ будущее, Ермоловъ пользуется всѣми средствами, чтобы закрѣпить Кавказъ за Россіею,—и плодомъ этой мысли является политическая система присоединенія ханствъ: Шека, Карабагъ и Ширванъ одно за другимъ теряютъ свою самостоятельность и становятся русскими провинціями.

Въ 1826 году начинается персидская война. Персіяне вторгаются въ русскіе предѣлы внезапно, безъ объявленія войны. Но геройская оборона Шуши задерживаетъ движеніе ихъ армій, а Ермоловъ между тѣмъ сосредоточиваетъ войска и двумя знаменитыми битвами, подъ Шамхоромъ и Елисаветполемъ, кончаетъ персидскую кампанію.

Цѣлый рядъ трудныхъ задачъ, выполненныхъ Ермоловымъ, требовалъ, конечно, соотвѣтствующихъ силъ,—и онъ нашелъ ихъ въ кавказ-

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
531374
ПОГАШЕНО

скомъ солдатѣ. Но и кавказскій солдатъ обязанъ ему, въ свою очередь, именно той высотою нравственнаго духа, который отличалъ его до послѣдняго часа кавказской войны и останется въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ, пока будутъ существовать названія кавказскихъ полковъ. Ермоловъ первый рѣшился въ официальныхъ приказахъ назвать солдатъ «товарищами»,—и солдаты отвѣчали ему глубокою любовью, именуя не иначе, какъ «батюшка Алексѣй Петровичъ». Извѣстный генералъ Сабанѣевъ, посѣтившій Кавказъ въ 1826 году, справедливо сказалъ Дибичу: «Я нашелъ тамъ войска, одушевленныя духомъ екатерининскимъ и суворовскимъ; съ такими войсками Паскевичу одерживать побѣды будетъ не трудно». И вся Россія сознавала, кто былъ истиннымъ виновникомъ знаменитыхъ побѣдъ Паскевича и въ Персіи, и въ Турціи.

Персидскою кампаніею заканчивается ермоловская эпоха. 29-го марта 1827 года онъ сходитъ съ политической сцены въ самую цвѣтущую пору своей жизни, когда ему не было и 50-ти лѣтъ отъ роду. Тихо и незамѣтно проходятъ послѣдніе годы героя въ Москвѣ, посреди общаго почета и уваженія, которымъ окружаютъ его русскіе люди. Въ Бозѣ почившій Императоръ Николай Павловичъ не перестаетъ оказывать ему всѣ знаки Своего благоволенія. «Я хочу,—сказалъ ему однажды Государь,—всѣхъ васъ, стариковъ, собрать около Себя и беречь, какъ старыя знамена». Въ день открытія кульмскаго памятника Императоръ прислалъ ему андреевскій орденъ.

Уже на полномъ склонѣ своихъ дней Ермолову выпадаетъ честь еще разъ появиться въ дѣятельной роли защитника отечества. Это было въ севастопольскую войну, когда вся Москва, вспоминая избраніе Кутузова начальникомъ петербургскихъ дружинъ въ 1812 году, выразила единодушное желаніе имѣть вождемъ московскихъ ополченій Ермолова. Алексѣй Петровичъ имѣлъ утѣшеніе дожить еще до покоренія Восточнаго Кавказа—увидѣть роскошный плодъ, возросшій отъ сѣмянъ, насажденныхъ его рукою. Когда Шамиля спросили въ Москвѣ: что онъ желаетъ видѣть,—онъ отвѣчалъ: «Прежде всего—Ермолова». Такъ обаятельно было имя его на всемъ Кавказѣ.

Ермоловъ скончался въ Москвѣ 12-го апрѣля 1861 года, на 85-мъ году отъ рожденія. Прахъ его покоится въ Орлѣ, въ особомъ придѣлѣ Троицко-кладбищенской церкви, а надъ его гробницей неугасимо теплится простая чугунная лампадка съ знаменательною надписью: «Служащіе на Гунибѣ кавказскіе солдаты». Лучшимъ выразителемъ чувствъ Россіи при кончинѣ Ермолова является газета «Кавказъ», заканчивающая свой некрологъ о немъ слѣдующими словами: «Не исчисляемъ заслугъ и званій Ермолова: его имя и званіе—истинно русскій человѣкъ въ полномъ значеніи этого слова».

Память о Ермоловѣ никогда не умретъ на Кавказѣ: гордыя скалы его составляютъ несокрушимый пьедесталъ, на которомъ истинно русскій человѣкъ вѣчно будетъ видѣть величавый образъ Ермолова, окруженный лучами безсмертной славы.

Но Ермолову есть на Кавказѣ и другой памятникъ. Главноначальствующій князь Дондуковъ, посѣтивъ въ 1882 году крѣпость Грозную, былъ глубоко пораженъ и опечаленъ, увидя извѣстную землянку Ермолова, столь тщательно сохраняемую при князѣ Воронцовѣ, въ полномъ разрушеніи. По приказанію князя этотъ дорогой для кавказцевъ памятникъ былъ возобновленъ. Въ Петербургѣ, на собственный счетъ князя, заказанъ былъ колоссальный бронзовый бюстъ Ермолова и поставленъ на каменномъ столбѣ, поддерживающемъ сводъ или крышу прежней землянки. На земляной крышѣ ея теперь тщательно содержится цвѣтникъ, а со стороны улицы поставлена изящная желѣзная рѣшетка съ такими же воротами. На воротахъ короткая, но полная значенія надпись: «Здѣсь жилъ Ермоловъ».

Не мѣшало бы грозненскому городскому управленію съ своей стороны оберечь и украсить этотъ дорогой памятникъ русскому герою, тѣмъ болѣе что онъ же и основатель крѣпости, а теперь города Грознаго!...

Генералъ-фельдмаршалъ графъ И. Ѳ. Паскевичъ.

Паскевичъ родился 8-го мая 1782 года въ Полтавѣ, и, какъ представитель древней и богатой малороссійской фамиліи, получилъ воспитаніе въ пажескомъ корпусѣ. Отсюда онъ былъ выпущенъ въ 1800 году поручикомъ въ преображенскій полкъ, прямо съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ къ Императору Павлу Петровичу.

При началѣ турецкой войны 1806 года Паскевичъ отправился въ армію Михельсона и съ этихъ поръ начинаетъ свое боевое поприще, на которомъ ему суждено было занять столь почетное мѣсто въ ряду русскихъ полководцевъ. Михельсонъ опытнымъ глазомъ первый оцѣнилъ въ Паскевичѣ нѣчто болѣе одной заурядной храбрости, и репутація эта утвердилась за нимъ еще болѣе при послѣдующихъ главнокомандующихъ. Возвышеніе его идетъ чрезвычайно быстро; тяжелая рана въ голову, полученная имъ при штурмѣ Браилова, къ счастью, не воспрепятствовала ему принимать дальнѣйшее участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ 1810 году штурмъ Базарджика доставляетъ ему Георгія 4-й ст.; Варна, гдѣ онъ съ однимъ витебскимъ полкомъ отразилъ яростную вылазку турецкой арміи и отстоялъ русскую позицію—Георгія на шею; Батынъ—чинъ генералъ-майора. Пять лѣтъ, проведенныя имъ въ турецкой войнѣ, послужили для Паскевича отличною школою, и здѣсь то онъ пріобрѣлъ ту опытность и знаніе свойствъ противника, которыя такъ пригодились ему впослѣдствіи въ его азіатскихъ походахъ.

Въ 1811 году Паскевичъ назначенъ шефомъ вновь сформированнаго имъ орловскаго пѣхотнаго полка, а отечественная война застаетъ его уже въ званіи начальника 26-й пѣхотной дивизіи. Начавшійся періодъ большихъ европейскихъ войнъ открылъ талантамъ и храбрости Паскевича широкое поприще: битва при Солтоновкѣ, защита Смоленска, Бородинскій бой,—гдѣ дивизія Паскевича почти цѣликомъ легла при оборонѣ центральнаго редута, потомъ Малоярославецъ, Вязьма, Красный и, наконецъ, Лейпцигъ и Парижъ—доставили ему громкую и справедливую извѣстность. По окончаніи этихъ войнъ, Паскевичъ—уже генералъ-лейтенантъ, съ александровскою лентой,—командуетъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіей, а за годъ до кончины Императора Александра назначается генералъ-адъютантомъ и командиромъ 1-го пѣхотнаго кор-

Генералъ-фельдмаршалъ
Графъ И. Ѳ. Паскевичъ-Эриванскій.

пуса. Затѣмъ онъ сопровождаетъ новаго Императора Николая Павловича въ Москву на коронацію,—и съ этого момента начинается его крупная, историческая роль.

Война съ Персіей принимала тогда размѣры все болѣе и болѣе тревожные. Оборонительная система, избранная Ермоловымъ, не согласовалась съ волей Императора, требовавшаго дѣйствій рѣшительныхъ,—и въ этихъ видахъ въ помощь генералу Ермолову на Кавказъ назначенъ былъ Паскевичъ. Елисаветпольскій бой, такъ сказать, закрѣпилъ за нимъ Кавказъ,—и 27-го марта 1827 года онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ на мѣсто Ермолова. Открытая имъ персидская кампанія окончилась чрезвычайно быстро. Взятіе крѣпости Аббасъ-Абада, пораженіе персидскихъ войскъ при Джаванъ-Булахѣ, покореніе Сардарь-Абада, паденіе неприступной Эривани,—два раза отразившей отъ своихъ стѣнъ русскихъ вождей—князя Циціанова и графа Гудовича,—и наконецъ овладѣніе Тавризомъ—привели къ Туркманчайскому миру, въ силу котораго Россія пріобрѣла двѣ обширныя провинціи, Эриванскую и Нахичеванскую, подъ именемъ Армянской области.

Наградами Паскевичу служили чинъ генерала-отъ-инфантеріи, милліонъ рублей, пожалованный ему изъ суммъ персидской контрибуціи, орденъ св. Георгія 2-го класса и графское достоинство съ титуломъ Эриванскаго.

Еще славнѣе для Россіи окончилась, начатая вслѣдъ за тѣмъ, турецкая война, длившаяся два года. Штурмъ Карса, пораженіе вспомогательнаго турецкаго корпуса подъ стѣнами Ахалциха, ахалцихскій штурмъ, разгромъ двухъ турецкихъ армій на Соганлугѣ, взятіе Эрзерума и движеніе на Трапезондъ—составляютъ одни изъ знаменитѣйшихъ подвиговъ, когда-либо внесенныхъ Россіею въ свои боевыя лѣтописи. За эту войну Паскевичъ получилъ брильянтовые знаки ордена св. Андрея Первозваннаго, чинъ генералъ-фельдмаршала, орденъ св. Георгія 1-го класса и званіе шефа ширванскаго полка, которому, въ память знаменитаго ахалцихскаго штурма, повелѣно именоваться полкомъ графа Паскевича Эриванскаго.

Такъ же успѣшно поведены были имъ и дѣла на Кавказѣ: здѣсь приведены въ подданство карачаевцы, обитавшіе у самой подошвы Эльборуса, покорены осетины, утратила послѣднюю тѣнь независимости безпокойная Джаро-Белоканская область, окончательно упрочена за нами Абхазія, а Гурія обращена въ простую русскую провинцію. Но несмотря на всѣ эти блистательные успѣхи русскаго оружія, до полнаго умиротворенія края было еще далеко,—и кровавая, почти сорокалѣтняя борьба съ мюридизмомъ легла уже на преемниковъ графа Паскевича.

Отозванный съ Кавказа въ апрѣлѣ 1831 года, Паскевичъ назначается главнокомандующимъ дѣйствующей арміи въ Польшѣ. 12-го іюня онъ прибылъ въ Пултускъ, а 25-го августа Варшава уже взята была приступомъ и польскій мятежъ погасъ. Государь возвелъ Паскевича въ княжеское достоинство съ титуломъ Варшавскаго и назначилъ намѣстникомъ Царства Польскаго.

Венгерская кампанія 1849 года увѣнчала новыми лаврами русскаго полководца. Въ восемь недѣль спасена была отъ гибели австрійская монархія, и венгерская армія, побѣдоносно доходившая до стѣнъ трепещущей Вѣны, положила оружіе передъ русскими войсками. Императоръ Николай повелѣлъ отдавать Паскевичу почести, присвоенныя только особѣ одного Государя.

Еще разъ, уже престарѣлому фельдмаршалу пришлось явиться передъ войсками въ войну 1854 на Дунаѣ. Но пребываніе его при арміи длилось недолго. Годы и тяжкая болѣзнь уже ослабили душевную энергію и физическія силы маститаго полководца. Онъ вернулся въ Варшаву и, послѣ долгихъ и тяжкихъ страданій,—окончилъ свою жизнь 20-го января 1856 года, 73-хъ лѣтъ отъ роду. Для увѣковѣченія памяти въ рядахъ русской арміи о томъ, кто стоялъ во главѣ ея въ теченіе всего 30-лѣтняго царствованія Императора Николая, орловскому пѣхотному полку Высочайше повелѣно на вѣчныя времена именоваться полкомъ свѣтлѣйшаго князя Варшавскаго, графа Паскевича Эриванскаго.

Генералъ-адъютантъ
А. И. Нейдгардтъ.

Генералъ-адъютантъ А. И. Нейдгардтъ.

Неудача, понесенная нами въ ичкеринскихъ лѣсахъ лѣтомъ 1842 года, послужила поводомъ къ отозванію съ Кавказа генералъ-адъютанта Головина, и на мѣсто его командиромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса и главноуправляющимъ Кавказскимъ краемъ назначенъ былъ генералъ-адъютантъ Нейдгардтъ.

Александръ Ивановичъ Нейдгардтъ—одинъ изъ образованнѣйшихъ офицеровъ русской арміи—началъ службу въ 1798 году, въ царствованіе Императора Павла Петровича. Сперва онъ служилъ въ фридрихсгамскомъ гарнизонномъ полку, потомъ перешелъ въ невскій пѣхотный полкъ и, наконецъ, въ 1808 году былъ назначенъ адъютантомъ къ графу Буксгевдену, командовавшему тогда войсками, дѣйствовавшими въ Финляндіи. Въ эту кампанію впервые представился случай Нейдгардту выказать свои обширныя знанія и способности. Они были замѣчены, и при началѣ Отечественной войны онъ былъ зачисленъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части. Кампанію 1812 года Нейдгардтъ дѣлаетъ въ корпусѣ графа Витгенштейна, отличается въ бояхъ на Березинѣ и получаетъ тяжелую рану пулею въ грудь навылетъ. 12-й годъ доставилъ ему георгіевскій крестъ, а дальнѣйшіе заграничные походы—чинъ полковника, переводъ въ гвардейскій генеральный штабъ и, вслѣдъ за тѣмъ, назначеніе флигель-адъютантомъ.

Событія 14-го декабря 1825 года застаютъ Нейдгардта уже начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса, и за особыя отличія, оказанныя имъ въ этотъ памятный день, молодой Императоръ возвелъ его въ званіе генералъ-адъютанта. Затѣмъ Нейдгардтъ принимаетъ съ гвардіей участіе въ турецкой войнѣ 1828 года, получаетъ чинъ генералъ-лейтенанта и въ 1830 году назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба. Ту же должность генералъ-квартирмейстера Нейдгардтъ исполняетъ и при дѣйствующей арміи во время польской кампаніи 1831 года, гдѣ является однимъ изъ выдающихся дѣятелей въ сраженіяхъ подъ Вавромъ, подъ Гроховомъ, подъ Остроленкой и на штурмѣ Варшавы. За Варшаву онъ получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени, а спустя пять лѣтъ назначенъ командиромъ 6-го пѣхотнаго корпуса. Въ 1841 году Нейдгардтъ произве-

денъ въ генералы-отъ-инфантеріи, а 25-го ноября 1842 года назначенъ командиромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса.

Нужно сказать, что никогда еще дѣла наши на Кавказѣ не находились въ такомъ критическомъ положеніи, какъ въ эпоху назначенія Нейдгардта. Неудачи, испытанныя нами въ 1842 году, повели за собою введеніе новой, строго оборонительной системы военныхъ дѣйствій, предложенной военнымъ министромъ графомъ Чернышевымъ и приведшей только къ небывалому подъему духа у горцевъ. Значеніе Шамиля росло съ каждымъ днемъ, и разнохарактерное населеніе Чечни и Дагестана, никѣмъ не тревожимое, сплочивалось желѣзною волею имама въ одну общую массу.

Короткое управленіе Нейдгардта, человѣка уже преклонныхъ лѣтъ, слабаго и больного, ничего не поправило въ общемъ ходѣ нашихъ дѣлъ на Кавказѣ, и два года его начальствованія были рядомъ новыхъ неудачъ, въ концъ только разстроившихъ его физическія и нравственныя силы. Не успѣлъ Нейдгардтъ пріѣхать и оглядѣться въ краѣ, какъ Шамиль, такъ долго оставляемый нами въ покоѣ, перешелъ въ наступленіе,—и результаты его были для насъ крайне печальны: въ теченіе нѣсколькихъ недѣль мы потеряли 76 офицеровъ, болѣе 2,000 нижнихъ чиновъ и 27 орудій, послужившихъ началомъ шамилевской артиллеріи, которой у него до того не было. Аварія и весь нагорный Дагестанъ на цѣлыя 16 лѣтъ были для насъ потеряны, и наши войска съ трудомъ удержались только въ нѣкоторыхъ пунктахъ Сѣвернаго Дагестана. Шамиль стоялъ передъ нами въ апогеѣ своего величія.

Всѣ эти печальныя событія—результатъ, впрочемъ, только предшествовавшихъ нашихъ дѣйствій—произвели сильное впечатлѣніе во всей Россіи. На Кавказъ двинутъ былъ весь 5-й пѣхотный корпусъ съ тѣмъ, чтобъ исправить ошибки 1843 года, вырвать изъ рукъ непріятеля утраченныя нами территоріи, нанести Шамилю рѣшительный ударъ и прочно утвердиться въ горахъ. Давая Нейдгардту огромныя средства, которыхъ не имѣлъ ни одинъ изъ его предмѣстниковъ, Государь писалъ къ нему: «Надѣюсь, что ты убѣдишься въ томъ, что невозможнаго Я не требую ни отъ тебя, ни отъ войскъ; но требую откровеннаго отвѣта—берешься-ли сіе исполнить, какъ непремѣнную Мою волю, или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ дѣйствуй согласно Моей воли или, ежели не считаешь возможнымъ принять на себя отвѣтственность исполненія, то скажи Мнѣ, и тогда Я приму нужныя по сему мѣры». Нейдгардтъ отвѣчалъ на это, что всѣ, отъ него и до послѣдняго солдата, принесутъ себя въ жертву для исполненія воли Государя, если ходъ дѣлъ и положеніе края не поставятъ какихъ-либо неодолимыхъ преградъ. Но, несмотря на добрую волю, задача эта, требовавшая незаурядной энергіи и рѣшимости, оказалась не

по силамъ Нейдгардту, мало знакомому съ кавказской войной,—и весь 1844 годъ, съ его громадными средствами, былъ потерянъ напрасно. Въ Дагестанѣ одержано было нѣсколько побѣдъ, какъ, напр., при Девекѣ и Марги княземъ Аргутинскимъ, подъ Кака-Шурою—Пассекомъ; но главная цѣль экспедиціи—пораженіе Шамиля и возвращеніе утраченныхъ нами земель—достигнута не была. Огромныя, никогда на Кавказѣ невиданныя силы въ 22 батальона, съ массою артиллеріи, съ двумя корпусными командирами (Нейдгардтъ и Лидерсъ), не только не могли проникнуть въ Аварію, но даже не рѣшились атаковать Шамиля, стоявшаго передъ ними за Теренгульскимъ оврагомъ; и пока маневрировали, чтобы вызвать его изъ крѣпкой позиціи, горцы на глазахъ 20-ти батальоновъ отступили въ полномъ порядкѣ. Весь походъ окончился такимъ образомъ только безкровнымъ занятіемъ Акуши и Цудахара,—и общее положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ осталось то же, что было въ концѣ 1843 года.

Значительно лучше шли наши военныя дѣйствія въ Чечнѣ, гдѣ генералъ Гурко заложилъ передовую чеченскую линію и поставилъ на Аргуни сильное укрѣпленіе Воздвиженское. Это нѣсколько скрасило безплодный дагестанскій походъ; но зато Шамиль неожиданно пріобрѣлъ себѣ опаснаго для насъ союзника въ лицѣ Даніель-бека, султана Елисуйскаго, владѣнія котораго лежали между Нухою и Закаталами. Измѣна Даніель-бека нарушила мирное теченіе дѣлъ на Лезгинской линіи и поставила насъ въ крайне опасное положеніе. Правда, пламя возстанія, уже готовое охватить все мусульманское населеніе Закавказскаго края, было потушено мгновенно энергическими дѣйствіями генерала Шварца, и Даніель-бекъ, изгнанный изъ своихъ владѣній, бѣжалъ къ Шамилю; но это уже не поправило дѣла. Вліяніе султана на народъ осталось то же, и онъ искусно пользовался имъ, чтобы держать въ вѣчной тревогѣ Лезгинскую линію. Съ тѣхъ поръ эта часть Закавказскаго края, дотолѣ спокойная, обращается въ новый театръ военныхъ дѣйствій, не менѣе кровавый, чѣмъ Дагестанъ, Чечня и Закубанскій край.

Всѣ эти такъ невыгодно сложившіяся обстоятельства рѣшили участь Нейдгардта. Въ концѣ 1844 года онъ былъ отозванъ съ Кавказа и въ слѣдующемъ, въ 1845 году, скончался въ Москвѣ, въ званіи члена военнаго совѣта.

Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ.

Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ родился въ 1782 г. Отецъ его—одинъ изъ знаменитѣйшихъ представителей русскихъ вельможъ царствованія Екатерины Великой—занималъ постъ полномочнаго министра и чрезвычайнаго посланника при великобританскомъ дворѣ. Подъ его руководствомъ графъ Михаилъ Семеновичъ получилъ такое солидное образованіе, какимъ немногіе могли похвалиться въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Поступивъ на службу въ лейбъ-гвардіи преображенскій полкъ, молодой Воронцовъ въ 1803 году былъ командированъ на Кавказъ для участвованія въ военныхъ дѣйствіяхъ подъ начальствомъ знаменитаго князя Циціанова. Здѣсь, въ чинѣ поручика, онъ находился при штурмѣ Ганжи и на своихъ плечахъ вынесъ изъ боя раненаго Котляревскаго,—что и послужило поводомъ къ сближенію между ними и къ дружбѣ, продолжавшейся до самой смерти героя Асландуза и Ленкорани. Затѣмъ онъ принималъ участіе въ памятной закатальской экспедиціи, гдѣ убитъ храбрый Гуляковъ, и въ осадѣ Эривани, предпринятой самимъ Циціановымъ. Возвратившись въ Петербургъ въ 1805 году уже капитаномъ, украшенный владимирскимъ и георгіевскимъ крестами, онъ черезъ пять лѣтъ принимаетъ въ командованіе нарвскій пѣхотный полкъ, съ которымъ въ 1810 году дѣлаетъ турецкую кампанію, и за штурмъ Базарджика получаетъ чинъ генералъ-майора. Блистательное участіе, принятое имъ въ дѣйствіяхъ Кутузова, при пораженіи верховнаго визиря на правомъ берегу Дуная въ 1812 году, доставило ему Георгія на шею и золотую саблю, украшенную алмазами.

Отечественная война застаетъ графа Воронцова уже командиромъ сводной гренадерской дивизіи, въ которой онъ предводительствуетъ въ бою подъ Дашковымъ, Смоленскомъ и Бородинымъ, гдѣ онъ раненъ въ лѣвую ногу. Знаменитая краонская битва доставляетъ ему орденъ св. Георгія 2-го класса, а послѣ взятія Парижа онъ назначается генералъ-адъютантомъ и съ корпусомъ русскихъ войскъ остается во Франціи.

По возвращеніи оттуда, графъ Воронцовъ принимаетъ 3-й пѣхотный корпусъ, а вслѣдъ за тѣмъ, въ 1823 году, назначенъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ этомъ званіи, во время турецкой войны 1828 года, онъ командуетъ войсками, осаждающими Варну, и въ память

Генералъ-адъютантъ
Князь М. С. Воронцовъ.

ея покоренія получаетъ драгоцѣнную саблю съ надписью: «За взятіе Варны». Затѣмъ въ 1829 году ему пожалованъ андреевскій орденъ, въ 1834—алмазные знаки его, а въ 1836—назначенъ шефомъ нарвскаго егерскаго полка.

Между тѣмъ, въ декабрѣ 1844 года въ исторіи русскаго владычества на Кавказѣ начинается новая эпоха: обширная окраина эта преобразовывается въ намѣстничество, и во главѣ ея становится генералъ-адъютантъ графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, находившійся тогда уже на высшихъ ступеняхъ военной іерархіи.

Назначеніе Воронцова на Кавказъ, послѣ тяжкихъ неудачъ, понесенныхъ нами въ командованіе генерала Нейдгардта, было радостно привѣтствовано цѣлой Россіей. Соединяя въ себѣ знатность происхожденія, богатство, высокое образованіе, близкое знакомство съ Кавказскимъ краемъ, гдѣ началась его первая боевая служба, и громадную опытность въ дѣлахъ военной и гражданской администраціи, онъ болѣе другого могъ оправдать ожиданія русскаго народа и довѣріе своего Монарха. 25-го марта, въ самый день Благовѣщенія, 1845 года, графъ Воронцовъ прибылъ въ Тифлисъ и послѣ перваго, самаго поверхностнаго знакомства съ гражданскимъ управленіемъ края выѣхалъ на линію, гдѣ уже были собраны войска для выхода въ Андію.

Этотъ неудачный для насъ походъ былъ первымъ и послѣднимъ дѣйствіемъ графа Воронцова въ томъ направленіи, котораго держались его предмѣстники. Несмотря на полную неудачу предпріятія, эта экспедиція ознаменована была такими доблестями войскъ и ихъ вождя, что Государь возвелъ Воронцова въ княжеское достоинство, а куринскому егерскому полку повелѣно именоваться полкомъ князя Воронцова.

Съ этихъ поръ князь Михаилъ Семеновичъ переходитъ къ другой системѣ дѣйствій противъ горцевъ,—дѣйствій, которыя медленно, но вѣрно привели насъ къ окончательному умиротворенію Кавказа. Послѣ даргинской экспедиціи немедленно было приступлено къ заселенію передовой Сунженской линіи казачьими станицами, къ заложенію новыхъ укрѣпленій и, главное, къ вырубкѣ просѣкъ и къ устройству дорогъ,—что вынуждало враждебное намъ населеніе или покориться, или, бросая хлѣбородныя поля, удаляться въ горы. Семь лѣтъ неустанныхъ работъ привели наконецъ къ тому, что признано было возможнымъ пройти черезъ всю Большую Чечню, остававшуюся еще съ 1840 года для насъ недоступной, и это блистательно было выполнено зимою 1852 года.

На правомъ флангѣ, въ этотъ періодъ времени, мы окончательно утвердились на Лабѣ и начали устройство новыхъ линій по рѣкамъ Урупу и Бѣлой.

Относительно Дагестана нужно сказать, что тамъ еще нѣсколько

лѣтъ держались прежней системы наступательныхъ дѣйствій; но кровавыя дѣла подъ Гергебилемъ, Салтами и Чохомъ убѣдили князя Воронцова въ безплодности этихъ дѣйствій, и главное вниманіе его обратилось на то, чтобы стать прочною ногою въ прибрежномъ Дагестанѣ и, отказавшись отъ новыхъ завоеваній, учредить рядъ укрѣпленій, которыя могли бы составить блокадную линію противъ непокорныхъ горцевъ, какой до того времени со стороны Дагестана еще никогда не существовало. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы не наступила тогда восточная война, отвлекшая значительную часть войскъ въ Азіатскую Турцію, то, при подобномъ систематическомъ образѣ дѣйствій, умиротвореніе Кавказа наступило бы нѣсколькими годами ранѣе.

Къ одному изъ важнѣйшихъ событій, за время командованія Воронцова, относится путешествіе по Кавказу въ 1850 году Государя Наслѣдника Цесаревича, принявшаго участіе въ дѣлѣ съ горцами 26-го октября на передовой Чеченской линіи. Государь-Цесаревичъ получилъ за этотъ подвигъ орденъ св. Георгія 4-й степени,—и эта высокая награда сроднила съ Кавказомъ Того, Кому въ Свое блистательное царствованіе суждено было внести въ кавказскія горы не громъ оружія, а миръ, тишину и благоденствіе, которые отъ вѣка были незнакомы народамъ Кавказа.

Но если начало этому положено было еще Воронцовымъ, если имъ такъ много сдѣлано было по отношенію къ военному дѣлу, то еще болѣе Кавказъ и въ особенности Грузія обязаны его десятилѣтнему управленію своимъ гражданственнымъ устройствомъ. Сліяніе разнородныхъ племенъ Кавказа съ русскимъ народомъ было главною цѣлью, къ которой неустанно стремился князь Воронцовъ,—и заслуги его въ дѣлѣ распространенія въ краѣ просвѣщенія, въ развитіи промышленныхъ силъ Закавказья, въ устройствѣ его общественной жизни и въ постановкѣ Тифлиса на степень европейскаго города—несомнѣнны. Такова была плодотворная дѣятельность перваго Царскаго намѣстника въ странѣ, давно ожидавшей только призыва, чтобы двинуться по пути прогресса и цивилизаціи. Но эта же усиленная дѣятельность по всѣмъ отраслямъ, которыя могъ только обнимать широкій взглядъ маститаго 70-лѣтняго правителя, окончательно подорвала его здоровье, безъ того уже разстроенное и боевыми походами, и старыми ранами.

Турецкая война застала князя Воронцова, долго не вѣрившаго въ возможность ея, въ самомъ безотрадномъ положеніи: физическія силы его были надорваны и видимо приходили въ конечное разрушеніе. Побѣды подъ Ахалцихомъ и Башъ-Кадыкъ-Ларомъ были послѣднимъ его утѣшеніемъ. Изнемогая отъ недуга, онъ, 19-го октября 1854 года, согласно собственному желанію, уволенъ былъ отъ званія намѣстника. Въ

день священнаго коронованія Императора Александра II князь Воронцовъ, уже передъ тѣмъ награжденный и титуломъ свѣтлости, и Царскимъ портретомъ, осыпаннымъ брильянтами, былъ возведенъ въ санъ генералъ-фельдмаршала. Но это была послѣдняя награда, послѣднее вниманіе, оказанное ему Императоромъ, высоко цѣнившимъ его доблестную службу Престолу и отечеству.

Въ томъ же году, 6-го ноября, князь Воронцовъ скончался на 74-мъ году отъ рожденія. Но никогда не умретъ имя его въ рядахъ русской арміи, гдѣ нарвскому полку навсегда повелѣно именоваться полкомъ фельдмаршала князя Воронцова и никогда не потеряетъ оно своей популярности среди кавказскаго туземнаго населенія, имъ перерожденнаго, выдвинутаго имъ на путь преуспѣянія и слитаго съ Россіей въ одно прочное, неразрывное цѣлое.

Кто посѣтитъ Тифлисъ, тотъ, конечно, съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія остановится передъ громаднымъ бронзовымъ изваяніемъ знаменитаго мужа, съ которымъ для каждаго русскаго соединяется такъ много славныхъ воспоминаній.

Этотъ памятникъ князю М. С. Воронцову открытъ 25-го марта 1867 года.

Генералъ-адъютантъ Н. Н. Муравьевъ.

Въ концѣ 1854 года Намѣстникомъ кавказскимъ и командиромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса назначенъ былъ генералъ-адъютантъ Николай Николаевичъ Муравьевъ.

Николай Николаевичъ началъ службу въ 1811 году колоновожатымъ въ свитѣ Его Величества, по квартирмейстерской части (нынѣ генеральный штабъ). Съ этихъ поръ, за исключеніемъ небольшого періода времени (съ 1837 по 1848 годъ, когда находился въ отставкѣ), вся общественная дѣятельность его была посвящена военной службѣ, преимущественно на боевомъ поприщѣ, гдѣ онъ пріобрѣлъ славное имя и репутацію отличнаго генерала. Онъ принималъ участіе въ Отечественной войнѣ, и затѣмъ въ кампаніяхъ 1813-го и 1814-го годовъ, а потомъ служилъ на Кавказѣ при Ермоловѣ, гдѣ совершилъ свою знаменитую экспедицію къ восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря. О пребываніи его въ Хивѣ остались записки, прекрасно знакомящія съ краемъ и переведенныя на французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Военныя дѣйствія въ Персіи и Турціи доставили ему почетный орденъ св. Георгія 3-ей степени, а польская кампанія 1831 года, гдѣ онъ разбилъ Сѣраковскаго при Милоснѣ, рѣшилъ побѣду при Казимиржѣ и отличился при штурмѣ Варшавы, поставили его на степень одного изъ замѣчательнѣйшихъ вождей русской арміи. Въ 1833 году онъ былъ назначенъ начальникомъ особаго отряда русскихъ войскъ, посланныхъ въ Константинополь на помощь турецкому султану для охраненія его столицы отъ мятежныхъ египетскихъ войскъ Магомета-Али. За блистательное исполненіе столь труднаго порученія Николай Николаевичъ назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ и вслѣдъ затѣмъ получилъ въ командованіе 5-й пѣхотный корпусъ. Черезъ два года онъ вышелъ въ отставку, и вновь поступилъ на службу только во время венгерской войны, когда назначенъ былъ командиромъ гренадерскаго корпуса. Въ этой должности онъ оставался уже до назначенія своего на Кавказъ, когда Императоръ Николай Павловичъ вторично сдѣлалъ его своимъ генералъ-адъютантомъ.

Дальнѣйшая дѣятельность Муравьева вся поглощена была кампаніею 1855 года. Онъ самъ принялъ начальство надъ дѣйствующимъ корпусомъ и кончилъ знаменитый походъ взятіемъ Карса и плѣненіемъ всей

Генералъ-адъютантъ
Н. Н. Муравьевъ.

анатолійской арміи. Орденъ св. Георгія 2-го класса за взятіе Карса былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднею служебною наградою Муравьева. Въ слѣдующемъ 1856 году онъ былъ отозванъ съ Кавказа и, оставаясь въ званіи члена Государственнаго Совѣта и генералъ-адъютанта, скончался въ Петербургѣ въ 1867 году, на 72 году отъ рожденія.

Николай Николаевичъ получилъ отличное, выходившее изъ ряда образованіе и старался въ продолженіе всей жизни пріобрѣтать новыя познанія. Онъ зналъ многіе языки и могъ объясняться на каждомъ изъ нихъ, какъ на родномъ нарѣчіи; для татарскаго языка онъ еще въ чинѣ полковника написалъ грамматику, а еврейскому языку выучился уже въ позднѣйшее время.

Генералъ-фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій.

Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій происходилъ отъ одного изъ древнѣйшихъ княжескихъ родовъ Россійской имперіи. Онъ родился въ 1815 году и, окончивъ свое образованіе въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, былъ выпущенъ въ 1833 году корнетомъ въ лейбъ-кирасирскій Его Высочества Наслѣдника Цесаревича полкъ.

Тогда гвардейскіе офицеры обыкновенно командировались на одинъ или на два года въ кавказскій корпусъ для пріобрѣтенія боевого опыта и въ числѣ этихъ офицеровъ, въ 1835 году, назначенъ былъ молодой князь Барятинскій; онъ участвовалъ въ экспедиціяхъ Вельяминова противъ шапсуговъ и натухайцевъ, командуя сотней черноморскихъ казаковъ и въ жаркомъ бою, въ ущельѣ Чемокосеколайко, былъ тяжело раненъ пулею въ бокъ. Золотая сабля за храбрость была его первою боевою наградою.

По возвращеніи въ Петербургъ, онъ былъ назначенъ состоять при Наслѣдникѣ Цесаревичѣ Александрѣ Николаевичѣ, съ переводомъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, а 25-го іюня 1839 года—адъютантомъ къ Его Высочеству.

Однакоже, ни лестное положеніе, занятое имъ при дворѣ Наслѣдника Престола, ни высокое положеніе въ обществѣ, по богатству и родовымъ связямъ—ничто не могло заглушить въ немъ жажды военныхъ подвиговъ, и въ 1845 году онъ испросилъ позволеніе снова отправиться на Кавказъ для участвованія въ извѣстной даргинской экспедиціи. Здѣсь, командуя батальономъ кабардинскаго полка, онъ оказалъ блистательный подвигъ при штурмѣ Андійскихъ высотъ, снова былъ раненъ пулею въ ногу и получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени.

Тяжелая рана заставила его взять заграничный отпускъ; но, проѣзжая черезъ Варшаву, онъ узналъ о возмущеніи въ Галиціи, выпросилъ у фельдмаршала летучій отрядъ и участвовалъ съ нимъ въ занятіи Кракова. Въ слѣдующемъ 1847 году Барятинскій назначенъ былъ флигель-адъютантомъ, а вслѣдъ за тѣмъ—командиромъ кабардинскаго полка, который и принялъ отъ генерала Козловскаго.

Набѣги въ землю ауховцевъ, дѣйствія въ Малой Чечнѣ, при Урусъ-Мартанѣ и Тепли-Кичу, кровавый бой подъ Гергебилемъ 23-го іюня 1848 года и, наконецъ, тѣ мелкія тревоги, составлявшія, такъ-сказать, обстановку кавказской будничной жизни, въ которой такъ мало насчитывалось въ то время дней безъ выстрѣловъ и крови, достойно поддержали старинную, уже установившуюся славу полка и выдвинули имя князя Барятинскаго въ кавказской войнѣ, какъ начальника, одареннаго высокою личною иниціативою, энергичнаго, настойчиваго въ преслѣдованіи разъ задуманнаго плана.

Произведенный за отличіе въ дѣлахъ въ генералъ-майоры свиты Его Величества, Барятинскій 8-го апрѣля 1850 года назначенъ былъ командиромъ сперва кавказской гренадерской бригады, а потомъ, въ концѣ 1851 года, начальникомъ 20-й пѣхотной дивизіи и вмѣстѣ начальникомъ лѣваго фланга Кавказской линіи.

Время его командованія ознаменовано было двумя большими экспедиціями: въ 1852 году Барятинскій прошелъ черезъ Большую Чечню, оставшуюся послѣ возмущенія 1840 года для насъ недоступною, а въ 1853 разбилъ главныя силы Шамиля на Мичикѣ и открылъ входъ въ Чечню со стороны кумыкской плоскости. Эти два похода доставили князю Барятинскому чинъ генералъ-лейтенанта и званіе генералъ-адъютанта; а 5-го іюля того же 1853 года онъ былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба войскъ, находящихся на Кавказѣ.

Во время Восточной войны князь находился при александропольскомъ отрядѣ и за отличіе въ сраженіи при Кюрюкъ-Дара награжденъ орденомъ св. Георгія 3-го класса.

Затѣмъ обстоятельства заставляютъ его временно оставить Кавказъ: онъ командуетъ войсками, расположенными въ Николаевѣ, потомъ резервнымъ гвардейскимъ пѣхотнымъ корпусомъ, состоитъ нѣкоторое время при особѣ Его Величества и, наконецъ, 22-го іюля 1856 года назначается опять на Кавказъ, но уже съ званіемъ Царскаго Намѣстника, а вслѣдъ за тѣмъ, 26-го августа, въ день коронаціи, производится въ генералы-отъ-инфантеріи.

Возвращеніе князя на Кавказъ встрѣчено было общимъ восторгомъ. Въ лицѣ его впервые являлся во главѣ кавказскихъ войскъ начальникъ, котораго они привыкли считать своимъ, который командовалъ сперва батальономъ, потомъ полкомъ, бригадою, дивизіей, лѣвымъ флангомъ, былъ начальникомъ главнаго штаба и имѣлъ всѣ средства изучить и край, и горную войну, и народъ, съ которымъ ему приходилось теперь имѣть дѣло. Дѣйствительно, съ назначеніемъ князя Барятинскаго всѣ стали ожидать чего-то особеннаго, необыкновеннаго; все, отъ Куры и до Кубани, наполнилось свѣтлымъ, отраднымъ предчувствіемъ, поднимавшим-

ся навстрѣчу близкимъ событіямъ. Чудное было тогда настроеніе въ войскахъ и въ народѣ! И это предчувствіе многихъ тысячъ людей не могло оказаться ошибочнымъ.

Съ пріѣздомъ на Кавказъ, новый Намѣстникъ тотчасъ занялся направленіемъ всѣхъ средствъ и способовъ края къ одной завѣтной идеѣ—положить конецъ нескончаемой, казалось, кавказской войнѣ. Онъ лично не участвовалъ въ первыхъ военныхъ дѣйствіяхъ, но они производились по его предначертаніямъ ближайшими помощниками, товарищами прежнихъ кавказскихъ походовъ его, генералами Евдокимовымъ, Врангелемъ и барономъ Вревскимъ. Въ первые два года войска прочно утвердились въ Чечнѣ и послѣдствіемъ этого было паденіе Дарго-Веденя, послѣдней резиденціи Шамиля. Тогда войска, подъ личнымъ предводительствомъ князя Барятинскаго, съ разныхъ сторонъ вошли въ Дагестанъ и высокій, неприступный Гунибъ, избранный мѣстомъ послѣдней отчаянной защиты имама, палъ 25-го августа 1859 года. Такъ менѣе нежели въ три года былъ покоренъ Кавказъ отъ моря Каспійскаго до военно-грузинской дороги.

Встрѣча Намѣстника въ Тифлисѣ отличалась невиданною дотолѣ торжественностью. Все народонаселеніе Тифлиса выступило къ нему навстрѣчу со знаменами, съ зурною, съ радостными кликами, и эти клики сливались въ одно съ раскатами пушечныхъ выстрѣловъ и съ тихимъ колокольнымъ звономъ, какъ бы возвѣщавшимъ ангельскую пѣснь: «Слава вышнихъ Богу и на землѣ миръ въ человѣцѣхъ благоволеніе».

Чувства ликующаго народа, значеніе совершившагося событія лучше всего были выражены въ адресѣ, которымъ привѣтствовало побѣдителя тифлисское дворянство, въ лицѣ своего предводителя князя Орбеліани.

«Народы закавказскіе,—говорилось въ этомъ адресѣ,—привыкли встрѣчать своихъ героевъ-военачальниковъ, возвращающихся съ побѣдными лаврами, но событіе, которому мы теперь свидѣтели, безпримѣрно въ лѣтописяхъ Кавказа.

«Умиротвореніемъ Чечни и Дагестана, сіятельнѣйшій князь, вы исполнили обязательство, данное Россіей передъ цѣлымъ міромъ, когда Грузія, опустошенная, изнуренная нашествіемъ сильныхъ враговъ, поступила въ подданство Россіи съ теплою вѣрою въ могущество скипетра Русскаго Царя, дабы пріобрѣсти въ отечествѣ своемъ миръ и спокойствіе.

«Сколь скромна была доля политическаго вліянія въ мірѣ Грузинскаго царства, столь велико предназначеніе его въ нравственномъ развитіи человѣчества. Провидѣніе сохранило Грузію среди тысячей опасностей, какъ-бы разсадникъ христіанства въ Закавказскомъ краѣ. Про-

никнутая теплою вѣрою къ ученію Спасителя, Грузія одна въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ боролась противъ фанатиковъ, принявшихъ исламизмъ.

«Нынѣ безсмертнымъ подвигомъ вашимъ совершилось святое предназначеніе Грузіи: вѣковая борьба прекращена, тысячи людей, увлеченныхъ въ плѣнъ, возвращаются въ свои семейства; миръ и спокойствіе прочно водворяются тамъ, гдѣ искони вѣковъ для земледѣльца плугъ былъ неразлученъ съ оружіемъ.

«Съ чувствомъ глубокой благодарности, любви и удивленія привѣтствуемъ васъ, сіятельнѣйшій князь. Благодать Промысла, осѣняющая правителя—есть вѣрный залогъ счастія народа. Въ ознаменованіе великаго подвига, глубоко напечатлѣннаго въ сердцѣ каждаго изъ сыновъ Грузіи, ваше сіятельство, удовлетворяя желанію всѣхъ сословій, не откажите предстательствовать предъ лицомъ Августѣйшаго Монарха о дозволеніи учредить народный праздникъ въ воспоминаніе объ этомъ событіи и грядущимъ поколѣніямъ».

Покореніе Восточнаго Кавказа естественно должно было повести къ покоренію и Кавказа Западнаго. Но князь Барятинскій успѣлъ положить только начало этому великому дѣлу. Тяжкая болѣзнь заставила его покинуть Кавказъ навсегда, и 6-го декабря 1862 года онъ былъ Всемилостивѣйше уволенъ отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей.

Заслуги князя Барятинскаго щедро были награждены Императоромъ. Въ теченіе шестилѣтняго намѣстничества онъ получилъ слѣдующія награды—ордена: св. Александра Невскаго, св. Владимира 1-й степени, св. Георгія 2-го класса, брильянтовые знаки Андрея Первозваннаго, брильянтовую саблю съ надписью: «Въ память покоренія Кавказа», золотую, осыпанную брильянтами, табакерку съ портретами Государя Императора и Государыни Императрицы и, наконецъ, возведенъ въ санъ генералъ-фельдмаршала.

Кромѣ того, онъ былъ назначенъ шефомъ кабардинскаго полка, 2-го стрѣлковаго батальона и зачисленъ въ полки лейбъ-гвардіи гусарскій и лейбъ-кирасирскій Ея Величества.

Послѣдніе дни своей жизни князь Барятинскій провелъ за границей и скончался въ Женевѣ 25-го февраля 1871 года, на 65-мъ году отъ рожденія.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Тридцать семь лѣтъ тому назадъ—14-го февраля 1863 года—Великій Князь изволилъ прибыть на Кавказъ, въ гор. Ставрополь.

Вступивъ въ отправленіе своихъ новыхъ обязанностей, Намѣстникъ Кавказскій *) прежде отъѣзда въ Тифлисъ отправился изъ Ставрополя въ адагумскій отрядъ, гдѣ былъ встрѣчаемъ непрерывными перестрѣлками, которыми горцы преслѣдовали отряды, сопровождавшіе Великаго Князя.

Ознакомившись на этомъ театрѣ войны съ положеніемъ дѣлъ и съ будущими планами графа Евдокимова, Его Высочество отбылъ въ Тифлисъ.

Наши дѣла на Западномъ Кавказѣ въ 1862 году какъ-то складывались не въ нашу пользу. Шапсуги и абадзехи сильно сопротивлялись русскимъ войскамъ и производили смѣлыя нападенія на наши казачьи станицы по р. Кубани.

И вотъ въ это-же время—въ 1864 году—Сѣверный Кавказъ былъ настолько покоренъ, что нѣкоторыя горскія племена изъявили покорность, и на зафрахтованныхъ по приказанію Его Высочества судахъ большинство горцевъ было переправлено въ Турцію.

Но военная тревога еще не улеглась, такъ какъ, кромѣ шапсуговъ, абадзеховъ и убыховъ, еще оставались непокорныя племена по южному склону Кавказскаго хребта, и тогда Его Высочество, лично предводительствуя четырьмя отрядами войскъ, быстро разсѣялъ остатки горскихъ скопищъ и 21-го мая 1864 года совершенно и навсегда окончилъ кавказскую войну.

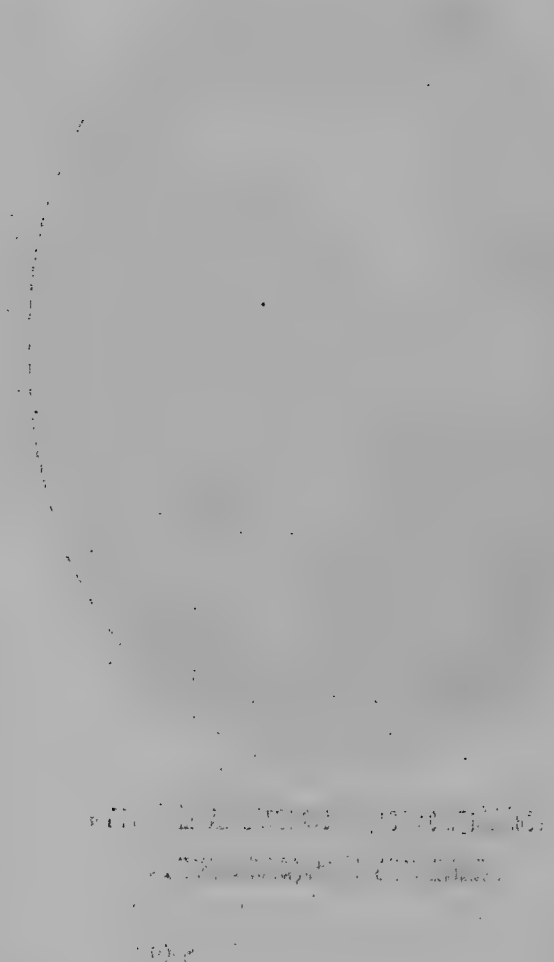
По возвращеніи въ Тифлисъ и принимая поздравленія отъ представителей всѣхъ сословій съ окончаніемъ войны, Великій Князь,—этотъ добрый геній Кавказа,—сказалъ слѣдующія знаменательныя слова:

— Отнынѣ кавказская война переходитъ въ исторію. Намъ предстоятъ теперь заботы о гражданскомъ устройствѣ и развитіи умиротво-

*) Назначеніе Его Высочества Намѣстникомъ Кавказскимъ послѣдовало 6-го декабря 1862 года.

Его Императорское Высочество Великій Князь

Михаилъ Николаевичъ.



реннаго края и я вполнѣ надѣюсь, господа, что и на этомъ поприщѣ вы всѣ будете такъ же помогать и содѣйствовать мнѣ, какъ содѣйствовали и помогали до сихъ поръ».

И эти слова по-истинѣ свято исполнились, и на глухомъ, отдаленномъ и почти заброшенномъ въ смыслѣ гражданскаго развитія Кавказѣ—буквально закипѣла животворная, гигантская работа.

Угрюмыя вѣковѣчныя скалы раздались, раздвинулись, и стройный рельсовый путь быстро протянулся отъ Тифлиса до береговъ Чернаго моря.

Вслѣдъ за свистящими локомотивами потянулись почти нескончаемыми лентами проволоки телеграфныхъ столбовъ, тонкою нитью связавшихъ Тифлисъ съ Петербургомъ, а чрезъ него—со всей вселенной.

Рядомъ съ телеграфомъ проводились дороги, закончено было феноменальное шоссе по военно-грузинскому тракту до г. Владикавказа съ протяженіемъ къ гор. Моздоку. Построены военно-имеретинская, военно-осетинская и военно-сухумская дороги; проложена часть колеснаго пути по берегу Чернаго моря, устроены шоссе въ Дагестанской области, телаво-гомборское, тифлиско-эриванское, на Джульфу и другія второстепенныя дороги. Открыты были дилижансовыя сообщенія къ Эривани, Нахичевани и Джульфамъ.

Въ 1863 году была начата постройка гавани для города Поти.

Въ 1875 году разрѣшена постройка кутаисской желѣзнодорожной вѣтви.

Въ 1879 году положено начало проложенія рельсоваго пути отъ Тифлиса до Баку; въ томъ же году протянулись отъ гор. Баку «нефтяныя вѣтки».

По сѣверному Кавказу въ 1875 году открыто было движеніе по ростово-владикавказской желѣзной дорогѣ и въ томъ же году начато пароходное движеніе по р. Кубани.

Рядомъ съ названными путями возникла транзитная перевозка европейскихъ и колоніальныхъ товаровъ отъ черноморскихъ портовъ чрезъ Тифлисъ въ Персію на Джульфу и чрезъ Александрополь и Ахалцихъ въ Турцію.

Иностраннымъ судамъ открытъ былъ доступъ въ черноморскіе порты, а русскимъ предоставлено было право заходить въ Энзелійскій заливъ.

Въ періодъ намѣстничества Великаго Князя, были открыты отдѣленія государственнаго банка въ Тифлисѣ и Баку; городскіе и общественные банки—въ Ставрополѣ, Владикавказѣ, Пятигорскѣ, Темрюкѣ, Кизлярѣ и Моздокѣ. Возникли общества взаимнаго кредита въ Тифлисѣ, Баку и Екатеринодарѣ. Открыты банки: въ Тифлисѣ—тифлисскій

дворянскій земельный банкъ и въ Кутаисѣ—дворянскій банкъ, наименованный въ честь Августѣйшаго Намѣстника «Михаиловскимъ» и послѣдовало учрежденіе многихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, что, конечно, значительно повліяло на уровень нашей промышленности, возвышеніе торговли и сельскаго хозяйства.

Наконецъ введена была въ краѣ судебная реформа.

Въ эти же незабвенные дни намѣстничества провозглашена на Кавказѣ великая реформа освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Высочайшій указъ послѣдовалъ въ 1864 году, вслѣдъ за окончаніемъ кавказской войны.

Сперва освобожденіе крестьянъ осуществилось въ Тифлисской губерніи, а затѣмъ—въ Кутаисской губерніи, по Мингреліи и Абхазіи и въ кубанскомъ казачьемъ войскѣ—по отношенію къ крѣпостнымъ изъ азіятъ.

Здѣсь, для успѣха дѣла и по сложности старыхъ «сословно-поземельныхъ отношеній», существовавшихъ среди кавказскаго населенія, были учреждены для разбора спорныхъ вопросовъ комиссіи въ Тифлисѣ, Эривани, Баку, въ Шушѣ и для южнаго Дагестана.

Потомъ послѣдовали работы для поземельнаго устройства крестьянъ и ихъ отношеній къ частнымъ владѣльцамъ, для чего созданъ былъ институтъ мировыхъ посредниковъ и сельскія общественныя управленія *).

Но, перечисливъ вкратцѣ цѣлый рядъ реформъ, имѣвшихъ цѣлью повысить, укрѣпить и прочно установить экономическій бытъ населенія, что составляло главныя заботы намѣстничества, необходимо перейти и къ болѣе тихой области духовно-нравственнаго развитія народныхъ силъ нашего многоплеменнаго Кавказа **).

И эта великая и славная задача была вполнѣ блестяще разрѣшена въ періодъ бывшаго кавказскаго намѣстничества.

Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, вмѣстѣ съ Августѣйшей Супругой Своей Великой Княгиней Ольгой Ѳеодоровной, впервые учредили на Кавказѣ открытое и общедоступное женское учебное заведеніе.

Были институты, французскіе пансіоны, но только для богатыхъ людей.

Великая Княгиня Ольга Ѳеодоровна своими личными заботами основала въ Тифлисѣ первую женскую гимназію, куда принимались дѣвушки безъ различія сословій, религій и національностей.

---

*) Подробныя свѣдѣнія помѣщены въ «Отчетѣ по главному управленію Намѣстника кавказскаго», составленномъ начальникомъ главнаго управленія Намѣстника кавказскаго барономъ А. П. Николаи и напечатанномъ въ 1873 году въ Тифлисѣ.

**) Въ періодъ намѣстничества кавказскаго, 25-го марта 1867 года, былъ открытъ въ Тифлисѣ памятникъ князю М. С. Воронцову.

Взошло и выросло сердечно посѣянное «зерно» и принесло богатый, совсѣмъ небывалый на Кавказѣ, урожай.

Разрозненные по языку, религіи и обычаямъ прадѣдовъ и дѣдовъ, туземцы Закавказья сперва враждебно и дико поглядѣли на открытое женское учебное заведеніе, но потомъ, и сравнительно скоро, ледяная гора растаяла и со всѣхъ концовъ Кавказа и Закавказья грузинки, армянки, айсорки, еврейки и даже мусульманки охотно пришли искать грамотности и живого слова науки.

Отъ I женской гимназіи явились продолженія ея по Кавказу и Закавказью, а за ними—масса женскихъ школъ разныхъ типовъ и наименованій.

Громкая побѣда Кавказа оружіемъ перешла въ торжество мысли и науки, и разноплеменныя кавказскія дѣвушки стали получать воспитаніе и образованіе въ русско-національномъ направленіи *).

Но пока Великій Князь Михаилъ Николаевичъ неутомимо трудился на пользу Кавказскаго края, на политическомъ горизонтѣ замелькали зловѣщія тучки, а за ними грянулъ ураганъ, разразившійся тяжелой войной 1877—1878 гг.

Объ этой войнѣ написаны десятки томовъ, а потому укажемъ только, что Великій Князь закончилъ русско-турецкую войну въ стѣнахъ турецкаго Эрзерума.

Великой Княгинѣ Ольгѣ Ѳеодоровнѣ будетъ воздвигнутъ памятникъ у стѣнъ Имени Ея женской гимназіи.

А Великому Князю Михаилу Николаевичу памятникомъ служитъ всегдашній восторгъ и привѣтъ кавказскаго населенія, говорящаго Ему: «Нашъ Великій Князь!»

Много разъ съ высоты Престола, въ Высочайшихъ рескриптахъ, оцѣнивалась многосторонняя и многоплодная дѣятельность Великаго Князя. Особенно знаменательны рескрипты, обозрѣвавшіе періоды этой дѣятельности за нѣсколько лѣтъ.

Такъ, въ рескриптѣ 28-го сентября 1871 г. изображено:

«Ваше Императорское Высочество! Въ 1862 году, Я призналъ за благо призвать Васъ къ высшей государственной и военной дѣятельности, въ званіяхъ Намѣстника Моего на Кавказѣ и Главнокомандующаго Кавказскою арміею. Съ тѣхъ поръ важныя и существенныя измѣненія совершились въ этомъ отдѣльномъ краѣ, ввѣренномъ Мною Вашему попеченію.

Съ именемъ Вашего Императорскаго Высочества неразрывно будутъ связаны въ исторіи Кавказа воспоминанія о послѣднихъ боевыхъ подвигахъ русскихъ войскъ, закончившихъ въ 1864 году покореніе западной

*) То же можно сказать и о мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ края.

части этого края. Съ окончаніемъ кавказской войны предстояло выполнить новую задачу не меньшей государственной важности: окончательно умиротворить покоренные народы и утвердить надъ горскими племенами Нашу нравственную власть, которая составляетъ вѣрный залогъ спокойнаго обладанія страной. Справедливо оцѣняя всю важность этой задачи, Ваше Императорское Высочество посвятили ей особенныя Ваши заботы. Цѣлый рядъ мѣропріятій, задуманныхъ и исполненныхъ подъ непосредственнымъ Вашимъ руководствомъ, привелъ къ водворенію въ горскихъ обществахъ прочнаго порядка и настолько подвинулъ гражданское ихъ развитіе, что нынѣ признано возможнымъ многія изъ нихъ подчинить общимъ съ русскимъ населеніемъ гражданскимъ учрежденіямъ.

Посѣтивъ нынѣ Кавказскій край и осмотрѣвъ войска Кавказской арміи, Я съ искреннимъ удовольствіемъ убѣдился, что неутомимые труды и заботы Вашего Императорскаго Высочества принесли благіе плоды, вполнѣ оправдавшіе Мое всегдашнее къ Вамъ довѣріе. Все, что Я видѣлъ на Кавказѣ, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что страна эта твердо поставлена на путь къ дальнѣйшему преуспѣянію въ гражданскомъ и общественномъ отношеніи, въ неразрывной связи съ прочими частями имперіи.

Въ войскахъ кавказской арміи Я нашелъ все то, что можно требовать отъ войскъ въ мирное время. Молодецкій видъ солдатъ, отличное состояніе всѣхъ отраслей строевого ихъ образованія, порядокъ, находчивость и ловкость, съ которыми были произведены всѣ передвиженія и дѣйствія какъ малыхъ, такъ и большихъ частей войскъ всѣхъ родовъ оружія, даютъ Мнѣ полную увѣренность, что войска кавказскія, подъ ближайшимъ руководствомъ Вашего Императорскаго Высочества, стремятся и въ мирное время совершенствоваться въ дѣлѣ военнаго образованія, чтобы, въ случаѣ нужды, показать себя на дѣлѣ достойными славныхъ преданій боевой кавказской арміи.

Отъѣзжая нынѣ съ Кавказа, Я уношу въ душѣ самое отрадное воспоминаніе о всемъ Мною видѣнномъ.

Мнѣ истинно пріятно изъявить Вашему Императорскому Высочеству Мою душевную признательность за Ваши девятилѣтніе труды и заботы о благоустройствѣ ввѣреннаго Вамъ края и за отличное состояніе ввѣренныхъ Вамъ войскъ.

Искренно Васъ любящій и благодарный Братъ и другъ

Александръ".

Черезъ 10 лѣтъ послѣ того, по случаю призванія Великаго Князя съ должностей Намѣстника кавказскаго и Главнокомандующаго кавказ-

скою арміей на высшій постъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта (Высочайшій приказъ 23-го іюля 1881 г.), Его Высочество удостоился получить слѣдующій Высочайшій рескриптъ.

«Ваше Императорское Высочество! Высокимъ довѣріемъ въ Бозѣ почившаго Августѣйшаго Родителя Моего Вы были призваны въ 1861 году къ занятію важнаго государственнаго поста Намѣстника кавказскаго и Главнокомандующаго кавказской арміей. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе почти 19-ти лѣтъ, Вы не переставали оправдывать это довѣріе Вашими заботливыми попеченіями и энергической дѣятельностью, направленными къ благосостоянію и развитію всѣхъ сторонъ гражданской жизни ввѣреннаго Вамъ обширнаго края, а равно къ усовершенствованію войскъ славной кавказской арміи. Окончательное покореніе и умиротвореніе Кавказа, совершено подъ Вашимъ непосредственнымъ руководствомъ, при самомъ началѣ вступленія Вашего на должность Намѣстника Вы открыли возможность поставить населеніе этой страны на твердый путь къ дальнѣйшему преуспѣянію въ гражданскомъ и общественномъ отношеніи въ неразрывной связи съ прочими частями имперіи. Во время минувшей войны съ Турціей войска кавказской арміи показали себя достойными своихъ боевыхъ преданій и подъ личнымъ предводительствомъ Вашего Императорскаго Высочества войска эти сумѣли совершить блистательные боевые подвиги и стяжали новые побѣдные лавры. Оконченная въ нынѣшнемъ году ахалтекинская экспедиція представила не менѣе яркое свидѣтельство отличнаго устройства и превосходнаго боевого духа кавказскихъ войскъ.

Населеніе Кавказа и войска кавказской арміи навсегда сохранятъ свѣтлыя воспоминанія о своемъ доблестномъ и заботливомъ Начальникѣ и побѣдоносномъ Вождѣ. Относясь нынѣ, какъ всегда, съ особымъ уваженіемъ къ Вашей дѣятельности и заслугамъ Престолу и отечеству, Я призналъ за благо призвать Васъ къ ближайшему Мнѣ сотрудничеству въ высшихъ дѣлахъ государственныхъ, назначивъ Васъ Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта.

Вмѣстѣ съ симъ, считаю отраднымъ долгомъ выразить Вашему Императорскому Высочеству Мою искреннюю, душевную признательность за Ваши многолѣтніе труды и просвѣщенную дѣятельность на Кавказѣ.

Искренно Васъ любящій и благодарный

Александръ.“

Ярославль, 23-го іюля 1881 года.

8-го ноября 1898 г., въ день тезоименитства Его Императорскаго Высочества, и празднованія пятидесятилѣтія Его государственной дѣятельности, съ высоты Престола, въ слѣдующемъ Высочайшемъ рескриптѣ,

вновь обрисована яркими красками вся многолѣтняя и многотрудная дѣятельность Великаго Князя:

«Ваше Императорское Высочество.

Въ день торжественнаго празднованія исполнившагося пятидесятилѣтія Вашей дѣйствительной государственной службы, возносящая горячія молитвы о дарованіи Вашему Высочеству здоровья и силъ для продолженія доблестнаго служенія Россіи и ближайшаго Мнѣ сотрудничества, Я вмѣстѣ съ тѣмъ ощущаю сердечную потребность вновь выразить чувства высокаго уваженія къ многообразнымъ заслугамъ Вашимъ предъ Престоломъ и отечествомъ.

Будучи со дня рожденія предназначены незабвеннымъ Родителемъ Вашимъ къ службѣ по артиллерійской части, Вы блистательно выполнили Царственное Его предуказаніе. Съ юныхъ лѣтъ сроднившись съ артиллеріей, Вы, въ теченіе всей государственной Вашей дѣятельности, никогда не оставляли заботливыхъ о ней попеченій. За время исполненія Вами обязанностей Генералъ-Фельдцейхмейстера, русская артиллерія, постоянно совершенствуясь, увеличилась въ четыре раза, техническая часть въ ней значительно развилась, и возросло число учебныхъ заведеній-снабжающихъ ее спеціально подготовленными офицерами. Ваша неусыпная заботливость объ артиллеріи и артиллеристахъ привлекаетъ къ Вамъ сердца Вашихъ многочисленныхъ подчиненныхъ.

Съ молодыми годами Вашего Высочества неразрывно связано воспоминаніе объ участіи Вашемъ въ достопамятной оборонѣ Севастополя, давшей Вамъ право на награжденіе орденомъ св. Георгія 4-й степени и положившей начало Вашей дальнѣйшей боевой дѣятельности. Назначеніе Васъ въ 1862 году Намѣстникомъ кавказскимъ и Командующимъ кавказскою арміею доставило Вамъ случай блестящими побѣдами надъ непріятелемъ дважды покрыть Себя безсмертною славою: въ 1863—64 гг., рядомъ рѣшительныхъ дѣлъ съ горскими племенами, Вы довершили покореніе западной части Кавказа, а въ 1878 году находившіяся подъ Вашимъ начальствомъ войска разбили на голову непріятельскія силы на Аладжинскихъ высотахъ и взяли неприступную крѣпость Карсъ. Орденъ св. Георгія первыхъ двухъ степеней, двѣ сабли—золотая «за храбрость» и украшенная алмазами «За окончаніе кавказской войны»—и высшій чинъ генералъ-фельдмаршала были воздаяніемъ распорядительности и боевого искусства Вождя побѣдоносной арміи.

На ряду съ этими боевыми подвигами не менѣе знаменательны труды Вашего Высочества и на поприщѣ гражданскаго управленія Кавказомъ, по умиротвореніи котораго Вамъ пришлось приложить настойчивыя усилія къ водворенію въ этой обширной области началъ гражданственности и къ укрѣпленію неразрывной связи Кавказа съ прочими

частями имперіи. Исполняя со свойственною Вамъ энергіею эту важную государственную задачу, Ваше Высочество, съ тѣмъ вмѣстѣ, отеческою заботливостью о нуждахъ подвластнаго населенія сумѣли снискать Себѣ безграничную любовь всѣхъ слоевъ мѣстнаго общества.

Плодотворную дѣятельность Вашу на Кавказѣ Вы вынуждены были оставить для того, чтобы, слѣдуя призыву вступившаго на Престолъ Дорогого Родителя Моего, принять на Себя новыя, первостепенной важности обязанности, сопряженныя съ высокою должностью Предсѣдателя Государственнаго Совѣта.

Руководя трудами этого высшаго учрежденія, Вы принимали живѣйшее участіе во всѣхъ преобразованіяхъ послѣдняго времени, и въ Бозѣ почившій Императоръ нашелъ въ Васъ многоопытнаго и ревностнаго Помощника въ важнѣйшихъ законодательныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ имперіи. Участвуя прежде въ засѣданіяхъ Совѣта подъ Вашимъ предсѣдательствомъ, Я лично убѣдился, насколько безпристрастное и просвѣщенное отношеніе Ваше къ дѣйствительнымъ нуждамъ государства содѣйствуетъ правильному направленію дѣлъ, входящихъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

Съ благодарностью перечисляя заслуги Ваши на пользу Россіи, Я не могу пройти молчаніемъ и дѣятельность Вашу какъ Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній, которая, не будучи продолжительной, за назначеніемъ Васъ съ 1862 г. на должность Намѣстника кавказскаго, ознаменовалась, однако, преобразовательными трудами, вызвавшими учрежденіе военныхъ училищъ, столь способствовавшихъ упроченію блестящаго состоянія Нашей арміи, всесторонніе интересы которой и понынѣ такъ близки Вашему Высочеству.

Эта же близость къ интересамъ арміи и глубокое знаніе воинскаго быта и потребностей военно-служащихъ не могли не оказать благотворнаго вліянія на дѣла Александровскаго комитета о раненыхъ, Предсѣдателемъ котораго Вы состоите въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ. Сердечное вниманіе къ его задачамъ и дѣятельности еще болѣе упрочило благое дѣло помощи воинамъ, кровью своею запечатлѣвшимъ служеніе Престолу и отечеству.

Въ Вашей выдающейся, продолжительной и разнообразной дѣятельности Ваше Высочество неизмѣнно были достойнымъ выразителемъ лучшихъ свойствъ русскаго человѣка: отваги въ бою, свѣтлаго ума въ дѣлахъ государственныхъ и добраго, сердечнаго отношенія къ людямъ.

Россія справедливо оцѣнила Ваше Высочество за эти прекрасныя душевныя качества и останется навсегда Вамъ благодарной, памятуя Ваше Имя на ряду съ именами лучшихъ и полезнѣйшихъ своихъ дѣятелей.

Государи, въ царствованія Коихъ протекала Ваша доблестная служба, многократно выражали Вамъ Свое признательное за нее одобреніе.

Въ нынѣшній радостный день, желая вновь почтить Ваше Императорское Высочество, Я, приказомъ по военному вѣдомству, повелѣлъ издавна близкой сердцу Вашему гвардейской артиллеріи отдавать Вашему Высочеству ту же честь, какая по уставу положена Мнѣ.

Да послужитъ эта почесть видимымъ знакомъ безпредѣльнаго уваженія Моего къ Вашему Высочеству, старѣйшему и горячо любимому Члену Императорскаго Дома, являющему высокій примѣръ беззавѣтнаго служенія родинѣ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Отъ души желая на многіе годы продленія Вашего ближайшаго Мнѣ сотрудничества, пребываю къ Вашему Высочеству навсегда неизмѣнно благосклонный, благодарный и сердечно любящій Васъ Племянникъ

Николай».

Эти общіе штрихи, какъ ни ярко обрисовываютъ государственную дѣятельность Великаго Князя, далеко, конечно, не представляютъ полной картины этой дѣятельности. Одно только самое краткое перечисленіе заслугъ и отличій Его Высочества на поприщѣ этой дѣятельности заняло бы многія страницы, детальное же ея изображеніе потребуетъ многихъ томовъ.

Генералъ-адъютантъ

Князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ.

Генералъ-адъютантъ князь Александръ Михаиловичъ Дондуковъ-Корсаковъ.

Князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ родился въ 1820 году. Окончивъ курсъ наукъ въ с.-петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата правъ, князь поступилъ 12-го января 1841 года на военную службу и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ произведенъ въ корнеты лейбъ-гвардіи кирасирскаго Наслѣдника Цесаревича полка, затѣмъ, въ 1843 году, въ чинѣ поручика, отправился служить на Кавказъ.

Въ 1844 году князь А. М. былъ назначенъ на должность чиновника особыхъ порученій при командирѣ отдѣльнаго кавказскаго корпуса генералъ-адъютантѣ Нейдгардтѣ, оставшись затѣмъ въ той же должности и при смѣнившемъ генералъ-адъютанта Нейдгардта князѣ Воронцовѣ. Съ 26-го іюня 1846 года до 29-го сентября 1852 года князь Дондуковъ-Корсаковъ состоялъ при Главнокомандующемъ адъютантомъ.

Первымъ боевымъ подвигомъ князя А. М. было участіе его во взятіи Дарго, 6-го іюня 1845 года. Подъ главнымъ начальствомъ князя Воронцова отряды наши соединились въ с. Гершме и 3-го іюня двинулись въ Андію. Отъ Гоцатля въ Дарго войска слѣдовали по узкому и глубокому ущелью верховьевъ Аксая, покрытому лѣсомъ, трущобами и 29-ю завалами. Находясь въ передовой колоннѣ, князь Дондуковъ-Корсаковъ съ отвагою бросился въ бой, но на третьемъ завалѣ былъ раненъ пулею въ лѣвую ногу, ниже колѣна, на-вылетъ и выбылъ изъ строя. За отличіе въ этомъ дѣлѣ князь награжденъ золотою саблею съ надписью «за храбрость».

Въ 1846 и въ 1847 гг. князь Дондуковъ-Корсаковъ, въ чинѣ штабсъ-ротмистра, участвовалъ въ боевыхъ движеніяхъ и перестрѣлкахъ въ Дагестанѣ, при Гергебилѣ и Салты.

На Лезгинской линіи *) князь участвовалъ въ дѣлахъ при вторженіи султана Елисуйскаго въ Белоканскій округъ.

14-го сентября 1847 года, при штурмѣ Салтинскаго укрѣпленія, князь, въ числѣ прочихъ офицеровъ, внесъ свое имя на страницы военной исторіи при взятіи подземнаго убѣжища мюридовъ.

---

*) Въ нынѣшнемъ Закатальскомъ округѣ.

Въ томъ же 1847 году онъ былъ командированъ въ Персію—съ особымъ порученіемъ, гдѣ получилъ отъ шаха орденъ Льва и солнца 2-й степени.

Въ 1849 и 1850 гг. князь участвовалъ въ походахъ по Большой Чечнѣ и награжденъ чиномъ ротмистра, а затѣмъ былъ командированъ въ Крымъ для встрѣчи Наслѣдника Цесаревича и сопровождалъ Августѣйшаго Гостя во все время объѣзда Его Императорскимъ Высочествомъ Кавказскаго края и, за блестящее исполненіе возложеннаго на него порученія, вскорѣ по отъѣздѣ Августѣйшаго Посѣтителя, удостоенъ производствомъ въ чинъ полковника.

Въ 1851 г. князь участвовалъ въ бояхъ на (тогдашнемъ) правомъ флангѣ *) при пораженіи Магометъ-Амина.

Въ 1852 г. князь Дондуковъ-Корсаковъ былъ переведенъ въ нижегородскій драгунскій наслѣднаго принца Виртембергскаго полкъ, съ назначеніемъ командующимъ вторымъ дивизіономъ.

Въ 1854 г., въ битвѣ при Кюрукъ-Дара, подъ начальствомъ князя В. О. Бебутова, князь Дондуковъ-Корсаковъ, командуя 3 и 4 дивизіонами нижегородскаго полка, подъ сильнымъ штуцернымъ огнемъ, отбилъ у непріятеля два нашихъ орудія, но при этомъ былъ тяжело раненъ штуцерною пулею въ лѣвое предплечіе. За это отличіе онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 4-го класса.

По излѣченіи отъ тяжкой раны, князь принималъ съ нижегородцами участіе въ наступательныхъ дѣйствіяхъ отряда графа Нирода въ предѣлахъ азіятской Турціи.

10-го іюня 1855 г. князь Дондуковъ-Корсаковъ былъ назначенъ командиромъ нижегородскаго драгунскаго полка.

Насталъ день штурма крѣпости Карсъ.

Съ разсвѣтомъ 7-го сентября 1855 г. закипѣлъ бой по всей линіи.

Съ самаго начала штурма русскія войска понесли большія потери: оба начальника колоннъ, генералъ-лейтенантъ Ковалевскій и князь Гагаринъ, послѣ тяжелыхъ ранъ, вынесены были съ поля битвы; всѣ батальонные командиры и большинство офицеровъ были перебиты, и войска разстроились настолько, что части ихъ смѣшались. Въ этотъ-то критическій моментъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, принявъ начальство надъ колонной Ковалевскаго, съ трудомъ собралъ разстроенныя части и поставилъ войска въ боевой порядокъ. По приказанію Главнокомандующаго, три дивизіона драгунъ были передвинуты къ селенію Шорахъ, а пока это происходило на нашемъ лѣвомъ флангѣ, на правомъ кипѣлъ упорный бой. Наконецъ, нашимъ войскамъ приказано было отступать, а

*) Нынѣ въ предѣлахъ Кубанской области.

князю Дондукову-Корсакову отступить послѣднимъ, что онъ и исполнилъ въ точности.

12-го ноября князя Дондукова потребовалъ Главнокомандующій и, объявивъ ему о пріѣздѣ капитана Тизделя съ предложеніемъ о сдачѣ Карса,—поручилъ ему составить, вмѣстѣ съ полковникомъ фонъ-Кауфманомъ, проектъ условій капитуляціи, которая и была 15-го ноября подписана муширомъ турецкой арміи Васифъ-пашой, а 16-го ноября наши войска вступили въ городъ и крѣпость.

За кампанію 1853—1856 гг., въ періодъ которой нижегородскій драгунскій полкъ покрылъ себя неувядаемою славой, командиръ его, князь Дондуковъ-Корсаковъ, получилъ, кромѣ георгіевскаго креста, орденъ св. Владимира 3-й степени съ мечами, а 17-го сентября 1855 г. былъ произведенъ въ генералъ-майоры.

Въ декабрѣ 1856 г. князь участвовалъ съ своимъ полкомъ въ знакомой уже ему, по прошлой службѣ, Большой Чечнѣ, за что награжденъ орденомъ св. Станислава 1-й степени, а въ 1859 г назначенъ въ распоряженіе наказнаго атамана Войска Донского.

За службу въ Донскомъ краѣ князь былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени и чиномъ генералъ-лейтенанта, а 5-го октября 1863 г. вышелъ, по болѣзни, въ отставку.

9-го февраля 1867 г. князь Дондуковъ-Корсаковъ вновь поступилъ на службу, съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, а 6-го января 1869 г. занялъ постъ кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора и въ томъ же году пожалованъ въ званіе генералъ-адъютанта.

Въ этой должности онъ получилъ ордена Бѣлаго орла и св. Александра Невскаго.

Во время возникшей въ 1877 г. русско-турецкой войны князь состоялъ командиромъ 13-го армейскаго корпуса, а засимъ—начальникомъ рущукскаго отряда.

Далѣе, 16-го апрѣля 1878 г. князь, произведенный въ генералы-отъ-кавалеріи, былъ назначенъ россійскимъ Императорскимъ комиссаромъ въ Болгаріи.

Съ этого момента извѣстность князя Дондукова-Корсакова сдѣлалась и общерусской и всеевропейской.

За свою дѣятельность въ Болгаріи князь награжденъ орденомъ св. Владимира 1-й степени и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Харьковѣ и Одессѣ въ должности генералъ-губернаторской, князь занялъ, 1-го января 1882 г., должность Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, только что учрежденную предъ тѣмъ (14-го октября 1881 г.), вмѣсто зва-

нія Намѣстника кавказскаго. Состоя вмѣстѣ съ тѣмъ Командующимъ войсками кавказскаго военнаго округа, князь получилъ званіе еще и войскового наказнаго атамана кавказскихъ казачьихъ войскъ.

Свою дѣятельность на Кавказѣ князь А. М. долженъ былъ начать съ неблагодарной роли реорганизатора центральнаго управленія, во главѣ котораго онъ былъ поставленъ,—неблагодарной потому, что реформу эту пришлось вести съ заранѣе намѣченной цѣлью ограниченія круга вѣдѣнія этого управленія и сбереженія средствъ государственнаго казначейства.

Поставленный въ эти же неблагопріятныя условія и въ дальнѣйшей своей дѣятельности, князь А. М. не могъ многаго сдѣлать на пользу края.

Тѣмъ не менѣе, къ заслугамъ князя нельзя не отнести той особенной заботливости и энергіи, съ какими онъ вникалъ въ дѣло межеванія казенныхъ земель Закавказья, значительно подвинутое имъ впередъ, а также въ дѣло устройства въ Закавказьѣ удобопроѣзжихъ дорогъ, имѣющихъ стратегическое и экономическое значеніе. Благодаря ему, Кавказъ обогатился таковыми дорогами въ общемъ протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ. При немъ же г. Тифлисъ соединенъ желѣзными дорогами съ Батумомъ и Баку (1883 г.), устроенъ на закавказской желѣзной дорогѣ сурамскій тоннель и проведена новороссійская вѣтвь владикавказской желѣзной дороги. Въ Закаспійской области, также входившей, съ 1881 г., въ составъ кавказскаго военнаго округа, желѣзная дорога доведена до Мерва и Чарджуя (въ 1886 г.).

При князѣ А. М. введены на Кавказѣ военно-конская (съ 1883 г.) и всеобщая воинская (съ 1887 г.) повинности.

Въ 1888 г. князь Дондуковъ-Корсаковъ былъ счастливымъ хозяиномъ при посѣщеніи Кавказа въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ III и Августѣйшимъ Его Семействомъ. Эти незабвенные для Кавказа дни ознаменовались, между прочимъ, высокимъ участіемъ Августѣйшихъ Гостей въ закладкѣ православныхъ соборовъ въ Баку и Батумѣ, объ устроеніи которыхъ князь А. М. имѣлъ особенное попеченіе. Ему же обязанъ г. Тифлисъ устройствомъ двухъ памятниковъ кавказской войны, которыхъ давно ждалъ край, а именно—военно-историческаго музея и военнаго собора.

Въ 1890 г. князь А. М. оставилъ службу на Кавказѣ, а вскорѣ послѣ того скончался въ своемъ псковскомъ имѣніи, въ званіи члена Государственнаго Совѣта и кавалера ордена св. Андрея Первозваннаго, полученнаго имъ въ 1888 г.

Генералъ-адъютантъ
С. А. Шереметевъ.

Генералъ-адъютантъ Сергѣй Алексѣевичъ Шереметевъ.

Сергѣй Алексѣевичъ Шереметевъ происходилъ изъ древняго боярскаго рода Шереметевыхъ, извѣстнаго въ русской исторіи съ древнихъ временъ.

Родился С. А. въ 1837 г. Получивъ образованіе въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, выпущенъ былъ корнетомъ (13-го августа 1853 г.) въ гусарскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полкъ, гдѣ въ 1854 году на вакансію былъ произведенъ въ поручики, а 27-го декабря того же года переведенъ въ нижегородскій драгунскій полкъ, на Кавказъ.

Вслѣдъ за прибытіемъ въ полкъ, въ мартѣ 1855 г., С. А. Шереметевъ назначенъ былъ состоять при Главнокомандовавшемъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ генералъ-адъютантѣ Муравьевѣ, въ распоряженіи котораго и былъ съ открытія военныхъ дѣйствій въ предѣлахъ Азіатской Турціи и до окончанія кампаніи 1855 г.

17-го сентября 1855 г. С. А. Шереметевъ участвовалъ при штурмѣ Карса и послѣ капитуляціи крѣпости и по роспускѣ александропольскаго отряда возвратился въ Тифлисъ.

22-го декабря 1856 г. С. А. Шереметевъ назначенъ былъ состоять для особыхъ порученій при Главнокомандующемъ кавказской арміей.

Въ 1858 г. С. А. находился въ лезгинскомъ отрядѣ направленномъ на непокорныя общества Анцухъ-Капучу, Анцросо, Ухнада, Богнада, Иланхеви и Дидо. При взятіи штурмомъ сильно укрѣпленнаго и упорно защищавшагося иланхевскаго аула Китури, С. А., вызвавшись «въ охотники», съ 3-ю стрѣлковою ротою лейбъ-гренадерскаго эриванскаго Его Величества полка, для взятія штурмомъ башенъ и саклей Хитури, первымъ ворвался въ аулъ, не взирая на жестокій непріятельскій огонь, и, принявъ командованіе первымъ взводомъ 3-й стрѣлковой роты (послѣ убитаго прапорщика князя Микеладзе), выбилъ горцевъ изъ нѣсколькихъ башенъ и саклей и тѣмъ далъ возможность занять и зажечь большую часть штурмуемаго аула.

За этотъ выдающійся подвигъ храбрости С. А. Шереметевъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-го класса.

Въ 1859 г. С. А., за отличіе по службѣ, былъ произведенъ въ штабсъ-ротмистры и находился въ чеченскомъ отрядѣ подъ личнымъ начальствомъ Главнокомандовавшаго арміей.

Въ томъ же 1859 г. С. А. Шереметевъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству и переведенъ въ лейбъ-гвардіи конно-гренадерскій полкъ, съ переименованіемъ въ штабсъ-капитаны.

Въ 1860 г. С. А. Шереметевъ произведенъ въ капитаны и принималъ участіе въ военныхъ событіяхъ на правомъ флангѣ (въ нынѣшней Кубанской области) въ составѣ главнаго шапсугскаго отряда.

11-го іюля 1861 г. былъ переведенъ въ кубанское казачье войско, подполковникомъ; за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ пожалованъ золотою шашкой съ надписью «за храбрость», а затѣмъ назначенъ командиромъ 13-го полка кубанскаго казачьяго войска.

Въ 1862 г. С. А. зачисленъ по армейской кавалеріи, съ оставленіемъ въ званіи флигель-адъютанта, а въ слѣдующемъ 1863 г., 5-го декабря, назначенъ командующимъ Собственнымъ Его Величества конвоемъ и 10-го апрѣля 1864 г. произведенъ въ полковники.

Въ 1872 г., 16-го апрѣля, С. А., за отличіе по службѣ, произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества, съ пожалованіемъ ордена св. Станислава 1-й ст. Въ 1876 г. назначенъ командующимъ сводной казачьей дивизіей.

Приказомъ по кавказской арміи и кавказскому военному округу назначенъ затѣмъ начальникомъ 1-й сводной кавказской кавалерійской дивизіи, и въ 1877 году, за взятіе крѣпости Ардагана, пожалованъ орденомъ св. Анны 1-й степени съ мечами.

Въ 1878 г. С. А., за отличія въ дѣлахъ противъ турокъ, произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

Въ 1879 г. С. А. пожалованъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, съ оставленіемъ въ занимаемой должности.

Въ 1881 г. С. А. зачисленъ съ потомствомъ въ войсковое казачье сословіе терскаго казачьяго войска по станицѣ Ессентукской.

Въ 1882 г. С. А. назначенъ начальникомъ Кубанской области и наказнымъ атаманомъ кубанскаго казачьяго войска.

Въ 1883 г. награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла.

Въ 1884 г., 8-го февраля, С. А. назначенъ помощникомъ Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, а съ 3-го іюня 1890 г.— Главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ, Командующимъ войсками кавказскаго военнаго округа и наказнымъ атаманомъ кавказскихъ казачьихъ войскъ.

Дѣятельность С. А. Шереметева, какъ главнаго Начальника края,

была, въ сущности, продолженіемъ дѣятельности его въ качествѣ ближайшаго сотрудника князя А. М. Дондукова-Корсакова.

При генералъ-адъютантѣ Шереметевѣ возникли желѣзнодорожныя вѣтки: чіатурская, боржомская, кисловодская, петровская, ставропольская и приступлено къ постройкѣ рельсоваго пути на городъ Карсъ съ проектируемою вѣтвью на городъ Эривань.

Увеличена сѣть колесныхъ дорогъ и, главнымъ образомъ, такъ называемыхъ земскихъ дорогъ.

Въ тяжелый для Кавказа холерный 1892 годъ во всей силѣ проявились прекрасныя, вполнѣ рыцарскія душевныя качества Сергѣя Алексѣевича. Узнавъ о появленіи страшной эпидеміи въ городахъ Баку и Тифлисѣ, онъ быстро прослѣдовалъ изъ Петербурга на Кавказъ, прямо въ наиболѣе зараженный холерой г. Баку. Отклонивъ при этомъ всякую официальность и предлагавшіяся мѣры предосторожности, Сергѣй Алексѣевичъ пришелъ въ холерный госпиталь, обошелъ больныхъ и, потребовавъ стулъ, сѣлъ посреди плохо содержавшейся въ санитарномъ отношеніи палаты и спокойно сталъ отдавать распоряженія для упорядоченія дѣла. Примѣръ главнаго Начальника края повліялъ на окружающихъ и вызвалъ болѣе энергичное и осмысленное отношеніе къ дѣлу борьбы съ эпидеміей.

Посвятивъ лучшую пору своей жизни служенію Кавказу, С. А. Шереметевъ горячо любилъ этотъ край и готовъ былъ служить ему до конца жизни. Къ сожалѣнію, надорванное здоровье помѣшало ему осуществить эту мечту. 6-го декабря 1896 г. онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а вслѣдъ затѣмъ, 15-го декабря, его не стало. Скончался онъ въ Петербургѣ.

Генералъ-адъютантъ князь Григорій Сергѣевичъ Голицынъ.

Происходя изъ древне-русскаго княжескаго рода, занимающаго видное мѣсто въ исторіи нашего отечества, князь Григорій Сергѣевичъ Голицынъ родился 20-го октября 1838 года и получилъ первоначальное образованіе въ пажескомъ Его Императорскаго Величества корпусѣ, откуда изъ камеръ-пажей былъ выпущенъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій Его Величества полкъ корнетомъ—16-го іюня 1856 года. Въ августѣ 1858 г. поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба и, окончивъ въ ней курсъ по 1-му разряду, Г. С. былъ причисленъ къ генеральному штабу съ назначеніемъ состоять при главномъ штабѣ кавказской арміи. Въ 1861 г., въ чинѣ ротмистра, князь Г. С. Голицынъ находился въ походахъ и дѣлахъ противъ горцевъ въ адагумскомъ отрядѣ, а съ 4-го января 1862 г. исправлялъ должность штабъ-офицера при штабѣ 2-го армейскаго корпуса и затѣмъ былъ переведенъ въ генеральный штабъ подполковникомъ, съ назначеніемъ состоять въ распоряженіи военнаго министра и генералъ-квартирмейстера главнаго штаба. 16-го сентября 1862 г. послѣдовалъ переводъ князя Г. С. Голицына на Кавказъ въ 13-й лейбъ-гренадерскій эриванскій полкъ, въ рядахъ коего въ 1863 году онъ участвовалъ въ походахъ и дѣлахъ противъ горцевъ въ адагумскомъ отрядѣ и за отличіе былъ произведенъ въ полковники. Съ 10-го декабря 1865 г. по 16-е апрѣля 1872 г. князь Г. С. Голицынъ былъ командиромъ 14-го гренадерскаго грузинскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка и въ этой же должности, 21-го сентября 1871 года, пожалованъ званіемъ флигель-адъютанта. Въ 1872 г. былъ назначенъ командующимъ лейбъ-гвардіи финляндскимъ полкомъ и въ слѣдующемъ году произведенъ въ генералъ-майоры, съ утвержденіемъ въ должности командира полка и съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества. Высочайшимъ приказомъ отъ 30-го августа 1876 г. князь Г. С. Голицынъ былъ назначенъ на постъ военнаго губернатора Уральской области, командующаго войсками области и наказнаго атамана уральскаго казачьяго войска, съ зачисленіемъ по генеральному штабу и съ оставленіемъ въ свитѣ Его Величества. Высочайшимъ приказомъ того же года ему было разрѣшено сохранить мундиръ

Генералъ-адъютантъ
Князь Г. С. Голицынъ.

лейбъ-гвардіи финляндскаго полка. Въ періодъ управленія Уральскою областью ему были пожалованы ордена: св. Станислава и св. Анны 1-й степени и чинъ генералъ-лейтенанта. Въ этотъ же свыше восьмилѣтній періодъ службы на Уралѣ онъ исправлялъ должность командующаго войсками оренбургскаго военнаго округа и оренбургскаго военнаго губернатора. 5-го января 1885 г., Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату, князь Г. С. Голицынъ былъ назначенъ присутствующимъ въ Сенатѣ, съ оставленіемъ по генеральному штабу, а 7-го января того же года Высочайше повелѣно ему присутствовать въ I департаментѣ Правительствующаго Сената. Вслѣдъ за тѣмъ, 21-го января 1885 г., Высочайшимъ приказомъ онъ былъ зачисленъ по уральскому казачьему войску, съ оставленіемъ присутствующимъ въ Сенатѣ и по генеральному штабу, и въ томъ же 1885 г. назначенъ почетнымъ опекуномъ Опекунскаго Совѣта учрежденій Императрицы Маріи, по с.-петербургскому присутствію, съ оставленіемъ въ занимаемой должности, и, одновременно съ этимъ, назначенъ управляющимъ с.-петербургскими Маріинской для бѣдныхъ и Александровской женской больницами. 13-го ноября 1885 г. ему было Высочайше повелѣно присутствовать въ соединенномъ присутствіи I и кассаціоннаго департаментовъ Правительствующаго Сената, а 5-го января 1887 г. онъ былъ Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Владимира 2-й ст. и 1-го апрѣля 1890 г.—кавалеромъ ордена Бѣлаго орла. 19-го декабря 1891 г. Высочайше повелѣно ему присутствовать въ соединенныхъ присутствіяхъ I и гражданскаго или уголовнаго кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената. 16-го января 1892 г. князь Г. С., по Высочайшему повелѣнію, былъ командированъ въ Тобольскую губернію для устраненія существовавшихъ въ ней неустройствъ, причемъ былъ облеченъ правами генералъ-губернатора и полномочіемъ объявлять въ чрезвычайныхъ случаяхъ, отъ Имени Его Императорскаго Величества, Высочайшія повелѣнія. Нѣсколько позже, именно 18-го февраля 1892 г., князь былъ командированъ въ Пермскую губернію съ такою же цѣлью и съ тѣми же правами и полномочіями. 1-го января 1893 г. князю Г. С. Голицыну повелѣно быть членомъ Государственнаго Совѣта, а въ 1895 г. онъ назначенъ присутствовать въ департаментѣ государственной экономіи. Въ этомъ же году ему былъ пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго, а 14-го мая 1896 г., находясь въ Москвѣ при священномъ коронованіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, онъ былъ произведенъ, за отличіе по службѣ, въ чинъ генерала-отъ-инфантеріи.

Въ томъ же 1896 г., 12-го декабря, Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату, и Высочайшимъ приказомъ по военному вѣдомству князь Г. С. Голицынъ назначенъ Главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ, Командующимъ войсками кавказскаго

военнаго округа и войсковымъ наказнымъ атаманомъ кавказскихъ казачьихъ войскъ, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта, почетнымъ опекуномъ, сенаторомъ и по генеральному штабу. 2-го марта 1897 г. князь Г. С. Голицынъ былъ пожалованъ въ званіе генералъ-адъютанта къ Его Императорскому Величеству, съ оставленіемъ въ занимаемыхъ должностяхъ и по генеральному штабу и, наконецъ, въ нынѣшнемъ 1901 году ему были пожалованы брильянтовые знаки къ ордену св. Александра Невскаго.

Гдѣ бы ни проявлялась служебная и общественная дѣятельность князя Г. С. Голицына—въ должности ли командира войсковой части, въ званіи ли завѣдывающаго богоугодными заведеніями, въ качествѣ ли администратора извѣстнаго района, вездѣ онъ неизмѣнно является замѣчательнымъ хозяиномъ и сердобольнымъ попечителемъ о благоденствіи массъ и преимущественно низшихъ, наиболѣе бѣдныхъ, слоевъ населенія. Особенную извѣстность пріобрѣлъ князь Г. С. образцовою постановкою хозяйственной части Маріинской и Александровской больницъ въ Петербургѣ, а затѣмъ своею энергичною дѣятельностью при поѣздкахъ, съ особыми полномочіями, въ Тобольскую и Пермскую губерніи, населеніе которыхъ обязано князю спасеніемъ отъ великихъ бѣдствій. Въ Тобольской губерніи въ то время особенно бѣдствовали несчастные русскіе переселенцы, громадный наплывъ которыхъ, опередившій правительственныя подготовительныя мѣры, поставилъ ихъ въ крайне неопредѣленное и вообще безпомощное положеніе, усугублявшееся еще и случившимся тамъ неурожаемъ. Исключительно благодаря особенному вниманію и энергичному ходатайству князя Г. С., переселенцы были выведены изъ ужаснаго своего положенія, получивъ, наконецъ, возможность устроиться на новыхъ мѣстахъ, при томъ съ щедрою правительственною помощью (40,000 р.) на обзаведеніе.

Такимъ же образцовымъ хозяиномъ и сердобольнымъ къ нуждамъ населенія администраторомъ князь Г. С. Голицынъ явился и въ качествѣ Главнаго Начальника Кавказскаго края.

Облеченный и здѣсь особымъ Монаршимъ довѣріемъ и широкими полномочіями, имѣющими главною цѣлью достиженіе возможно большаго сближенія разноплеменнаго населенія Кавказа съ имперіей и мирнаго развитія въ немъ гражданственности и экономическаго благосостоянія населенія, князь Г. С. съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности въ краѣ обратилъ особенное вниманіе на устраненіе тѣхъ явленій, кои препятствуютъ достиженію этой цѣли. Прежде всего, съ цѣлью прекращенія въ краѣ усилившихся грабежей и разбоевъ, стараніями князя-Главноначальствующаго организована на новыхъ началахъ «закавказская полицейская стража», вмѣсто «земской стражи»,

учрежденной въ началѣ 1860-хъ годовъ и не отвѣчавшей своему назначенію. Положеніе о новой стражѣ Высочайше утверждено 27-го мая 1899 г. Несмотря на сравнительно короткое время существованія этой стражи, съ ея помощью удалось мѣстнымъ властямъ достигнуть весьма крупныхъ результатовъ по обезопасенію населенія. Къ сожалѣнію, есть причины грабежей и разбоевъ въ краѣ, которыя еще долго невозможно будетъ искоренить даже съ выдающейся энергіей князя: это—дикость значительной части населенія края и сосѣднихъ съ нимъ провинцій Турціи и Персіи, а также легкость побѣговъ изъ ссылки и съ каторги высылаемыхъ изъ края порочныхъ людей и преступниковъ.

Сдѣлавъ все возможное для обезпеченія личной и имущественной безопасности населенія, князь Г. С. обратилъ вниманіе на непосильныя тяготы, упадавшія на земледѣльческое населеніе края, и предпринялъ цѣлый рядъ мѣръ къ облегченію экономическаго положенія этого населенія. Въ этихъ видахъ и въ связи съ учрежденіемъ полицейской стражи, князь призналъ возможнымъ отмѣнить всѣ прежнія распоряженія главнаго кавказскаго начальства о предоставленіи губернской и уѣздной администраціи чрезвычайныхъ правъ и особыхъ полномочій въ отношеніи борьбы съ разбоями и искорененія періодически усиливавшихся преступленій,—такъ какъ эти распоряженія, при ихъ примѣненіи, часто ложились тяжелымъ бременемъ не только на отдѣльныхъ лицъ, но и на цѣлыя сельскія общества.

Въ томъ же направленіи, т. е. съ цѣлью облегченія экономическаго положенія земледѣльческаго класса населенія, была предпринята княземъ Г. С. и въ короткое время осуществлена податная реформа въ краѣ, многіе годы остававшаяся въ одномъ лишь предположеніи. По закону 12-го іюня 1900 г., эта реформа, въ основу которой положены начала гуманности и справедливости, выразилась отмѣною подымныхъ сборовъ и замѣною ихъ поземельнымъ налогомъ. Главная отличительная черта податной реформы заключается въ томъ, что обложеніе перенесено съ лица на землю. Построенное не на простомъ счетѣ податныхъ единицъ, а на доходности ихъ владѣнія, новое обложеніе даетъ казнѣ возможность, съ развитіемъ экономическаго благосостоянія въ краѣ, разсчитывать и на увеличеніе рессурсовъ. Въ видахъ справедливости и равномѣрности взиманія сборовъ, къ государственному обложенію привлечены, по новому закону, и землевладѣльцы-помѣщики.

Также въ видахъ облегченія платежнаго бремени населенія, земская закавказская касса, по ходатайству князя-Главноначальствующаго, освобождена отъ уплаты казнѣ пособій въ суммѣ, превышавшей полтора милліона рублей, на расходы по содержанію мировыхъ и судебныхъ уста-

новленій и учрежденій по крестьянскимъ и поселянскимъ дѣламъ и содержанію статистическихъ комитетовъ.

Въ видахъ поднятія въ краѣ благосостоянія сельскаго населенія, предпринятъ рядъ мѣръ по земельному устройству этого населенія.

Въ заботахъ о благосостояніи сельскаго населенія, князь Г. С. не оставилъ безъ особеннаго вниманія и интересы городского населенія, а также интересы мѣстнаго дворянства. Съ цѣлью упорядоченія городского общественнаго хозяйства, по распоряженію князя-Главноначальствующаго, была произведена ревизія городскихъ управленій въ Тифлисѣ и Баку и испрошены съ тою же цѣлью нѣкоторыя законодательныя мѣры.

Для облегченія дворянамъ-землевладѣльцамъ Тифлисской и Кутаисской губерній перехода къ новой системѣ обложенія, созданной закономъ 12-го іюня 1900 г., по ходатайству князя Г. С., это дворянство освобождено отъ платежа государственнаго поземельнаго налога въ теченіе трехлѣтія 1901—1903 гг. и сложены всѣ числившіеся за нимъ по день изданія приведеннаго выше закона поземельные сборы.

Въ интересахъ развитія сельскаго хозяйства и сельскохозяйственной промышленности на Кавказѣ, во время управленія краемъ князя Г. С. Голицына, организовано весьма значительное число сельскихъ кредитныхъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Такія же кредитныя учрежденія возникли на почвѣ и крупно-промышленныхъ заводскихъ предпріятій. Широкое развитіе въ краѣ кустарныхъ промысловъ вызвало организацію въ Тифлисѣ особаго кустарнаго комитета, на обязанность котораго возложено улучшеніе положенія мѣстныхъ кустарей и оказаніе имъ, по мѣрѣ возможности, нравственной и матеріальной поддержки.

Для урегулированія въ краѣ одной изъ самыхъ крупныхъ промышленностей—нефтяной—также проведенъ заботами князя Г. С. цѣлый рядъ мѣръ устройства въ будущемъ и порядка содержанія нефтяного городка. При дѣятельномъ содѣйствіи князя, въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ было организовано нѣсколько спеціальныхъ съѣздовъ по марганцевой промышленности, по виноградарству, садоводству и многимъ другимъ отраслямъ сельскохозяйственной промышленности. Огромную поддержку оказалъ князь-Главноначальствующій и устройству нынѣшней юбилейной кавказской выставки—этого торжества мирнаго прогресса и показателя народной сельскохозяйственной и фабрично-заводской производительности. При его же содѣйствіи, въ сферѣ гражданскаго медицинскаго управленія получили дальнѣйшее движеніе весьма крупныя мѣропріятія: по преобразованію сельско-врачебной части въ краѣ, съ значительнымъ увеличеніемъ сельскаго врачебнаго персонала, по организаціи постоянныхъ больницъ и фельдшерскихъ пунктовъ, вмѣсто существующихъ теперь пріемныхъ покоевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждены во-

просы о призрѣніи душевно-больныхъ, съ устройствомъ центральной лѣчебницы, и призрѣніи прокаженныхъ, съ постройкою для нихъ особаго лепрозорія въ Эриванской губ. Достигнуты значительныя улучшенія въ дѣлѣ организаціи пограничной санитарной охраны переустройствомъ врачебно-санитарныхъ станцій. Немало сдѣлано въ послѣднее время и въ области ветеринарнаго управленія въ смыслѣ борьбы съ эпизоотіями.

Въ значительной степени подвинуто въ краѣ водное дѣло: проведеніе новыхъ обводнительныхъ и оросительныхъ канавъ и производство изысканій въ сказанномъ направленіи, главнымъ образомъ въ Закавказскомъ краѣ. Дѣло русской колонизаціи, составляющее одну изъ насущнѣйшихъ потребностей края, князь Г. С. засталъ на Кавказѣ почти въ такомъ же неустроенномъ положеніи, какъ и въ Сибири. Нынѣ, благодаря его заботамъ, дѣло это получило правильное теченіе, и тѣмъ положенъ конецъ напраснымъ бѣдственнымъ скитаніямъ русскихъ переселенцевъ. Наглядным памятникомъ заботливости князя Г. С. о русскихъ переселенцахъ останется въ особенности одно изъ новыхъ русскихъ селеній въ Елисаветпольской губ., получившее, по желанію новоселовъ, его имя и осчастливленное его поистинѣ отеческими попеченіями.

Кромѣ перечисленныхъ мѣропріятій, которыми далеко не исчерпывается все сдѣланное княземъ Г. С. Голицынымъ на Кавказѣ, имъ еще предначертанъ рядъ реформъ, направленныхъ къ благоустройству ввѣреннаго ему края. Сюда слѣдуетъ отнести предположенія о переустройствѣ сельскаго, уѣзднаго и губернскаго управленій, объ организаціи общественнаго призрѣнія, объ урегулированіи отношеній поселянъ къ бывшимъ ихъ помѣщикамъ и проч.

Не прошло еще пяти лѣтъ со времени назначенія князя Г. С. Голицына на постъ Главнаго Начальника Кавказскаго края, и если въ теченіе столь короткаго времени онъ успѣлъ сдѣлать все то, что слабо лишь отмѣчено здѣсь, то въ этомъ отношеніи край обязанъ необычайной энергіи князя Григорія Сергѣевича. Дай Богъ продлиться этой энергіи и еще на многіе годы!

ПОЭТИЧЕСКІЙ КАВКАЗЪ

въ его

легендахъ, пѣсняхъ и суевѣріяхъ.

Нужно всего *семь* красокъ для составленія безконечнаго разнообразія цвѣтовъ!

Нужно всего *семь* нотъ для произведенія цѣлаго моря гармоніи!

Нужно всего *десять* цыфръ для составленія безконечныхъ чиселъ.....

А что же слѣдуетъ сказать о пылкой народной фантазіи нашихъ жителей знойнаго и вѣчно *стихійнаго Кавказа?*

Дрожитъ Кавказъ отъ льдистыхъ горныхъ заваловъ, близъ которыхъ есть фирновыя, снѣжныя поля, куда, отъ сотворенія міра, не ступала еще нога человѣческая.

Трепещетъ Кавказъ отъ внезапныхъ и страшныхъ землетрясеній, раздирающихъ лоно земли и повергающихъ въ прахъ населенныя мѣста и области.

Стонетъ и рыдаетъ Кавказъ отъ бурныхъ и бѣшеныхъ наводненій, смывающихъ моментально человѣческое жилье и низвергающихъ вѣковыя каменныя громады, для того чтобы превратить цвѣтущіе, жизнерадостные уголки въ царство пустыни, мертваго тлѣнія и гробовой тишины.....

А между тѣмъ ..... какъ дивно увлекателенъ тотъ же Кавказъ, широко и прихотливо разбросавшійся между Чернымъ и Каспійскимъ бурливыми морями, вѣчно поющими горнымъ царямъ-великанамъ свои чудныя заповѣдныя пѣсни: о чудищахъ морскихъ, о ярко-коралловыхъ дворцахъ морского бога Нептуна, и о вѣчномъ подземномъ огнѣ, взрывающемъ и потрясающемъ тяжелыя громады Кавказскихъ горъ, украшенныхъ вѣчными снѣгами и вѣчно сіяющими коронами своихъ *заоблачныхъ* гребней, этихъ первенцовъ творенія и горячо любимыхъ *„Божьихъ дѣтокъ“!....*

Кавказъ отъ сотворенія міра ревниво охраняютъ три царя-великана: Эльборусъ, Казбекъ и священный Араратъ,—эта колыбель возобновленнаго человѣческаго рода послѣ всемірнаго потопа!

И слышенъ былъ гласъ Господа-Саваоѳа къ праотцу нашему Ною, вѣщавшій тако:

— **„Вниди ты и весь домъ твой въ ковчегъ, яко тя видѣхъ праведна предо Мною въ родѣ семъ“....**

— **„Азъ наведу дождь на землю четыредесять дней и четыредесять нощей: и истреблю всякое востаніе еже сотворихъ, отъ лица всея земли“...**

— **„И сѣде ковчегъ въ мѣсяцъ и двадесять седмый день мѣсяца на горахъ Араратскихъ...!“**

Но когда кроткая и бѣлая голубица принесла Ною **„сучецъ масличенъ съ листвіемъ во устахъ своихъ“**, то праотецъ Ной вышелъ изъ ковчега и разселился съ своими сыновьями и дщерями подъ роскошными пальмовыми и кедровыми лѣсами Кавказа, и отъ «сѣмени его» произошли всѣ племена и всѣ народы, населяющіе нынѣ всю грандіозную нашу и необъятную—сравнительно—вселенную!

Но ковчегъ остался на горѣ Араратѣ, и теперь еще, по убѣжденію народа, можно видѣть остатки его на вѣчно засыпанной снѣгомъ вершинѣ Большого Арарата, нѣжно хранящаго эту драгоцѣнную колыбель возобновленнаго и прощеннаго Господомъ Богомъ человѣчества!...

Но не одинъ Араратъ, а и Эльборусъ съ Казбекомъ—бывшіе свидѣтели великаго всемірнаго потопа—дружно и вѣчно охраняютъ остатки «Ноева ковчега», тѣсно сомкнувшись въ неприступные ряды грозно сплоченныхъ горъ, съ ихъ хаотическими бурями, ураганами, подземными ударами и ужасающими ливнями—и вѣщаютъ тѣмъ о незыблемой славѣ Милосерднаго и Грознаго Господа!....

Вмѣстѣ съ этими горными великанами горячо бунтуютъ и наши кавказскія моря.

На *Черное море* кавказскія горы-великаны прихотливо и моментально посылаютъ ниспадающій *«стихійной волной» вѣтеръ-ураганъ «бора»*, леденящій и уничтожающій самыя громадныя суда, едва приближающіяся къ грознымъ и вмѣстѣ лучезарнымъ берегамъ нашего Закавказья.

Каспійское море еще грознѣе: оно изъ бездны своей выбрасываетъ *огнедышащіе вулканы*, и море кипитъ на громадномъ пространствѣ и вдругъ выдвигаетъ изъ волнъ своихъ—съ гуломъ и трескомъ—совершенно невѣдомые *„острова“*, при видѣ которыхъ моряки бѣгутъ въ порывѣ страха и отчаянія.... Каспій славенъ: *пучинами* и *дождемъ изъ звѣздъ*.....

И страшенъ, и обаятеленъ Кавказъ съ его вѣковыми горными ледниками и вѣчно бушующими волнами морей...

Въ нихъ есть «тайна»—непроницаемая, вѣчная тайна. Тутъ горный духъ, и тутъ же и духъ моря!!!....

И вотъ отсюда идутъ «легенды», слагаются «пѣсни» и возникаютъ «суевѣрія», протянувшіяся отъ конца потопа и до нашихъ дней, про которые нашъ симпатичный русскій поэтъ Баратынскій такъ удачно говоритъ:

— Столѣтія прошли, а таинства святыни
Еще никто народамъ не раскрылъ,
И ключъ попрежнему гремитъ въ глухой пустынѣ,
И свѣтъ луча къ нему, какъ прежде, не пробилъ.
Пора, пора сломать печать забвенья,
И въ глушь вѣковъ промять себѣ слѣды:
Дай руку мнѣ, питомецъ вдохновенья,
Пойдемъ къ ключу испить живой воды!
Я чувствую вліянье благодати,
И можетъ быть завѣтную скрижаль
Исторгнемъ мы изъ тѣхъ скупыхъ объятій,
Которымъ прошлаго для будущаго жаль.
Пора, пора сломать печать забвенья,
И въ глушь вѣковъ промять себѣ слѣды:
Дай руку мнѣ, товарищъ пѣснопѣнья,
Идемъ къ ключу испить живой воды!....

Драгоцѣннѣйшимъ *перломъ* грузинской литературы служитъ поэма Шота Руставели «Барсова кожа», современница нашему русскому «Слову о полку Игоревѣ».

Сотни лѣтъ прошли со времени появленія въ свѣтъ поэмы «Барсова кожа», но нѣтъ ни одной современной грузинской семьи, гдѣ-бы не хранилось экземпляра этой поэмы, въ «пересказѣ» или въ печатномъ экземплярѣ.

Всякій грузинъ-отецъ, благословляя дочь свою при выходѣ въ замужество, передаетъ ей, прежде всего, книгу св. Евангелія и, непремѣнно, экземпляръ поэмы «Барсова кожа»....

Для грузинъ Шота Руставели не нашъ русскій Пушкинъ,—Пушкинъ слишкомъ серьезенъ,—а это.... это нашъ *брильянтовый Лермонтовъ*, во всемъ величіи его славы, изящества и неподражаемой красоты!...

Шота Руставели говоритъ такъ:

— Я поэтъ, и въ мірѣ этомъ
Всѣхъ судьба насъ отмѣчаетъ:

Одаривъ таланта свѣтомъ,
Пышно лаврами вѣнчаетъ!
Потому герой мой главный—
Тариели знаменитый—
Вамъ предстанетъ гордый, славный,
Рыцарь лаврами увитый....
Онъ, въ исторіи воспѣтый,
Былъ герой *грузинской славы,*
Въ «кожу барсову» одѣтый,
Легендарный, величавый.
Онъ въ бояхъ, какъ левъ, спокоенъ,
А въ любви—нѣжнѣй свирѣли!
Вотъ кто былъ грузинскій воинъ,
Несравненный Тариели....

Но какъ печальна была судьба поэмы «Барсова кожа» до той поры, пока она не вошла въ плоть и кровь грузинскаго народа!

Въ 1709 году, при грузинскомъ царѣ Вахтангѣ, въ городѣ Тифлисѣ положено было начало *книгопечатанію* открытіемъ типографіи, въ которой и напечатана «Барсова кожа», ходившая до той поры въ полныхъ рукописяхъ и краткихъ спискахъ (афоризмы).

Со времени появленія въ свѣтъ этой книги начинается распространеніе въ народѣ громадной популярности Руставели и, вмѣстѣ, возникаютъ первыя гоненія противъ его произведенія со стороны грузинскаго духовенства того времени, и особенно грузинскаго католикоса Антонія I, который, въ видахъ охраненія своей паствы *отъ соблазна, приказалъ* собрать экземпляры «Барсовой кожи» и бросить ихъ въ рѣку Куру....

Но, задолго еще до этого оргинальнаго *потопленія* книги величайшаго поэта Грузіи, царь Вахтангъ V впалъ въ другую крайность и, печатая «Барсову кожу», прибавилъ къ поэмѣ *свои собственныя комментаріи*, гдѣ усиливался придать всему содержанію книги какое-то *религіозно-символическое значеніе*, чего, на самомъ дѣлѣ, въ книгѣ нѣтъ и не было даже и по старымъ ея спискамъ.

Но, къ великому счастью грузинскаго народа и вообще литературы, католикосъ Антоній не всѣ экземпляры «Барсовой кожи» успѣлъ *утопить* въ рѣкѣ Курѣ.... Патріоты-грузины книгу эту припрятали....

И вотъ, предъ нами «Барсова кожа» во всей ея первобытной, почти идеальной красотѣ, съ ея неумирающей версификаціей.

Грузинскій царь *Давидъ Возобновитель* былъ первымъ насадителемъ научнаго образованія въ Грузіи, и онъ первый послалъ избранную имъ *грузинскую молодежь*, для полученія образованія, за границу—въ Грецію, въ Аѳины.

Шота Руставели былъ тоже воспитанникомъ «аѳинской школы», и потому съ его пріѣздомъ въ Грузію поднялась новая война, превратившаяся въ цѣлый ураганъ тоже новыхъ, т. е. не бывалыхъ на Кавказѣ, литературныхъ идей.

Извѣстно, что положеніе женщины у всѣхъ восточныхъ народовъ было въ тѣ времена угнетенное.

Личность и права женщинъ у всѣхъ восточныхъ народовъ стояли не выше личности и правъ рабовъ.

Воля или, лучше сказать, деспотизмъ мужей былъ закономъ для женъ, а отцовъ—для дочерей.

Невѣсты выходили замужъ не по свободному выбору, а по волѣ родителей, за кого и съ какою-бы цѣлью эти послѣдніе ни выдавали ихъ.

Бѣдной женщинѣ запрещено было, даже и подъ «вѣнцомъ», взглянуть на того человѣка, чьею женою или «собственностью» становилась она.

Этотъ варварскій обычай, существующій и до нашихъ дней у многихъ народовъ Востока, не могъ, конечно, не отразиться на жизни тогдашней хоть и христіанской Грузіи...

Суровый гнетъ и попраніе всякихъ правъ женщины-человѣка господствовали въ грузинской семьѣ, хотя, конечно, и не въ такой степени, какъ у окружавшихъ ее мусульманскихъ народовъ.

И вотъ, когда избранная грузинская молодежь стала получать образованіе въ греческихъ школахъ, заимствуя у аѳинянъ плоды цивилизаціи, то эти грузины явились піонерами просвѣщенія на своемъ родномъ Кавказѣ, и съ тѣхъ временъ умственное развитіе ихъ соотечественниковъ и вообще уровень пониманія вещей стали замѣтно расширяться.

А Шота Руставели безъ преувеличенія можно назвать первымъ бойцомъ за эмансипацію грузинской женщины.

Вообще говоря, новая тогда идея свободнаго выбора невѣстами жениховъ распространилась по Грузіи въ концѣ XII вѣка, почитаемаго въ грузинской исторіи золотымъ вѣкомъ народа во всѣхъ отношеніяхъ.

Происхожденіе своего золотого вѣка грузины всецѣло приписываютъ царицѣ Тамарѣ, и поэтому надобно полагать, что вопросъ объ «эмансипаціи грузинской женщины» послужилъ, такъ сказать, почвою, на которой сошлись: знаменитая царица и совершенно безвѣстный, но будущій народный поэтъ Грузіи.

Постепенное затѣмъ сближеніе этихъ двухъ представителей тогдашней цивилизующей мысли заставило, конечно, воспріимчиваго Руставели сдѣлать первый шагъ по новому пути, т. е. воспроизвести въ поэтической формѣ выраженія идеи «нравственнаго совершенства», осущест-

вленіе котораго онъ увидѣлъ въ кроткомъ образѣ величественной, юной и прекрасной царицы Тамары и въ ея духовно-возраждающемся народѣ.

И вотъ, въ результатѣ явилась въ свѣтъ прелестная, оригинальная поэма чувствъ и нравовъ или «Барсова кожа».

Поэма Руставели есть торжественный гимнъ «любви», «добру» и «красотѣ», а главнѣйше—женщинамъ, предъ которыми авторъ «Барсовой кожи» благоговѣлъ, какъ предъ лучшимъ изъ созданій природы...

Поэма была встрѣчена вполнѣ сочувственно, читалась въ первый разъ при дворѣ въ присутствіи Тамары и ея вельможъ, а Руставели, осыпанный похвалами и богатыми подарками, получилъ еще въ даръ отъ царицы золотое перо.

Торжество таланта было полное и никогда въ Грузіи не бывалое.

Но судьба людей бываетъ измѣнчива: пышный и величественный поэтъ Грузіи изъ блестящаго придворнаго поэта, неожиданно для всѣхъ, превратился въ смиреннаго инока одного изъ іерусалимскихъ монастырей!..

Что же послужило причиною столь быстрой перемѣны въ судьбѣ поэта?

Всѣ говорятъ... что послужила любовь, пламенная и безумная любовь, столь часто присущая горячимъ сынамъ нашего раскаленнаго юга!

Молодой и опьяненный своими первыми литературными успѣхами, Шота Руставели влюбился... и въ кого?... въ свою-же повелительницу и царицу, въ красавицу Тамару!..

И этотъ жгучій моментъ прелестно воспроизведенъ въ слѣдующемъ стихотвореніи поэта А. Полонскаго.

Тамара и пѣвецъ ея Шота Руставели.

Въ замкѣ розъ, подъ зеленою сѣнью плющей,
Въ діадемѣ на тронѣ Тамара сидитъ.
Рядъ вассаловъ-князей
И почетныхъ мужей
Передъ ней раболѣпно стоитъ.

О внезапной грозѣ, что съ Востока идетъ,
О нежданной войнѣ имъ она говоритъ,
И на битву ихъ шлетъ,
И отвѣта ихъ ждетъ,
И какъ солнце красою блеститъ!

«Укажи намъ врага! Твой народъ торопливъ
На побѣду!»—въ порывѣ собранье шумитъ.
На всеобщій порывъ

Лишь пѣвецъ молчаливъ. . . .
За него жаръ ланитъ говоритъ.

Не царицу Иверіи въ сонмѣ князей—
Въ ней онъ видитъ одно божество красоты!
И не сводитъ очей. . . .
И не слышитъ рѣчей. . . . .

Его жаркія душатъ мечты. . . .
Показался онъ жалокъ и страненъ другимъ . . . .
И упалъ на него *испытующій взглядъ*. . . . .
И любовью палимъ,
И тоскою томимъ,

Изъ дворца удалиться онъ радъ.
Отпустили толпу и выходитъ пѣвецъ. Но съ лица
У Тамары мгновенно румянецъ сбѣжалъ,
И Тамара съ крыльца
Воротитъ къ ней пѣвца
Приказала, и *Шота* предсталъ.

И возвысился царственный голосъ жены:
«Руставель! родился ты одинъ изъ мужей—
Не въ защиту страны;
Кто не любитъ войны—
Не являйся мнѣ въ сонмѣ князей.

Но ты любишь дѣла и побѣды мои:
Я готова тебя при дворѣ принимать,
Слушать пѣсни твои—
Лишь не смѣй *о любви*
Въ этихъ пѣсняхъ ты мнѣ повторять»!

И, блѣднѣя, поникъ Руставель молодой
Передъ мощной владычицей многихъ земель
И, смутившись душой,
Какъ безумецъ, собой
Не владѣя, сказалъ Руставель:

«О царица! чтобъ не былъ я въ сонмѣ князей,
Навсегда удалиться ты мнѣ повели.
Все равно: образъ твой
Унесу я съ собой
До послѣднихъ предѣловъ земли . . . . .

Стану пѣть про любовь—ты не станешь внимать
Но, клянусь! на возвышенный голосъ *любви:*
Звѣзды станутъ сіять,
И листы трепетать,
И журчать голубыя струи!

Удалюсь я, царица! Прощай! Безъ наградъ,

Безъ похвалъ довершу я созданье мое *),
Но его затвердятъ
Внуки нашихъ внучатъ—
Да прославится имя твое»!

Содержаніе поэмы «Барсова кожа», въ общихъ чертахъ, слѣдующее: Вѣрность и привязанность царевны Нестань-Дареджанъ къ избраннику сердца ея простирается до того, что она скорѣе рѣшается огорчить нѣжно-любимыхъ родителей «противорѣчіемъ», нежели сдѣлаться женою нелюбимаго ею человѣка (хана Хварадшскаго). Мало того, чтобъ остаться вѣрною Таріелю и избавить себя отъ нежеланнаго брака, Нестань подаетъ даже своему возлюбленному мысль—умертвить сына хана Хварадшскаго...

Но за эту преступную мысль суждено было обоимъ имъ перенести много страданій и приключеній, прежде нежели достигнуть своей цѣли.

Нестань-Дареджанъ внезапно была похищена и увезена въ неизвѣстныя страны, но и тамъ она остается вѣрной до конца своему Таріелю, не взирая на всѣ соблазны и долгую разлуку.

Такъ, напримѣръ, вслѣдъ за похищеніемъ изъ отцовскаго дома и послѣ цѣлаго ряда приключеній, Дареджанъ попадаетъ во власть царя «морскихъ владѣній», который предназначаетъ ее въ невѣсты своему наслѣднику, но Дареджанъ, не взирая на то, что она ничего не знаетъ о судьбѣ Таріеля, все же не забываетъ его и скорѣе предпочитаетъ покончить самоубійствомъ, нежели измѣнить своему возлюбленному. И вотъ молодая невѣста дѣлаетъ отчаянный шагъ, она подкупаетъ своихъ прислужницъ и бѣжитъ ночью, сама не зная куда, при помощи преданной ей Патасани.

Попавъ затѣмъ случайно къ каджетскому царю, Дареджанъ встрѣчаетъ тѣ же почести, что и во дворцѣ «морского властителя», и молодой красавицѣ вновь представляется случай сдѣлаться царицею Каджетскаго царства, но Дареджанъ и здѣсь чужда мысли измѣнить Таріелю, и, вслѣдствіе принужденія къ браку, она снова рѣшается на самоубійство.

Но въ самую критическую минуту Дареджанъ суждено было быть освобожденной своимъ Таріелемъ и вступить съ нимъ въ давно желанный бракъ.

Съ момента, какъ Таріель узналъ о похищеніи Дареджанъ, любящая его душа не знала покоя, пока, наконецъ, онъ не нашелъ Нестани при помощи друга своего Автандила.

Хотя Автандилъ, по настоятельной просьбѣ Таріеля, и возвра-

*) Поэма «Барсова кожа».

Видъ Тифлиса по Шардену 1670-хъ годовъ.

щается на родину, чтобъ извѣстить царя Ростевана и Тинатину объ успѣхѣ предпріятія и о судьбѣ найденнаго ими юноши, но немедленно спѣшитъ опять назадъ на помощь къ другу—Таріелю. Любовь Автандила къ Тинатинѣ и чувство долга зовутъ его на родину, но онъ побѣждаетъ эти горячія чувства, ради высокаго и святого чувства дружбы!

Ни слезы Тинатины, ни гнѣвъ царя не останавливаютъ молодого героя, и онъ тайкомъ бѣжитъ изъ царства и родины.

Освободивъ, при помощи Таріеля, Дареджанъ изъ Каджетской крѣпости, Автандилъ со слезами радости присутствуетъ при обрядѣ вѣнчанія своихъ молодыхъ друзей, и первый поздравляетъ ихъ съ началомъ новой жизни и новаго счастья!

Этого мало, Автандилъ не покидаетъ своего друга и въ дальнѣйшемъ. Возвратясь вмѣстѣ съ новобрачными на родину и женившись на возлюбленной своей Тинатинѣ, Автандилъ собираетъ многочисленное войско и идетъ походомъ въ отечество своего друга (въ Индію), вмѣстѣ съ Таріелемъ, чтобъ отнять эту страну у незаконныхъ ея властителей (ибо отецъ Дареджанъ, бездѣтный Парсаданъ, уже умеръ) и вручить корону индійскую Дареджанъ и Таріелю, сдѣлавъ ихъ такимъ образомъ вполнѣ счастливыми!

По свидѣтельству грузинскаго митрополита Тимоѳея, путешествовавшаго въ XVIII в. по «святымъ мѣстамъ», Шота Руставели погребенъ въ монастырѣ св. Креста, въ Іерусалимѣ, гдѣ также (въ его время) хранился портретъ покойнаго поэта.

Въ эту же эпоху появились въ Грузіи классическія произведенія Висраміани (исторія о Висѣ и Раминѣ), Кирила да Дамана, Амиранъ-Дареджаніани, оды І. Шавтели, Чахрухадзе, историческіе анналы и проч.

Съ XIII в. по XVIII в. дошедшіе до насъ памятники грузинской письменности увеличиваются въ количественномъ отношеніи, но по качеству они не отличаются ни оригинальностью, ни художественностью. Большая часть ихъ можетъ быть распредѣлена на двѣ группы: одна изъ нихъ обнимаетъ нравственно-дидактическія произведенія, другая сосредоточивается на сказочныхъ сюжетахъ.

Обратимся къ послѣднему отдѣлу.

Къ самому началу XIII в., ко времени, вѣроятно, царствованія Русудани, относится объемистый рукописный памятникъ «Русуданіани». «Русуданіани» представляетъ сборникъ 12 сказокъ, связанныхъ между собою искусственно дидактической идеей.

Сюжетъ «Русуданіани» таковъ: добродѣтельный мужъ Аптвиміане имѣлъ 12 умныхъ сыновей и одну прекрасную дочь Русудану. Потомокъ царственныхъ предковъ изъ Іемена, Манучаръ, женится на красавицѣ Русуданѣ. Воспитанный тайно въ христіанской вѣрѣ, онъ получаетъ

приглашеніе ко двору безбожнаго царя, который обѣщаетъ возвратить ему наслѣдіе, нѣкогда потерянное его предками. Видя въ этомъ повелѣніи царя волю Божію, онъ уѣзжаетъ и этимъ причиняетъ женѣ большое горе. Однако, безбожный царь не довольствуется этимъ: онъ требуетъ къ себѣ дочь Манучара, Роадому, а затѣмъ и сына его, Придона. Успокаивать Русудану въ безысходной тоскѣ пріѣзжаютъ ея родители, которые развлекаютъ ее поучительными разсказами. Къ концу 12-го разсказа пріѣзжаетъ Придонъ, который велитъ записать всѣ разсказы.

Разсказы эти проникнуты идеею, что печали и испытанія смѣняются подъ конецъ, по волѣ Божіей, радостью и покоемъ. По словамъ проф. Чубинова, повѣсть характеризуетъ бытъ, понятія, нравы народа и современное благоустройство.

Къ концу XIV и началу XV вѣка принадлежитъ поэма Алгузіани, отличающаяся подражаніемъ «Барсовой кожѣ». Затѣмъ несомнѣнный интересъ представляетъ романъ подъ названіемъ «Сиринозіани», о которомъ, по свидѣтельству г. Хаханова, не упоминается ни въ припискѣ о романахъ въ концѣ «Барсовой кожи», ни въ энциклопедіи «Арчиліани»—царя Арчила. Тѣмъ не менѣе, рукописи его не рѣдки среди грузинъ.

Въ романѣ этомъ, какъ и въ знаменитой эпопеѣ Фирдуси «Шахъ-намэ», описывается борьба Ирана съ Тураномъ, а потому начало его слѣдуетъ искать или въ персидской литературѣ, или въ тѣхъ легендахъ, которыя почти повсюду извѣстны на Востокѣ, и изъ которыхъ позднѣе создалъ свою поэму великій Фирдуси.

Къ числу переводныхъ съ персидскаго языка произведеній относится поэма «Лейлъ и Меджнунъ», съ которой была попытка сравнить «Барсову кожу» Руставели. На грузинскомъ языкѣ существуетъ нѣсколько рукописныхъ экземпляровъ перевода царя Теймураза (1587—1663 г.) этой поэмы. Переводъ писанъ руставелевскимъ стихомъ «шаири».

Царь Теймуразъ I вообще извѣстенъ какъ перелагатель персидскихъ поэтическихъ произведеній на грузинскій языкъ. Къ таковымъ относится «Вардбулбуліани», поэма о розѣ и соловьѣ, «Шами-параваніани», «Іосифъ-Зилахіани» и др.

«Сравненіе весны и осени», «Посвященіе образу царицы Тамары въ Давидъ-Гареджійской пустыни», «Мученическія страданія царицы Кетеваны» и др. являются оригинальными его произведеніями. Ему же принадлежитъ хронографъ, составленный на основаніи греческихъ и русскихъ источниковъ. Этими произведеніями царь Теймуразъ пріобрѣлъ такую извѣстность, что его стали сравнивать съ Шота Руставели.

Дѣятельность этого царя нашла панегириста въ лицѣ другого царственнаго писателя—Арчила. Его поэма «Арчиліани» представляетъ из-

ложеніе горестной жизни и восхваленіе произведеній царя Теймураза. Помимо того, Арчилъ написалъ еще довольно много сочиненій.

Съ XVII в. открывается въ Грузіи новое столкновеніе восточнаго вліянія съ западнымъ. Къ этому времени начинается воздѣйствіе русской литературы, вліяніе которой замѣчается пока внѣ предѣловъ Грузіи—въ Москвѣ, гдѣ водворяется царь Арчилъ со свитой. Персидская поэзія, переживавшая свой захудалый періодъ, отражается въ грузинской письменности воспоминаніями или повторными переводами такихъ произведеній, которыя относятся къ расцвѣту персидской литературы. Между ними первое мѣсто занимаетъ «Ростоміани».

Въ грузинской литературѣ распространено мнѣніе, что изъ всѣхъ извѣстныхъ на европейскихъ языкахъ переводовъ «Шахъ-намэ» грузинскій «Ростоміани» представляетъ произведеніе наиболѣе полное и близкое къ оригиналу знаменитой «Книги царей» персидскаго поэта Фирдуси.

Въ связи съ «Ростоміани» находятся «Сиринозіани», «Придоніани» и «Бараміани», всѣ—повѣсти героическаго содержанія.

XVIII вѣкъ извѣстенъ подъ названіемъ «серебряной эпохи» грузинской литературы. Этотъ періодъ ознаменованъ, съ одной стороны, культурнымъ подъемомъ Грузіи, а съ другой,—временнымъ возрожденіемъ политической мощи при царѣ Ираклія II.

Затѣмъ весьма важны труды царя Вахтанга по собиранію историческихъ источниковъ и свода ихъ по именемъ «Картлисъ-Цховреба».

Заслуживаютъ вниманія стихотворенія царя Теймураза II и цѣлая группа героическихъ повѣстей XVIII вѣка, находящихся въ зависимости отъ «Тысячи и одной ночи». Къ нимъ относятся «Давришіани»,«О царѣ Аджамѣ»,«Сказаніе о Хикарѣ» и др., а также фантастическія повѣсти: «Миріани», «Намардіани», «Саридоніани» и др.

Изъ стихотворныхъ сочиненій XVII—XVIII в. заслуживаютъ вниманія «Дидъ-Моуравіани», Іосифа Тбители—историческая поэма, посвященная жизни и дѣятельности моурава Георгія Саакадзе; затѣмъ слѣдуетъ поэма Давида Гурамишвили «Давитіани». Авторъ былъ большой знатокъ русскихъ народныхъ пѣсенъ и первый внесъ въ искусственную поэзію размѣръ народнаго стихосложенія.

При взятіи Тифлиса Ага-Магометъ-ханомъ погибъ знаменитый сазандаръ Грузіи Саятъ-Нова. Онъ былъ придворный трубадуръ царя Ираклія II. Когда Тифлисъ былъ взятъ, Саятъ-Нова молился въ храмѣ; слыша приближеніе враговъ, онъ взялъ въ руки крестъ и пошелъ къ нимъ навстрѣчу, желая остановить ихъ на порогѣ. Два стиха, двѣ звучныя риѳмы на татарскомъ языкѣ вылились изъ его устъ:

«Не отступлю отъ Іисуса,
Не выйду изъ церкви».

И это были послѣднія слова восьмидесятилѣтняго старца.
Пѣсни его посвящены воспѣванію наслажденій, любви и красоты.

Цѣлый міръ я прошелъ, въ Абиссиніи былъ,
Но не видѣлъ такую какъ ты:
Всѣхъ красавицъ повыше твой смертный удѣлъ
Всѣ тобой восхищаемся мы.
Ты надѣнешь ли платье изъ шелка сырца,
Иль кафтанъ изъ парчи золотой,—
Тотъ сырецъ обращается въ шелкъ дорогой,
Всѣхъ восторгъ оправдаетъ пѣвца.
Дорогой ты алмазъ, счастливъ твой господинъ!
Не печалится тотъ, кто находитъ тебя,
Кто жъ тебя потерялъ, кто остался одинъ —
Умираетъ отъ горя стеня.
Слишкомъ рано въ могилу,—да будетъ ей свѣтъ,—
Твоя мать въ сонмъ усопшихъ сошла.
Если-бъ была жива, тебѣ равный портретъ
Въ этомъ мірѣ она бъ создала.
Ты съ рожденья сіяешь своей красотой,
Твои родинки—золота блескъ.
Весь въ кораллахъ вѣнокъ въ волосахъ золотой,
Испускаетъ онъ радужный блескъ.
Твои глазки горятъ искрометнымъ виномъ,
Твои щечки, какъ въ пурнѣ лавашъ,
Твои брови стрѣлою, рѣсницъ карандашъ
Не помянетъ влюбленный добромъ.
Твое личико—чистыя солнце, луна.
Гибкій станъ твой обвилъ кашемиръ...
Кисть упала изъ рукъ, такъ безсильна она.
Отнялся у души моей миръ.
Сядешь, милая, ты на коверъ тахтовой
Попугаю подобенъ твой видъ,
А стоишь на порогѣ ты сакли родной,
Мнится мнѣ гиппогрифъ то стоитъ.
И теперь ужъ, увы, не Саятъ я Нова!
Я свой домъ на пескѣ созидалъ.
Взглядъ твой, полный и страсти и пыла огня,
Какъ костеръ мою душу сжигалъ.
Что ты сдѣлала, ангелъ, съ моею душой?
Какъ мнѣ вѣсть отъ сердечка узнать?
И цвѣтной твой муслинъ, станъ обвивъ твой волной,
Индустанскимъ цвѣткомъ буду звать.

Саятъ-Нова писалъ стихи не только на грузинскомъ языкѣ, но также на армянскомъ и татарскомъ, остающіеся пока не изданными въ печати.

Большое собраніе стихотвореній грузинскихъ царей, царевичей и князей имѣется въ рукописномъ фоліантѣ царевича Григорія Іоаннови-

ча. Онъ записалъ произведенія царевича Ильи, свои собственныя, царей Теймураза II, Вахтанга, стихи Іоанна Ялгузидзе, Петра Ларадзе, Іоны Мровели, Туманашвили, Мачабели, Пешаншвили, Габашвили и др.

Изъ писателей, оставившихъ стихотворныя произведенія, отмѣтимъ еще слѣдующихъ: Димитрія Орбеліани († 1727, погребенъ въ тифлисскомъ Сіонскомъ соборѣ), прославившагося стилистической отдѣлкой фразъ, какъ о немъ выражается католикосъ Антоній въ «Мѣдномъ словѣ», Соломона Алексѣева, Дмитрія Туманова, переселившагося съ царевичами въ Россію. Извѣстна его пѣсня (баяти): «О милая, въ раю расцвѣтшая душа, ты мнѣ судьбой назначена, отъ тебя жду жизни сладость».

Изъ фамиліи Баратовыхъ извѣстны Барамъ и Заалъ, изъ Багратіоновыхъ—Давидъ. Въ качествѣ переводчика стихотворныхъ произведеній извѣстенъ Сориданъ Чолокашвили.

Къ тому же времени относится поэма Кайхосро Андроникашвили, извѣстная подъ именемъ «Сѣть влюбленныхъ» («Миджнуртъ бадэ»). Затѣмъ появляется «Сулханъ-Саба» Орбеліани, по свидѣтельству г. Хаханова («Очерки по истор. груз. словесн.», вып. III),—одного изъ замѣчательныхъ грузинскихъ писателей, значеніе котораго до настоящаго времени, какъ баснописца и лексикографа, остается въ полной силѣ.

Съ конца XVIII в. грузины уже болѣе основательно начали знакомиться съ русскою и западно-европейскою литературою, вслѣдствіе чего и грузинская литература мало-по-малу получаетъ характеръ и направленіе близкіе къ европейской и постепенно освобождается изъ-подъ вліянія восточной, собственно персидской, литературы.

Въ только что минувшемъ столѣтіи можно назвать нѣсколькихъ грузинскихъ поэтовъ (кн. Орбеліани, Баратовъ, Чавчавадзе и др.), которые, усвоивъ европейское образованіе, хорошо знакомые съ роднымъ языкомъ и роднымъ краемъ, съ успѣхомъ подвизаются во всѣхъ родахъ изящной литературы. Нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались доступными русской и западно-европейской публикѣ въ переводахъ русскихъ и иностранныхъ поэтовъ.

Объ армянской беллетристической литературѣ, и въ томъ числѣ о стихотворныхъ произведеніяхъ армянскихъ поэтовъ, приходится сказать гораздо менѣе, чѣмъ о грузинской литературѣ. Оригинальнаго матеріала въ этомъ родѣ сравнительно не много. Гораздо болѣе сочиненій историческихъ и вообще научныхъ.

Армянская литература возникла вмѣстѣ съ введеніемъ христіанства въ Арменіи, т. е. въ IV вѣкѣ, когда жилъ первый апостолъ и первый

писатель армянскій—Григорій. Съ древнихъ языческихъ временъ сохранилось нѣсколько простонародныхъ пѣсенъ, которыя въ V в. записалъ историкъ Моисей Хоренскій.

Самымъ знаменитымъ писателемъ XII в. былъ Нерсесъ Клайетси, патріархъ, названный Шнорхали (Благодатный), авторъ прекрасныхъ стиховъ, богословскихъ сочиненій и хорошихъ церковныхъ гимновъ. Его стихотворенія изданы въ Венеціи въ 1830 г. Изъ нихъ самое красивое носитъ заглавіе «Іисусъ орди».

Вторымъ крупнымъ писателемъ XII в. былъ Нерсесъ Ланбронатси—поэтъ, ученый и проповѣдникъ. Всѣ сочиненія его появились въ печати въ Венеціи въ 1847 году.

Далѣе слѣдуетъ упомянуть о Мехитарѣ Гошъ, составившемъ первый сборникъ армянскихъ басенъ.

Въ XIII в. самымъ славнымъ писателемъ былъ Варданъ Великій, написавшій «Всеобщую исторію отъ начала міра до 1267 года», затѣмъ слѣдовали большею частью тоже историки: Малакія, Мехитаръ Эриванскій, Вахрамъ Рабуни, оставившій послѣ себя написанную стихами исторію Рубенидовъ до 1280 г., и др.

Лучшія времена для армянской литературы наступили въ XVIII вѣкѣ. Мехитаръ Себастатси (1676—1749) основалъ Царьградѣ конгрегацію мехитаристовъ, имѣющую цѣлью распространеніе наукъ и просвѣщенія между армянами; онъ также построилъ монастырь и помѣстилъ въ немъ типографію, существующую и до сихъ поръ. Самъ Мехитаръ былъ авторомъ обширнаго словаря армянскаго языка, грамматики и, кромѣ того, издалъ много сочиненій своихъ учениковъ. Изъ устроенной въ Венеціи мехитаристами же коллегіи вышло много ученыхъ, между которыми извѣстенъ Михаилъ Чемчеанъ, написавшій исторію своего народа съ древнѣйшихъ временъ.

Лука Инджиджеанъ написалъ слѣдующія сочиненія, весьма цѣнимыя спеціалистами: «Описаніе Ѳракійскаго Босфора», «Описаніе древней Арменіи», «Всеобщую исторію», «Армянскія древности». Этотъ же ученый вмѣстѣ съ Аконтсомъ Коверомъ написалъ всеобщую географію. Еще нѣсколько армянскихъ ученыхъ сдѣлались извѣстными составленіемъ словарей и грамматикъ.

Въ новѣйшее время весьма виднымъ армянскимъ ученымъ и поэтомъ является настоятель Левъ Алишанъ, издавшій, кромѣ многихъ историческихъ произведеній, 5 томовъ стихотвореній, большею частью лирическихъ, и переводовъ.

Часть венеціанскихъ мехитаристовъ въ 1773 г. переселилась въ Тріестъ, гдѣ основала собственную коллегію, которая потомъ, въ 1811 году, была переведена въ Вѣну; здѣсь былъ основанъ монастырь и типографія, изъ которыхъ вышло въ свѣтъ много армянскихъ книгъ, напри-

мѣръ нѣсколько текстовъ древней литературы, а также новыхъ, напримѣръ, «Всеобщая исторія», Катарджеана. Вообще, съ 1715 года мехитаристы издали около 900 сочиненій въ 1,200 томахъ и, кромѣ того, напечатали въ Вѣнѣ много нѣмецкихъ, латинскихъ и славянскихъ книгъ. Мехитаристы въ Константинополѣ тоже не оставались безъ дѣла: они, напримѣръ, издали сочиненія С. Дервишеана, между которыми недавно появился «Хндеуропаканъ нахалезу», т. е. индоевропейскій языкъ.

Изъ школы венеціанскихъ мехитаристовъ вышелъ также Гавріилъ Айвазовскій, армянскій архіепископъ, ученый филологъ († 1880 г.).

Въ вѣнской школѣ воспитывался поэтъ Бешикташлеанъ, умершій потомъ въ Константинополѣ.

Литературная дѣятельность армянъ, главнымъ образомъ, сосредоточивается въ Тифлисѣ и столицахъ. Тутъ встрѣчаются имена, занявшія почетныя мѣста въ армянской литературѣ, какъ, напримѣръ: поэтъ Харуѳіунъ, Абовьянъ, проф. К. П. Паткановъ, Раффи, проф Эминъ, Халатьянцъ, Арцруни и много другихъ.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не имѣется на русскомъ языкѣ болѣе или менѣе обстоятельнаго обзора армянской литературы, каковый имѣется у грузинъ, благодаря большимъ научнымъ знаніямъ и энергіи извѣстнаго составителя «Очерковъ по исторіи грузинской литературы», А. С. Хаханова.

Мусульманская литература весьма обширна. Такъ, напримѣръ, отъ древнѣйшей литературы Персіи, представляющей изъ себя, такъ сказать, неразрывное звено съ нашей закавказской, у насъ даже нѣтъ остатковъ, кромѣ клинообразныхъ надписей и священныхъ книгъ Авесты. Описать мусульманскую литературу потребовалось бы много времени и мѣста. Достаточно упомянуть имена писателей XIII в., какъ, напримѣръ, популярнаго до сихъ поръ въ мусульманскомъ мірѣ Саадія Ширакскаго, Джалаледдина Руми (1207—1273), Хафиса и Гафиса, Джами, Нехшеби и очень много другихъ. Затѣмъ появились поэмы: «Шахъ-намэ», Кемали Себзеварскаго, «Шахиншахъ-намэ»—подражаніе Фирдусію и проч.

Повторяемъ, что обзоръ мусульманской литературы занялъ бы слишкомъ много и времени, и мѣста, къ тому же и задача наша только лишь коснуться мѣстной поэзіи мусульманъ Закавказскаго края.

Но, къ сожалѣнію, она такъ мала, что почти совсѣмъ неизвѣстна, и о ней не имѣется печатныхъ источниковъ.

Относительно мусульманскихъ періодическихъ изданій въ Закавказьѣ, извѣстно, что такъ какъ адербейджанское нарѣчіе тюркскаго языка является общеупотребительною разговорною рѣчью среди мусульманъ, населяющихъ Закавказскій край, то даже и мѣстная періодическая

печать, дабы сдѣлаться общимъ достояніемъ грамотной части населенія, должна была издаваться на этомъ же нарѣчіи. Есть нѣсколько сборниковъ сказокъ и пѣсенъ, большею частью рукописныхъ или литографированныхъ.

Ранѣе было упомянуто объ эмансипаціи грузинской женщины-христіанки XII вѣка, столь ярко нарисованной въ величавомъ образѣ царицы Тамары. Можно упомянуть и о закавказской женщинѣ-мусульманкѣ, такъ какъ общность политическихъ и соціальныхъ интересовъ тѣсно связываютъ этихъ двухъ «сестеръ-сосѣдокъ».

Положеніе женщинъ-мусульманокъ прекрасно можно видѣть изъ слѣдующаго ихъ корана, составленнаго Куллесумъ-Нене.

Коранъ персіянокъ.

(Адобу Нисса).

Злоупотребленія мужей при совершенной покорности женъ и праздная гаремная жизнь послѣднихъ были причиною, что въ бойкихъ женскихъ головкахъ родилась мысль уравнять положеніе свое съ положеніемъ мужчинъ. Этому способствовали многіе, благопріятные для женщинъ, законы Зороастра, оставшіеся въ преданіяхъ и въ книгѣ его «Зендъ-Авеста» и, вѣроятно, доходившіе какими нибудь путями до женскихъ головокъ, которыя не бываютъ никогда «праздны», особенно въ затворахъ! У персіянокъ есть куча предразсудковъ; ими то и воспользовались «женщины», которыя хотѣли сдѣлаться законодательницами своего пола. Такимъ образомъ и составился «*Женскій коранъ*», который, ежели не извѣстенъ вполнѣ всѣмъ персіянкамъ, то ужъ конечно каждая изъ нихъ знаетъ изъ него многое, точно такъ же, какъ и наши закавказскіе мусульманки и т. д. Долго отрывки этого такъ называемаго корана переходили изъ устъ въ уста, не составляя ничего цѣлаго, даже не всѣ знали про него; носились только слухи, что женщины пустились въ законодательство, и что законы ихъ совершенно противны законамъ Магомета и всѣмъ другимъ законамъ мусульманскимъ относительно женщинъ. Нашлись охотники собрать эти отрывки изустнаго закона. Первымъ былъ, какъ говорятъ, нѣкто Миръ-Дамюръ, но преждевременная смерть оставила трудъ его не оконченнымъ. Между тѣмъ воцарился Фетъ-Али-Шахъ, пышный и сластолюбивый монархъ, имѣвшій у себя до 300 женъ и тративній много жизни своей въ гаремѣ. Любопытство проникнуть въ тайны женскихъ законовъ, существовавшихъ и въ его гаремахъ, было въ немъ такъ велико, что онъ пору-

чилъ одному изъ сыновей своихъ, Махмудъ-Мирзѣ, собрать всѣ эти законы, во что бы то ни стало, и обнародовать ихъ.

Махмудъ-Мирза исполнилъ волю шаха и издалъ эти законы подъ заглавіемъ «Адобу-Нисса»; въ предисловіи, написанномъ стихами, онъ говоритъ: «Блаженной памяти Миръ-Дамодъ, предположивъ сорвать тайное покрывало, таившее подъ собой нечестивое вѣрованіе и скрытные проступки нашихъ женъ, сталъ наблюдать за ними и собирать свѣдѣнія отъ разныхъ извѣстныхъ старухъ-ханжей испаганскихъ, слывущихъ самыми знающими и искусными послѣдовательницами своихъ «таинствъ»; благодаря умнымъ трудамъ, скоро узнали мы цѣлый міръ адскихъ коварствъ и самыхъ демонскихъ происковъ нашихъ дражайшихъ половинъ, этого «гнуснаго отродья!»...

Такое предисловіе «Женскаго алкорана» было написано со всею желчью восточнаго ревниваго и деспотическаго сердца, которое любитъ женщинъ, пока онѣ мирны, покорны и ненавидитъ ихъ, коль скоро онѣ хотятъ быть самостоятельными.....

Коранъ состоитъ изъ 16-ти главъ: глава I говоритъ о женщинахъ, прославившихся своимъ законодательствомъ. Ихъ было много, въ разныя времена, но вотъ тѣ, которыхъ имена и до сихъ поръ въ славѣ: Куллесумъ-Нене, Ҳулиджанъ-Ага, Биби-Шахъ-Зейнебе, Боджа-Іосменъ и, наконецъ, Деде-Безмера. Эти прозвища законодательницъ доказываютъ всю любовь и все уваженіе къ нимъ ихъ послѣдовательницъ: Нене значитъ «мать»; Дажанъ-Ага значитъ «душа и учитель», Деде—«мать, кормилица», а Боджа—«сестра». Имена, даваемыя имъ въ знакъ непреложности ученія ихъ, тоже замѣчательны: напримѣръ, Допа—«мудрая», Муштеидъ—«верховная жрица», Фукта—«законодательница»; все, что онѣ проповѣдывали, ревностно соблюдается женщинами-шіитками.

Глава II—о разныхъ омовеніяхъ, предписываемыхъ исламомъ, т. е. когда и какъ они должны дѣлаться. Извѣстно, насколько это считается важнымъ у послѣдователей корана. По ихъ мнѣнію, прикосновеніе мусульманина, не сдѣлавшаго законнаго омовенія, оскверняетъ и физически, и нравственно; молитва его не можетъ быть услышана; посуда, изъ которой онъ пилъ, должна быть разбита, какъ будто какая нибудь собака пила изъ нея, и проч.

Но для нашихъ пяти законодательницъ все это ничего не значитъ; онѣ отвергаютъ омовеніе во многихъ случаяхъ. Отъ него освобождается женщина, которая только что нарумянилась и выкрасила себѣ брови и рѣсницы, что отнимаетъ у персіянки, съ помощью прислужницъ ея, по крайней мѣрѣ, три часа времени. Куллесумъ-Нене прибавляетъ, что женщина, разукрашенная такимъ образомъ, не должна дѣлать омовеній цѣ-

лыхъ три дня, иначе она сочтется безаконницей. Другіе случаи, когда омовенія могутъ и даже должны быть не соблюдаемы: если мужъ, отправляясь въ путешествіе, не оставляетъ женѣ своей денегъ для уплаты за баню; если онъ обѣщалъ женѣ подарокъ, то, пока не выполнилъ обѣщанія, она освобождается отъ омовеній и проч.

Глава III говоритъ о случаяхъ, когда женщина можетъ не дѣлать намаза, т. е. не молиться.

а) Коль скоро услышите музыку, и особенно барабанный бой, отложите намазъ вашъ; хотя бы это было во время самаго колѣнопреклоненія, вы отъ этого освобождаетесь; но ежели вы станете продолжать намазъ, то сочтетесь за невѣрныхъ, за нечистыхъ!

б) Не должно выполнять намазъ въ день обрученія кого нибудь изъ вашихъ знакомыхъ; это важнѣйшая эпоха въ жизни женщины, это приговоръ судьбы надъ ея будущностью; предоставьте же намазъ мулламъ, спѣшите сами на праздникъ, бѣгите туда смѣяться, говорить и быть счастливыми, а намазъ до завтра.

в) Въ день, когда мужъ возвращается изъ путешествія, намазъ считается грѣхомъ: всѣ ваши минуты должны быть посвящены мужу, это дѣло богоугодное.

г) Ежели у васъ есть гости, можете не молиться.

д) Ежели женщина одѣта въ платье, убранное галунами, то можетъ не дѣлать намаза, и проч.

Глава IV разсуждаетъ о постѣ. Правила, здѣсь изложенныя, представляютъ смѣсь вѣры, нынѣ исповѣдуемой въ Персіи, съ законами прежнихъ временъ,—такъ, напр., постъ «дѣвы-Солнца», или «дѣвы-Свѣта», состоитъ въ томъ, что должно поститься цѣлое утро 17-го числа мѣсяца Реджаба и разговѣться сахаромъ съ нѣсколькими зернышками риса, которые должны быть куплены на деньги, добытыя милостыней...

Постъ «Али» *) состоитъ въ томъ, чтобы не ѣсть до самаго вечера, и тогда должно достать воды изъ семи различныхъ колодцевъ. Напившись ея, постница совершаетъ намазъ съ двумя колѣнопреклоненіями и потомъ разговляется. Но самый трудный постъ, предписываемый Куллесумъ-Нене, есть постъ «молчанія». Здѣсь надо поститься и молчать съ восхода и до заката солнца; въ часъ розговѣнья должно итти и просить милостыню, и никакой мужъ не можетъ запретить этого женѣ своей. Тутъ женщина беретъ съ собою деревянную ложку и, ходя по улицамъ, стучитъ по семи разъ въ двери встрѣчающихся ей домовъ,

*) Али и Омаръ—два ученія двухъ враждебныхъ между собою мусульманскихъ сектъ: *алієвой* и *омаровой* (Персія и Турція).

чтобы выпросить милостыню; на собранныя деньги она покупаетъ риса, молока и фиников, необходимыхъ для пирога, которымъ ей должно разговѣться.

Глава V говоритъ объ обрученіи. Тутъ есть, между прочимъ, любопытный совѣтъ, даваемый законодательницею женщинамъ незамужнимъ. «Хотите найти себѣ мужа?—говоритъ она.—Ничего нѣтъ легче: достаньте зеленую шелковинку, вдѣньте ее въ иглу и, вмѣшавшись въ толпу, окружающую невѣсту, ищите случая продѣть незамѣтно иглу въ покрывало невѣсты; потомъ тотчасъ выньте ее и носите съ этихъ поръ на вашей груди; какъ бы вы ни были стары и дурны, крикливы и сварливы, не бойтесь ничего: иголка съ шелковинкою не пробудетъ у васъ и болѣе мѣсяца, какъ какой нибудь богатый и красивый мужчина непремѣнно пришлетъ сватать васъ».

Глава VI. О первомъ днѣ свадьбы. Вотъ чему наставляетъ эта глава: «Когда ты введена въ первый разъ въ спальню твоего мужа и оставлена съ нимъ наединѣ, во-первыхъ: не соглашайся никакъ снять даромъ покрывало съ своего лица. Тутъ необходимъ хорошій подарокъ. Потомъ слѣдуетъ другой подарокъ—за трудъ пошевелить губами, и онъ долженъ быть еще больше перваго. Сиди какъ бы приклеенная къ ковру, неподвижна и нѣма. Не слушай мужа, словомъ, обращайся съ нимъ какъ можно суровѣе; обыкновенно мужчина коваренъ и болѣе или менѣе скупъ; если, напримѣръ, онъ такъ богатъ, что можетъ подарить тебѣ деревню, то ужъ навѣрно начнетъ съ какого нибудь самаго пустого подарка» и т. д., и т. д. Послѣ правилъ, какъ должно вести себя, слѣдуетъ исчисленіе разныхъ предразсудковъ и проч. Мудрая законодательница говоритъ: «Если желаете имѣть новорожденнымъ своимъ сына, то нужно, чтобы въ ту минуту, какъ молодая переступитъ черезъ порогъ въ домъ мужа своего, онъ приказалъ бы поднести ей розовой воды и леденцоваго сахара на золотомъ подносѣ....

Молодой пользуется большими премуществами въ первый день своей женитьбы: всѣ присутствующія женщины должны почитать его за брата; онѣ не могутъ отказываться отъ его поцѣлуевъ, грѣхъ закрываться передъ нимъ и проч.

Глава VII. Въ ней говорится о разрѣшеніи женщины отъ бремени. Тутъ изложено все, что только можетъ придумать самая нѣжная заботливость для поданія помощи больной, и между прочимъ предписывается имѣть во все время болѣзни, днемъ и ночью, кого нибудь въ домѣ бодрствующимъ, чтобы предохранить мать и дитя отъ кровожадности *аюла*,—такъ называется демонъ, который, по преданію, питается печенью новорожденнаго. Хотя аюла одарены способностью дѣлаться невидимками, однако же ихъ не разъ заставали невзначай. Онѣ имѣ-

ютъ видъ дряхлой старухи, страшно худы. Ноги у нихъ крючками, навыворотъ, лицо багровое, а волосы непремѣнно рыжіе. Нравственность у нихъ еще ужаснѣе, потому что, по словамъ старухъ нянекъ, аюла употребляетъ самыя страшныя средства, чтобъ усыпить всѣхъ окружающихъ больную родильницу; и если ей это не удается въ первыя шесть сутокъ послѣ родовъ, то больная бываетъ уже внѣ опасности. Если же, не взирая на всѣ предосторожности, аюла все-таки завладѣетъ своею жертвою, то женщина станетъ чахнуть. Куллесумъ-нене совѣтуетъ въ такомъ случаѣ купить черную овцу и угостить ею нищихъ, обведя ее сперва три раза вокругъ постели больной. Если и это не поможетъ, то Нене совѣтуетъ привести гнѣдую лошадь и дать ей ячменя въ полѣ одежды больной, и проч.

Глава VIII. О баняхъ. Здѣсь Куллесумъ-Нене доказываетъ, что ходить въ баню такъ же необходимо и священно для мусульманки, какъ ходить въ мечеть. Надобно замѣтить, что на Востокѣ бани есть нѣчто религіозное; онѣ предшествуютъ свадьбамъ и участвуютъ во всѣхъ празднествахъ мусульманскихъ.

Тутъ изложены съ величайшею подробностью всѣ правила омовенія и даже поименованы всѣ косметическія средства, необходимыя при этомъ; потомъ названы всѣ кушанья, которыя должно употреблять по выходѣ изъ бани въ переднюю комнату, гдѣ одѣваются и нѣжатся. Музыка тутъ главнѣе и необходимѣе всего. По мнѣнію законодательницъ, слушать музыку (зурну, дудуки) цѣлые часы есть дѣло богоугодное, которое записывается золотыми буквами на небесныхъ таблицахъ ангеломъ, т. е. первымъ секретаремъ Аллаха. И горе той женщинѣ, которая отпускаетъ отъ себя музыканта, недовольнаго платою за его трудъ...

Глава IX посвящена цѣликомъ музыкѣ. Литавры (тимплипито) предпочитаются всѣмъ инструментамъ; вотъ что говоритъ законодательница Куллесумъ-Нене: «Нѣтъ Божьяго благословенія надъ домомъ, гдѣ нѣтъ тимплипито; сопровождайте бой ихъ хлопаньемъ въ ладоши, и пусть онѣ гремятъ съ утра до вечера 13-го дня мѣсяца Сяфара и въ другіе подобные дни, чтобъ уничтожить тѣмъ дурное вліяніе этихъ дней на васъ». За этимъ инструментомъ слѣдуетъ другой—двойной тамбуринъ. Музыкантъ, играющій на немъ, имѣетъ право входа во всякое время и во всякій гаремъ: женщины передъ нимъ не закрываются.

Глава X даетъ наставленіе, какимъ образомъ женщина должна обходиться съ мужемъ. Эта глава болѣе всего вооружила персіянъ противъ законодательницъ! Здѣсь проповѣдуется совершенная независимость женъ отъ своихъ мужей. Во-первыхъ, всѣ родные со стороны мужа почитаются личными врагами жены: «вражда неутомимая, смертельная,—

говоритъ «Женскій коранъ»,—между женою и матерью мужа; ни минуты мирной! Пусть онѣ грызутъ и царапаютъ другъ друга; пусть все, что сдѣлаетъ или скажетъ свекровь, будетъ перевначено невѣсткою». Если у мужа одна только жена, и онъ ее ласкаетъ и тѣшитъ подарками и деньгами, то законодательницы предписываютъ женѣ вѣрность и любовь. Мужъ не можетъ запретить женѣ посѣщать четыре мѣста, въ противномъ случаѣ она имѣетъ право ослушаться его, а именно: балы, представленія во время могаррема, ея родныхъ и гулянья. «Жена,—говоритъ Куллесумъ-Нене,—есть зеркало мужа; ежели онъ хочетъ, чтобы въ ней отражалось его счастье, то долженъ обходиться съ нею такъ, чтобъ она была всегда довольна, и чтобы душа ея, также какъ и лицо, были всегда свѣжи и цвѣли при дыханіи счастья. Мужъ, разоряющійся для жены своей, угождаетъ Богу и будетъ наслаждаться вѣчнымъ счастьемъ на томъ свѣтѣ, въ раю! Достойнымъ и умнымъ мужемъ называется тотъ, который женится только на одной женѣ» и проч.

Законодательница говоритъ далѣе: «Женщина есть букетъ цвѣтовъ; ежели хотите наслаждаться красотою и благоуханіемъ его, то не давайте ему вянуть; дозвольте ей перебѣгать отъ одного удовольствія къ другому». Потомъ предписаны разныя средства принудить мужа развестись съ женою, если она недовольна имъ: «обходись грубо съ дѣтьми, бей чаще служанокъ, ломай мебель, и ежели при всемъ томъ не достигнешь цѣли своей, то прокляни и заколдуй тирана».

Глава XI говоритъ о разныхъ кушаньяхъ и шербетахъ, имѣющихъ вліяніе на судьбу женщины.

Глава XII—о предохраненіи себя и дѣтей отъ дурного глаза.

Тутъ насчитано сорокъ одно средство, наприм., разныя таинственныя буквы, разныя раковины, когти дикихъ звѣрей и пр.,—все это обыкновенно зашито въ лоскутки разныхъ тканей и носится на себѣ женщинами и дѣтьми. Вѣрнѣйшее же средство—140 зеренъ растенія руто, сожженныхъ въ мангалѣ (т. е. на жаровнѣ); та женщина, которая успѣетъ окуриться дымомъ его вся кругомъ, будетъ совершенно безопасна отъ дурного глаза. Для этого женщины становятся кружкомъ около мангала, и такъ какъ при этомъ предписывается полное веселіе, то онѣ призываютъ музыку, и въ то время, какъ она играетъ, женщины или дѣвушки танцуютъ вокругъ мангала, рѣзвятся, смѣются и цѣлуются, при чемъ каждая старается захватить платьемъ своимъ какъ можно больше дыма отъ сожигаемаго растенія,—онъ долженъ окурить всѣ члены и всѣ складки платья.

Глава XIII. Тутъ отдается преимущество нѣкоторымъ мужчинамъ, передъ которыми женщины не должны закрываться: «Любезныя мои

ученицы!—говоритъ Куллесумъ Нене,—смотрите,какъ на запрещенныхъ для васъ, на всѣхъ мужчинъ, украшенныхъ чалмами, на всѣхъ муллъ, на всѣхъ учителей, словомъ, на все, что отзывается мечетью и школою; бѣгайте отъ нихъ, какъ отъ чумы! Но ежели у отца есть молодой, прекрасный сынъ, то вы можете оказать особое вниманіе отцу, поднявъ предъ нимъ конецъ вашего покрывала и показавъ ему хоть одинъ вашъ глазъ. Не закрывайтесь передъ красивымъ юношей, пока онъ еще безъ бороды; не закрывайтесь передъ молодымъ мужемъ, передъ жидомъ, а въ особенности передъ музыкантомъ. Ежели хотите, можете также не закрываться передъ цирульниками, передъ сторожами бань, передъ фиглярами, передъ лавочниками и наконецъ передъ золотыхъ дѣлъ мастерами; это въ вашей волѣ...»

Глава XIV касается опять исламизма, т. е. намазовъ (какъ и III глава). Тутъ же говорится объ исполненіи женскихъ молитвъ, о средствахъ добывать себѣ мужей и проч.

Глава XV научаетъ, какъ принимать посѣщенія и какъ посѣщать другихъ. Безгранично ласковое гостепріимство всѣмъ, и особенно бѣднымъ, есть главная мысль этой главы. Здѣсь видна вся доброта и вся нѣжность женскаго сердца. «Если хочешь быть счастливою здѣсь, на землѣ, а современемъ желаешь быть въ числѣ избранныхъ рая, то не отказывай никогда женщинѣ, которая придетъ искать у тебя убѣжища; проси ее привести съ собою всѣхъ дѣтей своихъ, угощай ихъ три дня сряду, увеселяй всѣмъ, чѣмъ можешь веселить, и только на четвертый день отпусти ихъ съ миромъ; а на завтра пошли какой нибудь подарокъ; ежели же не можешь сдѣлать этого, то пошли плоды.»

Если какой нибудь молодой, красивый собою мужчина посѣтитъ мужа, то жена послѣдняго должна изъ-за двери сказать гостю нѣсколько ласковыхъ словъ и даже взглянуть на него привѣтливо, если въ комнатѣ немного свидѣтелей.

Глава XVI посвящается истолкованію обычая избранія себѣ брата или сестры—друга на всю жизнь.

«Законъ предписываетъ дружбу,—и горе женщинѣ, неумѣвшей найти себѣ сестру въ этомъ мірѣ! Къ чему жила она? Одинокая, покинутая всѣми, она изнывала въ здѣшнемъ мірѣ; а по смерти, дыханіе райскихъ вѣтерковъ не прилетитъ освѣжить благоуханіемъ своимъ ея вѣчное жилище!»

«Знайте, что женщина, избравшая себѣ друга, сестру на цѣлую жизнь, благородно воспользовалась своимъ существованіемъ! Счастливая чета неразлучна навсегда; упоенныя радостью, другъ возлѣ друга, двѣ такія сестры будутъ наслаждаться подъ тѣнью райскихъ лѣсовъ; все

имъ простится, хотя бы книга грѣховъ ихъ была зачернена величайшимъ преступленіемъ».

Послѣ такого воззванія, излагается обрядъ избранія сестры:

«Въ 18-й день мѣсяца Зиль-кааде двѣ женщины, желающія поклясться другъ другу въ вѣчной дружбѣ, надѣваютъ лучшія свои платья и идутъ вмѣстѣ въ мечеть, въ самый отдаленный уголъ ея. Тамъ, съ открытыми лицомъ и грудью и съ радостными взорами, онѣ обнимаются, пьютъ шербетъ и произносятъ слѣдующія клятвы: одна говоритъ: «Во имя Бога я признаю тебя сестрою; во имя Бога признаю тебя своимъ другомъ; скрѣпляю эту клятву, касаясь рукъ твоихъ во имя Бога, и обѣщаюсь передъ Богомъ и ангелами, передъ посланникомъ его, великимъ пророкомъ, и передъ другими пророками и безгрѣшными имамами (да благословитъ ихъ небо),—обѣщаюсь, говорю, что ежели буду когда нибудь въ числѣ избранныхъ рая и получу дозволеніе Всевышняго наслаждатьея тамъ вѣчнымъ счастьемъ, то соглашусь на это лишь тогда, когда дозволятъ мнѣ наслаждаться ими вмѣстѣ съ тобой!» Другая отвѣчаетъ: «Принимаю отъ тебя и сама даю тебѣ всѣ права сестры на все, что касается меня въ здѣшнемъ мірѣ, и въ жизни будущей и въ посѣщеніи святыхъ мѣстъ здѣсь на землѣ; а тамъ, на небѣ, ты одна будешь моею!»

Послѣ этого имъ остается создать для себя особый языкъ, который бы не понимали окружающіе ихъ,—языкъ платковъ и пряностей. Это большею частью дѣлается съ помощью какой нибудь опытной старухи; достаютъ нѣсколько шелковыхъ платковъ, и, смотря по мѣсту, гдѣ и какъ платки навязаны на каждой изъ двухъ сестеръ, смыслъ разговора измѣняется. Языкъ пряностей похожъ на языкъ цвѣтовъ у турокъ. Если, наприм., пришлютъ зерно кардамона, съ котораго часть скорлупы снята, то это значитъ: «Приходи скорѣе, другъ, грусть раздираетъ меня». Если же зерно цѣло, это означаетъ «не печалься». Если оно раздроблено на куски, то значитъ «твой другъ идетъ». Гвоздика говоритъ: «я горю». Корица, если вся трубочка цѣла: «приди раздѣлить печаль мою»; если она измята или изломана, то значитъ: «отсутствіе того, кого люблю, умерщвляетъ меня». Леденецъ—«слаще тебя для меня нѣтъ ничего въ мірѣ»... Шафранъ означаетъ: «вяну отъ любви», и проч.

Мужчина также можетъ избрать себѣ сестру или брата; клятва, произносимая при этомъ, точно та-же, какъ и у женщинъ.

Вотъ въ сокращеніи весь, или почти весь, «Женскій коранъ»; можно видѣть, что это—собраніе предразсудковъ, которыми въ Персіи

наполнены женскія головы и сердца; мужья прощаютъ это своимъ женамъ, но не признаютъ никакихъ правъ ихъ на свободу, которыя онѣ хотятъ присвоить себѣ; муллы, въ свою очередь, не прощаютъ имъ нарушенія законовъ, касающихся намаза и омовенія; и такимъ образомъ этотъ коранъ вооружилъ противъ себя всѣхъ мужчинъ, и оттого то женщины и привязались къ нему еще сильнѣе!....

Тифлисъ 50-хъ годовъ.

I.

Сказки, преданія и легенды.

Дождь.

Грузинская легенда XI в.

Во время царя Георгія I, въ XI вѣкѣ, жилъ знаменитый военачальникъ Кэурсъ, изъ славной фамиліи князей Орбеліани. Извѣстно, что эти князья ведутъ родъ свой отъ императоровъ китайскихъ и не разъ вступали въ родство съ царями нашими, почему и положеніе ихъ при грузинскомъ дворѣ было исключительное.

Надо прибавить къ этому, что преданность и усердіе князей Орбеліани вполнѣ оправдывали эти отличія. Они изъ рода въ родъ занимали должность спарапета, т. е. генералиссимуса, или начальника всѣхъ войскъ грузинскихъ, и удивляли міръ своею храбростью.

Когда Георгій воевалъ съ греками, Кэурсъ попалъ въ плѣнъ, а такъ какъ это случилось во время битвы у деревни Ширимни, гдѣ погибло множество грузинскихъ военачальниковъ, въ томъ числѣ спарапетъ Ратъ и Зоватъ, братья Кэурса, то царь долгое время думалъ, что Кэурсъ убитъ вмѣстѣ съ ними. Только когда начались переговоры о мирѣ, императоръ Василій II предложилъ царю вымѣнять Кэурса на четырнадцать крѣпостей, а именно: по одной въ Тао, въ Базіанѣ, въ Артанѣ, въ Кола, въ Джавахетѣ, въ Шавхетѣ и такъ далѣе, и, сверхъ того, просилъ въ заложники сына Георгіева, трехлѣтняго царевича-наслѣдника Баграта.

«Я такъ много обязанъ роду князей Орбеліани, что не пожалѣю за нихъ и полцарства»,—отвѣтилъ царь.

При окончаніи переговоровъ рѣшено было, что пребываніе царевича-наслѣдника, какъ заложника, въ Константинополѣ продолжится лишь столько, сколько потребуется будетъ времени для водворенія греческаго управленія въ вышепоименованныхъ крѣпостяхъ, и никакъ не долѣе трехъ лѣтъ.

Нашлись люди, которые осуждали царя за отдачу четырнадцати лучшихъ крѣпостей въ промѣнъ за одного человѣка, но народъ чуть не разорвалъ ихъ. Общая увѣренность въ воинскихъ способностяхъ князей Орбеліани была такъ неограничена, что многіе открыто говорили: «Только бы вернулся Кэурсъ, а съ нимъ мы не только вернемъ свои крѣпости, но, съ Божіею помощью, пріобрѣтемъ еще четырнадцать чужихъ»!

Ликованію, по случаю его возвращенія, не было конца. Болѣе же всѣхъ радовалась двѣнадцатилѣтняя дочь его, Тамара.

Тяжелымъ горемъ легъ на нее плѣнъ отца, въ отсутствіе котораго она лишилась матери и брата. Увидѣвъ, что Тамара выѣхала къ нему навстрѣчу одна, въ сопровожденіи старой гамдели (мамка) и нѣсколькихъ бичо (молодые мальчики-прислужники), богатырь Кэурсъ, отъ взора котораго бѣжали цѣлыя полчища, заплакалъ, какъ дитя.

Отецъ и дочь бросились въ объятія другъ друга и долго не могли разстаться.

Клики радости въ народной толпѣ умолкли, всѣ вспомнили добрую, щедрую княгиню и красиваго мальчика, всюду ее сопровождавшаго, и невольно грусть омрачила общее ликованіе. Кэурсъ опомнился первый. Онъ обратился къ встрѣтившимъ его и пригласилъ ихъ на свой дворъ раздѣлить съ нимъ трапезу.

«Тамара постарается своею привѣтливостью замѣнить вамъ мою княгиню»,—сказалъ онъ.—«Господь не безъ милости; въ моей неволѣ Онъ даровалъ мнѣ сына, взамѣнъ того, котораго взялъ. Плиній,—обратился онъ къ красивому юношѣ, стоявшему сзади его,—помоги сестрѣ и мнѣ угощать гостей».

Всѣ взоры обратились на Плинія: высокій, стройный, съ тонкими, правильными чертами, онъ носилъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ аристократическаго происхожденія. Чувствуя себя предметомъ общаго любопытства, онъ покраснѣлъ и невольно опустилъ взоры, какъ стыдливыя дѣвы наши, и скромность эта сразу расположила всѣхъ въ его пользу. Во время пиршества и Кэурсъ, и молодые люди обворожили всѣхъ своею любезностью.

Старый и всѣми уважаемый вельможа Александръ, котораго за храбрость и воинскіе успѣхи прозвали Македонскимъ, подсѣлъ къ Кэурсу и началъ такъ:

— Ты справедливо сказалъ, другъ, что Господь воздалъ тебѣ за потерю сына этимъ прекраснымъ юношей, привязанность и сыновняя почтительность котораго къ тебѣ всѣмъ намъ видимы и располагаютъ въ его пользу, но мы бы желали знать, кто онъ и почему ты усыновилъ его?

— Въ моей неволѣ,—отвѣтилъ Кэурсъ,—Господь послалъ мнѣ друга. Онъ былъ знатный сановникъ, любимецъ императора, и не нуждался въ дружбѣ плѣнника, тѣмъ не менѣе не проходило дня, чтобъ онъ не посѣщалъ меня. Мы разсказывали одинъ другому свои боевыя воспоминанія и скоро полюбили другъ друга, какъ два брата. Когда пришло ко мнѣ извѣстіе о смерти жены и сына, его дружественное сочувствіе было единственнымъ моимъ утѣшеніемъ. Онъ разсказалъ мнѣ свою жизнь, и чрезъ него узналъ я, что онъ лишился любимой подруги въ день рожденія Плинія, за жизнь котораго, первые годы, трепеталъ ежечасно. Мальчику теперь восемнадцать лѣтъ, и онъ здоровъ, но слабосиленъ и требуетъ заботливаго ухода. Передъ отъѣздомъ моимъ сюда другъ мой заболѣлъ и призвалъ меня къ себѣ: «Я умираю,—сказалъ онъ,—и благодарю Бога, что это случилось до твоего отъѣзда, ибо тебѣ безбоязненно я поручу лучшее мое сокровище. Возьми Плинія вмѣсто того сына, котораго у тебя взялъ Богъ. Врачи находятъ, что для его здо-

ровья необходимъ болѣе жаркій климатъ, чѣмъ нашъ. Возьми его съ собою и замѣни ему меня!» Я поклялся любить и беречь его какъ сына и надѣюсь, что Господь поможетъ мнѣ исполнить мою клятву!—заключилъ Кэурсъ.

— Ты удовлетворилъ моему любопытству на одинъ вопросъ,—сказалъ Александръ,—теперь я предложу тебѣ другой, но для этого намъ необходимо удалиться. Сердце мое также тоскуетъ по сынѣ, который по волѣ государя попалъ въ число молодыхъ людей, сопровождающихъ царевича-наслѣдника въ Грецію. Хотя разлука наша не продолжится болѣе трехъ лѣтъ, но мнѣ это время кажется вѣчностью.

Съ этими словами старики удалились, а когда вернулись, то въ рукахъ ихъ были турьи рога, наполненные виномъ. Съ веселымъ видомъ обратились они къ пирующимъ.

— Друзья,—сказалъ Александръ,—поздравьте меня и помогите мнѣ благодарить Кэурса, который отдаетъ мнѣ то, что имѣетъ лучшаго: я помолвилъ сына моего съ его дочерью!

Посыпались поздравленія и пожеланія, и ликованіе продолжалось до глубокой ночи.

Кэурсъ и Александръ видѣлись часто; послѣдній всегда спѣшилъ сообщить всякое извѣстіе о сынѣ. Между прочимъ стало извѣстно, что молодыхъ людей, сопровождающихъ Баграта, учатъ всѣмъ европейскимъ языкамъ и наукамъ.

Кэурсъ задумался:

— Я далъ своей дочери воспитаніе вполнѣ грузинское: она не знаетъ ни европейскихъ языковъ, ни тѣхъ искусствъ, которыми тамошнія женщины привлекаютъ молодыхъ людей; не показалась бы она странна твоему сыну?

— Позвольте мнѣ сказать слово!—неожиданно раздался свѣтлый, нѣжный голосъ Плинія.

Старики оглянулись на него; онъ стоялъ передъ ними, красный отъ волненія.

— Говори!—сказали они въ одинъ голосъ.

— Покойный отецъ мой не жалѣлъ ничего для моего ученья: меня учили всему, чему у насъ учатъ. Наука давалась мнѣ легко, и если вы позволите, я съ радостью передамъ свои познанія сестрѣ, которая и сама имѣетъ страстную охоту учиться.

Разрѣшеніе было дано, и съ тѣхъ поръ молодые люди были неразлучны. Подъ руководствомъ Плинія Тамара скоро усвоила себѣ греческій языкъ въ совершенствѣ. Они вмѣстѣ изучали поэтовъ, затверживая лучшія мѣста наизустъ. Чудный голосъ Тамары, казалось, еще улучшился, когда она научилась отъ Плинія подчинять его правиламъ музыки. Достали они лиру и по цѣлымъ часамъ распѣвали звучные стихи. Для молодыхъ людей дни, недѣли, мѣсяцы летѣли съ необычайною быстротой; они были счастливы вполнѣ и долго не понимали, какъ они дороги стали другъ другу. Наконецъ это сознаніе пришло. Увѣренные въ любви къ нимъ Кэурса, они безбоязненно сообщили ему о своемъ открытіи.

Но Кэурсъ, разъ давъ слово Александру, не считалъ себя въ правѣ измѣнять его. Уроки были прекращены, Плинію воспрещено видѣться съ Тамарой иначе, какъ въ присутствіи отца. Счастье молодыхъ лю-

дей внезапно превратилось въ жгучее горе, которое въ тайнѣ раздѣлялъ и Кэурсъ, искренно ихъ любившій.

Черезъ нѣсколько дней такого мученія Плиній не выдержалъ и нашелъ случай тайно увидѣть Тамару. Слезно умолялъ онъ ее бѣжать съ нимъ въ Грецію и тамъ жениться, но никакія мольбы и слезы не могли убѣдить ее выйти изъ повиновенія отцу.

— Твоя жена настолько должна быть лучше другихъ, насколько и ты самъ прекраснѣе всѣхъ людей въ мірѣ,—говорила Тамара.—Какъ же можно тебѣ жениться на бѣглянкѣ. Нѣтъ, Плиній, подождемъ! Богу все возможно! Онъ все видитъ, все знаетъ, все цѣнитъ въ настоящую мѣру! Онъ знаетъ, легко ли намъ не видѣться, и я увѣрена, что если мы ничего не сдѣлаемъ такого, чтобъ Его прогнѣвить, Онъ Самъ найдетъ способъ прекратить нашу разлуку, только ты не забывай меня и... не ищи случая видѣть меня.... тайно.

И утро и вечеръ, и день и ночь молила Тамара Бога прекратить ихъ разлуку, и Господь услышалъ ея молитву.

Разъ, въ сопровожденіи старой гамдели и бичо, отправилась она на богомолье въ какой то отдаленный монастырь, гдѣ жилъ старецъ строгой жизни, великій постникъ, молитвенникъ и подвижникъ.

Ему открыла Тамара свое горе, и старецъ повелъ ее въ свой садикъ. Тамъ, въ присутствіи всѣхъ, сталъ онъ надъ нею молиться. И вдругъ нашла страшная туча, засверкала молнія, послышались раскаты грома, одинъ другого продолжительнѣе и сильнѣе. Присутствующіе въ страхѣ пали на землю. Наконецъ гроза стихла.

— Вставайте!—послышался голосъ старца.—Господь услышалъ насъ грѣшныхъ и утѣшилъ Тамару!

— Гдѣ же она?—спросили окружающіе.

— Вотъ!—отвѣтилъ старецъ и указалъ на прелестную, благоухающую лилію, внезапно явившуюся среди его сада.—Господь преобразилъ ее въ цвѣтокъ!—пояснилъ онъ.

Окружающіе не вѣрили.

Гамдели подняла вой, что Тамару спряталъ коварный старецъ. Забывъ страхъ Божій и боясь гнѣва Кэурса, она осыпала его проклятіями и ругательствами. Бичо, изъ которыхъ многіе были мусульмане, обшарили весь монастырь, всѣ окружающіе лѣса и кустарники и, не найдя нигдѣ Тамары, убили святого старца и подожгли монастырь.

Сгорѣло вѣковое зданіе, сгорѣла каменная ограда, сгорѣли столѣтнія деревья, сгорѣла огромная библіотека, сгорѣло все скудное добро иноковъ. Не сгорѣли одна церковь и бѣлая лилія, въ которую обратилась Тамара. Услыхавъ объ этомъ, и Кэурсъ и Плиній поспѣшили на пепелище монастырское. Въ церкви не было никого, остальное же все представляло открытое поле угля и пепла.

Искать Тамару было негдѣ. Только среди всего этого пепла росла бѣлая лилія, свѣжая, прекрасная, благоухающая. Плиній первый къ ней приблизился и заплакалъ. За нимъ послѣдовалъ Кэурсъ и обмеръ отъ удивленія. Онъ замѣтилъ, что когда слезы Плинія попадали на окружающіе лилію угли и камни, нѣжные лепестки ея желтѣли отъ ревности, когда же онѣ капали на лилію, то она краснѣла отъ счастья.

— Тамара, ты-ли это?—спросилъ отецъ.

Пронесся тихій вѣтерокъ и Плиній и Кэурсъ ясно слышали, какъ подъ дуновеніемъ его листья лиліи издали звукъ:

— Я!

Безутѣшный Кэурсъ не могъ перенести потери дочери,—тутъ же умеръ отъ горя, а бѣдный Плиній такъ долго и много плакалъ, такъ пламенно молилъ Бога, чтобъ Онъ соединилъ его съ Тамарой, что Господь, наконецъ, обратилъ его въ дождь.

Я слышалъ, что въ прежнее время, какъ только случится засуха, жители окрестныхъ деревень спѣшили къ оставленной церкви, кругомъ которой всегда во множествѣ росли лиліи, и набирали ихъ цѣлыя корзины. Благоухающую добычу раскладывали они по полямъ и садамъ, и молодыя дѣвицы наши пѣли пѣснь Тамары,—прелестное, звучное стихотвореніе, столь же благоухающее и чистое, какъ и милый цвѣтокъ, имъ воспѣваемый. Это, собственно, молитва Тамары со всей ея дѣтской вѣрой въ могущество Божіе. Она кончается призываніемъ Плинія, который, говорятъ, всегда является въ видѣ благотворнаго теплаго дождя.

Царица Тамара.

Грузинская легенда.

Солнце чуть начинало показываться, окрашивая высокія горы блѣдно-розовыми пятнами, точно огромные цвѣтники рѣдкихъ розъ раскинулись на горныхъ вершинахъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Ліахва впадаетъ въ Куру, виднѣлась высокая остроконечная скала. Воды двухъ рѣкъ, соединяясь, казалось, боролись между собою. Кура спѣшила поглотить соперницу, а Ліахва отчаянно защищалась. Волны пѣнились, сталкивались, плескались и, шумно ударяясь объ утесъ, разлетались вдребезги и, высоко взлетая на воздухъ, крупными каплями осыпали утесъ; а солнце играло съ этими каплями, преображая ихъ и въ алмазы, и въ опалы, и въ жемчугъ, и въ сапфиры, и въ изумруды, и въ топазы. Утесъ казался горой изъ чистаго золота со вдѣланными въ нее драгоцѣнными камнями. Но вскорѣ и настоящее золото, и настоящіе камни стали заигрывать съ солнечными лучами. Явился караванъ, и одинъ верблюдъ за другимъ послушно преклонялъ колѣни, пока нарядные слуги снимали съ него то парчевые шатры, то драгоцѣнные ковры, то рѣдкія шали, то золотую посуду, то шелковыя скатерти съ бахромой изъ мелкихъ драгоцѣнныхъ камешковъ. Безлюдное мѣсто оживилось и приняло видъ сказочнаго городка, неизреченно прекраснаго и баснословно богатаго.

Послышался конскій топотъ, и чрезъ мгновеніе въ городокъ въѣхали всадники, въ разнообразныхъ нарядахъ и съ роскошнымъ оружіемъ. Не только сами всадники, но даже кони ихъ горѣли дорогимъ убранствомъ; тутъ были и карталинцы, и кахи, и имеры, и мингрельцы, и гурійцы, и сваны. Всѣ они почтительно окружали дѣвицу красоты необычайной, которая ѣхала на чистокровномъ арабскомъ конѣ, залитомъ драгоцѣнными камнями; роскошный нарядъ и царскій вѣнецъ изобличали царицу. Двое старыхъ вельможъ ѣхали рядомъ съ ней и держали по зо-

лóтому поводу отъ роскошной узды ея коня. Лучшій шатеръ былъ поставленъ на возвышеніи, и къ нему направилась царица.

Тогда третій вельможа сталъ на одно колѣно возлѣ лошади царицы, два сопровождавшихъ ее старика сошли и подали ей руки. Опираясь на нихъ, царица ступила сначала на плечи колѣнопреклоненнаго, потомъ на колѣно и, наконецъ, на парчевой коверъ.

Откинули пологъ шатра, и царица приказала начинать охоту.

Наперерывъ одинъ предъ другимъ цари, владѣтельные князья, ханы, мтавары, князья, вельможи, старались выказать свою удаль, ловкость, храбрость; каждый горѣлъ усердіемъ къ юной и прекрасной царицѣ, каждый готовъ былъ пожертвовать жизнью, чтобы вызвать улыбку на коралловыхъ устахъ, чтобы привлечь на себя хоть на мгновеніе взглядъ этихъ чудныхъ черныхъ очей. Она сидѣла среди всей этой роскоши, не замѣчая, что сама она была самою драгоцѣнною изъ драгоцѣнностей. Ея дивная красота, величавыя движенія, обворожительный голосъ поражали каждаго невиданнымъ совершенствомъ, а тѣ, которые знали, что подъ этою изящною оболочкой скрываются рѣдкій умъ, доброе сердце и кроткій нравъ, конечно, искренно преклонялись предъ своею повелительницей.

Это была Тамара,—та Тамара, которую наши историки называютъ царь-Тамара, въ отличіе отъ другой Тамары, напоминавшей ее только именемъ и красотой. Это были первые дни ея царствованія, когда юный дѣвическій умъ еще учился премудрой наукѣ царской, такъ совершенно впослѣдствіи ею постигнутой.

Одинъ за другимъ выѣзжали витязи и клали къ ногамъ красавицы кто козу, кто лань, кто кабана, кто оленя, и всѣхъ награждала Тамара кого словомъ, кого взглядомъ, кого улыбкой или движеніемъ царской руки.

Натѣшившись звѣриною охотой, витязи вспомнили о соколахъ и кречетахъ; потребовала и царица своего любимаго ученаго ястреба. Но онъ, вмѣсто того, чтобы гнаться за фазаномъ, улетѣлъ на утесъ среди волнъ и не хотѣлъ возвратиться.

Опечалилась юная царица; трубитъ она въ золотую трубу, и слетаются къ ней ея витязи. Завылъ вѣтеръ буйный, полилъ дождь непроглядный. Вздымаются пуще прежняго волны въ рѣкѣ, разрывается жалостью сердце царицы: «Пропадетъ мой ястребъ легкокрылый, погибнетъ птичка любимая».

Скачутъ витязи къ быстрой рѣкѣ, хотятъ переплыть ее на борзыхъ коняхъ, да кони ихъ не слушаютъ, боятся кипучихъ волнъ, не идутъ въ рѣку бурную, а дождь все прибавляется, гроза приближается, и пуще боится царица за ястреба.

— Достаньте моего ястреба,—говоритъ царица,—и я дамъ вамъ что попросите.

Крикъ пронесся по всему стану, и радостью и отвагой звучалъ онъ. Изъ заднихъ рядовъ выскакалъ безбородый юноша и однимъ прыжкомъ очутился въ водѣ.

Обозлились волны пуще прежняго, высоко прядаютъ онѣ, обливая храбраго юношу, но добрый конь грудью разсѣкаетъ волны и несетъ его къ утесу. Вотъ подплылъ онъ вплоть и однимъ прыжкомъ вскочилъ на

первый уступъ. Пошелъ юноша и поползъ къ намокшей птицѣ. Всѣ глядятъ, глазъ не сводятъ, у всѣхъ душа замираетъ: ну, какъ сорвется онъ съ мокраго, скользкаго крутого утеса. А ястребъ сидитъ на самой вершинѣ и ничего не замѣчаетъ. Схватилъ его юноша въ мощныя руки, поднялъ высоко и только одно слово крикнулъ: «Царица!» И отъ этого единаго слова сжалось сердце царское: поняла Тамара, чего будетъ просить юноша, поблѣднѣла какъ смерть, бросилась въ шатеръ, своей рукой опустила она парчевый пологъ и бросилась на землю въ горячей молитвѣ.

— Господи, заступи меня!—взывала она со слезами.—Тебѣ все возможно! Избавь меня отъ этой бѣды, сохрани честь моего царскаго слова и заступи мою честь дѣвичью. Покажи мнѣ исходъ изъ этой пучины, въ которую я сама себя ввергла, выведи меня изъ этого омута, ими же вѣси судьбами.

Страшнымъ громовымъ ударомъ отвѣтилъ Господь на эту молитву. Царица задрожала всѣмъ тѣломъ, хотѣла встать, но раздирающій душу крикъ толпы заставилъ ее упасть на землю. Съ трудомъ вышла она изъ шатра.

— Что случилось?—со страхомъ спросила она.

Сванъ не далъ отдохнуть своему коню и пустился въ обратный путь съ ястребомъ. Съ трудомъ плылъ конь противъ теченія. Гроза усиливала волны, съ послѣднимъ ударомъ грома онѣ перешли въ бурю и потопили коня и всадника.

Царица всплеснула руками и упала замертво. Когда она открыла глаза, предъ ней стоялъ священникъ въ рубищѣ, около нея хлопотали врачъ и придворные. Отъ взгляда Тамары всѣ лица освѣтились радостью, посыпались привѣтствія и поздравленія. Только лицо нищаго старца было мрачно, и большіе глаза его гнѣвно смотрѣли на юную царицу. Этотъ взглядъ, какъ мечомъ, пронзилъ ея сердце.

— Уйдите всѣ,—приказала она,—и оставьте меня одну со священникомъ!

— Что сдѣлала ты, дочь Царя-Псалмопѣвца?—гнѣвно спросилъ онъ ее, какъ только всѣ вышли.

Тамара залилась слезами.

— Господь ввѣрилъ попеченію твоему души и счастье столькихъ народовъ, неужели ты такъ скоро исполнила всѣ свои обязанности, что у тебя нашлось время для развлеченій? Не на пиръ, а на трудъ выбираетъ Господь царей. Убивая бездушныхъ звѣрей, ты ожесточаешь свое сердце,—то сердце, въ которомъ должны искать утѣшенія милліоны несчастныхъ! Но что же у тебя остается для твоихъ подданныхъ, когда ты всю свою любовь обращаешь на кровожадную птицу? Чтобы потѣшить тебя, здѣсь собрался цвѣтъ всего царства. Думала ли ты, что у каждаго изъ тѣхъ, кого ты такъ настойчиво приглашала пожертвовать своею жизнью для спасенія ястреба, есть или мать, или жена, или сестры, или дочь, слезы которыхъ составили бы потокъ болѣе бурный, чѣмъ тотъ, въ которомъ утонулъ молодой сванъ, и какъ переплыла бы его твоя душа, по разлученіи отъ тѣла? А сванъ? Неужели не чувствуешь ты, что погубила его не только въ этой жизни, но и въ будущей. Господь далъ тебѣ красоту ангельскую не затѣмъ, чтобы ты обращала ее на служеніе

бѣсу. Ты ужаснулась тѣхъ чувствъ, которыя сама возбудила въ юношѣ, а онъ съ этими нечистыми помыслами и чувствами предсталъ на судъ Божій.

Царица лежала на землѣ и судорожно рыдала.

— Я воздвигну монастырь на этой скалѣ и въ немъ день и ночь будутъ поминать несчастнаго,—сказала она.

— Я надѣюсь, что этотъ монастырь будетъ напоминать тебѣ, какъ мало ты оказалась достойною того высокаго званія, которымъ Господь тебя украсилъ. Я еще ничего не сказалъ о самомъ важномъ изъ твоихъ проступковъ: объ опрометчивомъ обѣщаніи исполнить все, что сванъ захочетъ. Скажу, что это еще счастье, что ты попала на юнаго, пылкаго человѣка, у котораго были, сравнительно, не особенно злостные замыслы. Благодаря своей опрометчивости, ты могла погубить себя навсегда, но это, надѣюсь, тебя менѣе бы огорчило, чѣмъ если бы обѣщаніемъ твоимъ воспользовался какой нибудь опытный хитрецъ для несчастія цѣлаго народа или цѣлой области. И какое право имѣешь ты такъ безразсудно располагать тѣмъ, что ты пріобрѣтала не куплей и не трудомъ? Господь поставилъ тебя домоправителемъ Своимъ, Онъ довѣрилъ тебѣ *Своихъ* дѣтей и Свое богатство, въ которомъ спроситъ строгій отчетъ. Царь—не обладатель царства въ глазахъ Божіихъ, но опекунъ Его дѣтей, которому Онъ ввѣрилъ ихъ судьбу и ихъ состояніе!

Старецъ умолкъ, царица смиренно облобызала ему ноги. Онъ поднялъ ее, и она съ изумленіемъ увидѣла, что живыя очи его теперь были преисполнены неизреченной доброты.

— Что мнѣ дѣлать?—спросила она.

— Наложи на себя постъ и покаяніе,—отвѣтилъ онъ,—и Господь вразумитъ тебя! Ихъ же люблю—наказую.

— Не забуду этого наказанія,—отвѣтила юная царица,—и сдержала свое слово, сдѣлавъ изъ словъ старца руководство для своего царствованія.

А Господь благословилъ ея чистосердечное раскаяніе и прославилъ ее далеко за предѣлами ея царства. Подданные благословляли ее, а чужіе народы дивились ей, враги боялись ея, друзья гордились ею, и отдаленнѣйшіе потомки не перестаютъ прославлять ея имя.

Этеріани.

Грузинская легенда.

Въ бѣдной саклѣ сидѣлъ крестьянинъ Фарнаозъ и качалъ плачущаго младенца. Молодой отецъ плакалъ и надъ своей неловкостью, и надъ ребенкомъ, и надъ горемъ, поразившимъ его такъ неожиданно, такъ внезапно. Давно ли во всей деревнѣ не было четы счастливѣе и дружнѣе Фарнаоза и Этери, и какъ они радовались надеждѣ имѣть ребенка, какъ нетерпѣливо ждали своего первенца,—а теперь каждый крикъ маленькой дочери, которую онъ назвалъ Этери, вызывалъ передъ его воображеніемъ образъ другой Этери—красивой, цвѣтущей здоровьемъ, съ похоронъ которой онъ только что вернулся. Черезъ нѣсколько дней онъ понялъ, что ему не выходить ребенка, но мысль взять другую жену,

такъ скоро послѣ смерти любящей и любимой Этери, воспоминаніе о которой всюду его преслѣдовало, возмущала его. Любовь къ умершей женѣ и любовь къ новорожденной дочери наполняли его сердце, но мало-по-малу привязанность къ живой Этери усиливалась и, наконецъ, вытѣснила образъ умершей матери. Въ его селсніи жила молодая и красивая крестьянка Маріамъ, при всякой встрѣчѣ съ нимъ, заботливо его разспрашивавшая о маленькой Этери.

«Чего же я жду?—подумалъ Фарнаозъ,—вотъ будетъ настоящая мать для моей бѣдной крошки»,—и женился.

Но Маріамъ была столь же лукава и зла, сколько прекрасна. Подъ видомъ страстной любви къ падчерицѣ, она скрывала полнѣйшее равнодушіе, перешедшее въ ненависть, когда у нея родился сынъ Темурханъ.

Желая извести ребенка, Маріамъ посылала ее пасти коровъ, давая ей одинъ «кути» (непропеченый маленькій хлѣбецъ) и большой клубокъ пряжи съ веретеномъ. Только пересучивъ всю эту пряжу въ нитки, смѣла являться Этери за новымъ запасомъ кути. Однако, она росла и расцвѣтала въ прекрасную, цвѣтущую здоровьемъ и силою дѣвицу. Такъ прошло пять лѣтъ. Однажды юный царь Абесаломъ пошелъ искать развлеченія на охотѣ и забрелъ въ тотъ лѣсъ, куда отъ жары укрывалась ежедневно Этери со своимъ стадомъ.

Дѣло было къ вечеру. Лѣсъ оканчивался долиной, которую съ противоположной стороны окаймляли горы. Абесаломъ залюбовался прелестнымъ видомъ, который вскорѣ сталъ оживляться появленіемъ красивыхъ коровъ. Онѣ выходили одна за другою изъ лѣса и ложились на сочной травѣ, располагаясь на ночлегъ. За ними появилась молодая дѣвушка съ большимъ клубкомъ недосученныхъ нитокъ. Она бросила изорванную бурку на плоскій камень, виднѣвшійся среди долины, и сѣла на него.

Перекрестясь, она усердно принялась оканчивать работу. И юный царь, незамѣченный ею, долго ею любовался, и цвѣты, которыми изобиловала долина, издавали свое опьяняющее благоуханіе, и вечерняя роса брильянтами висѣла на нихъ, а угасающіе лучи солнца серебромъ и золотомъ играли въ капляхъ; царь все смотрѣлъ и пьянѣлъ отъ восторга. Окончивъ работу, Этери помолилась Богу, завернулась въ лохмотья бурки и легла спать на томъ камнѣ, на которомъ за минуту передъ тѣмъ работала и молилась. Рядомъ съ камнемъ росло развѣсистое дерево, вѣтви котораго составляли шатеръ надъ лежащею. Передъ сномъ Этери проговорила:

—Господи! Тебѣ все возможно! Прикажи, чтобъ этотъ лиственный кровъ, силою Твоею, покрывалъ меня отъ всякаго зла!

И съ этими словами она заснула. Царь осторожно приблизился.

Пораженный ангельскимъ выраженіемъ ея лица, онъ опустился на колѣни и долго не сводилъ съ нея восхищеннаго взора, и любовь окончательно завладѣла его сердцемъ. Этери открыла глаза и быстро вскочила

—Не бойся, красавица, сказалъ царь,—я не обижу тебя, я царь твой Абесаломъ и хочу сдѣлать тебя царицей.

Этери опустила глаза, и яркій румянецъ вспыхнулъ на ея щекахъ.

— Прости меня, государь,—отвѣтила она,—не мнѣ тебя учить, но подумай о томъ, что ты могущественный царь, а я нищая крестьянка! Не гожусь я тебѣ въ жены, а если ты смѣешься надо мною, то пусть накажетъ тебя Богъ!

И съ этими словами она быстро удалилась. Когда она достигла дома, мачеха уже спала. Чѣмъ свѣтъ мачеха поднялась и, увидавъ нитки ссученными, дала новый клубокъ пряжи и кути падчерицѣ и приказала итти, по обыкновенію, въ стадо.

— Уволь меня сегодня, матушка, я нездорова,—сказала трепещущая Этери.

Какъ взрывъ вулкана полилась ядовитая рѣчь Маріамъ и въ то время, когда она уже поднимала руку на Этери, внезапно является царь. Смущенная Маріамъ скрывается, а царь повторяетъ свою просьбу и увѣренія.

Наконецъ, онъ убѣждаетъ ее и, удаляясь, вручаетъ ей свой охотничій ножъ, въ защиту отъ мачехи. Но послѣдняя не успѣла еще опомниться отъ всего происшедшаго, какъ явились жены и дочери вельможъ съ драгоцѣнными вѣнчальными одеждами, въ которыя собственноручно облекли Этери и увезли съ собою.

Кто опишетъ пышность брачнаго пира и безчисленное множество дорогихъ подарковъ, полученныхъ Этери, отъ царя и приближенныхъ: красивыя рабыни, сильные негры, крошечныя карлицы, арабскіе кони, заморскія птички, драгоцѣнные камни и рѣдкія ткани сыпались къ ея ногамъ. Воспитатель царя, Мурманъ, какъ старшій изъ вельможъ, имѣлъ право поднести скатерть для царскаго стола и воспользовался этимъ правомъ, чтобы показать свое несмѣтное богатство. Изъ чистаго золота были ссучены нити, послужившія для ткани, а бахрома снизана изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней. Царь, желая почтить своего воспитателя, посадилъ его во главѣ стола, такъ что онъ пришелся напротивъ царицы, дивная красота которой затмевала всѣ окружающія ее сокровища. Едва взглянулъ на нее Мурманъ и вздрогнулъ. Подъ предлогомъ нездоровья, поспѣшно оставилъ онъ брачный пиръ и, придя къ матери своей, бросился на полъ, сталъ кататься, метаться изъ угла въ уголъ, произносить несвязныя слова и стонать. Мать, испуганная столь необычайными дѣйствіями, думала сначала, что онъ лишился разсудка, но, разобравъ изъ словъ его, что онъ безнадежно влюбленъ въ царицу, приказала ему итти на поиски за лѣкарствомъ любви.

Какъ безумный всталъ Мурманъ и пошелъ невѣдомо куда. Скоро встрѣтился съ нимъ дьяволъ, въ видѣ странствующаго врача. Онъ несъ корзину, покрытую пестрою скатертью, и предлагалъ всякія лѣкарства прохожимъ. Мурманъ остановилъ его вопросомъ: нѣтъ ли у него лѣкарства любви?

— Есть,—отвѣтилъ лѣкарь,—но я не возьму за него никакой платы, кромѣ души твоей матери.

Испуганный неожиданностью предложенія, Мурманъ вернулся домой, гдѣ любящая мать не остановилась предъ подобной жертвой для спасенія своего дѣтища, а сынъ, обезумѣвшій отъ любви, злоупотребилъ ея привязанностью и великодушіемъ и совершилъ постыдный торгъ. Дьяволъ вручилъ ему чашу проса.

— Обсыпь этимъ Этери, и она будетъ твоею,—сказалъ онъ.

Долго искалъ Мурманъ удобнаго случая, но онъ все не представлялся. Наконецъ, царица изъ своихъ рукъ пожелала накормить заморскихъ птичекъ, распѣвавшихъ въ золотыхъ клѣткахъ. Мурманъ поспѣшилъ поднести просо въ дьявольской чашѣ и, какъ бы споткнувшись, обсыпалъ имъ Этери, которая къ вечеру съ головы до ногъ покрылась вшами. Не зная чему приписать столь внезапный недугъ, Абесаломъ созвалъ всѣхъ знахарей своего царства, но никто не облегчилъ страданій царицы. Пышныя посольства отправлены были въ сосѣднія царства съ просьбой выслать лучшихъ врачей, но никто не откликнулся на призывъ царскій. А между тѣмъ злыя насѣкомыя источили нѣжную кожу Этери и покрыли тѣло ея ранами.

Истощилось терпѣніе царя, онъ рѣшился разстаться съ супругою, но ему не хотѣлось оскорбить ее, онъ послалъ за своимъ воспитателемъ и просилъ его совѣта. Хитрый ученикъ дьявола увѣрилъ царя, что онъ не остановится ни предъ какою жертвою для его спокойствія. Чтобы смягчить ударъ для любящаго сердца Этери, онъ видитъ только одно средство: царь долженъ не просто удалить ее, а отдать въ супруги Мурману.

—Быть можетъ, ея женское самолюбіе найдетъ нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что не всѣ ею брезгаютъ!—завершилъ воспитатель.

Царь согласился. Едва Этери переступила порогъ Мурмана, какъ вши исчезли, и тѣло ея стало быстро заживать. Прошло двѣ недѣли, въ теченіе которыхъ Абесаломъ тосковалъ непомѣрно и, наконецъ, по совѣту знахарей, рѣшился прокатиться верхомъ.

Невольно направилъ онъ коня къ дому Мурмана, гдѣ выздоровѣвшая Этери не осушала глазъ. Услыхавъ топотъ его коня, она быстро выбѣжала къ двери, и изъ устъ ея вылилась чудная пѣснь, полная тоски, любви и укора.

Абесаломъ затосковалъ пуще прежняго, но, несмотря на все его могущество, ему и въ голову не приходило нарушить свое царское слово и отнять любящую и любимую женщину; ревность снѣдала его, онъ слегъ въ постель, и жизнь его угасала. Придворные, подъ видомъ заботы о здоровьѣ царскомъ, а въ сущности, чтобъ угодить его страстямъ, собрали совѣтъ и рѣшили, что одному изъ нихъ слѣдуетъ отправиться на добычу живой воды для царя. Жребій искусно вынули на Мурмана. Извѣщенный объ этомъ, Мурманъ провелъ всю ночь въ напрасныхъ стараніяхъ склонить къ себѣ сердце Этери, но она ни разу не улыбнулась Мурману и не переставала плакать объ Абесаломѣ. На разсвѣтѣ Мурманъ отправился въ путь.

Надо было обойти горы Коджорскія и подняться на такую высоту, гдѣ витаютъ орлы. А между тѣмъ сестра царя Марехъ и братъ Этери Темурханъ составили свой заговоръ. Тотчасъ по уходѣ Мурмана, Марехъ явилась къ Этери съ приглашеніемъ вмѣстѣ посѣтить Темурхана, чтобы полюбоваться на рѣдкій атласъ, полученный имъ изъ Индіи. По дорогѣ царевна убѣдила Этери зайти на минутку къ Абесалому, чтобъ исцѣлить его своимъ взглядомъ. Этери согласилась. Марехъ бросилась впередъ, чтобъ обрадовать умирающаго. Но онъ уже услыхалъ шаги Этери и приказалъ привести своего лучшаго коня съ сѣдломъ и уздою, осыпанными брильянтами.

— Благодарю за приходъ,—сказалъ царь,—но теперь уже ничто не можетъ спасти меня отъ могилы. Да будетъ воля Господня! Возьми того коня, на которомъ ты видѣла меня въ послѣдній разъ, на память обо мнѣ.

— Не нуженъ мнѣ ни конь, ни сѣдло драгоцѣнное!—отвѣтила Этери,—есть у меня твой подарокъ, который мнѣ дороже и полезнѣе всего этого. Это—острый ножъ, подаренный мнѣ тобою въ домѣ мачехи; его вонжу я по рукоятку въ свою правую грудь, чтобъ умереть съ тобою и раздѣлить твою могилу!

Абесаломъ умеръ съ счастливою улыбкою на устахъ, а Этери немедленно исполнила свое намѣреніе, и ихъ вмѣстѣ похоронили у проѣзжей дороги. На ихъ могилѣ выросли роза и фіалка, утренняя и вечерняя роса освѣжала ихъ, изъ могилы вытекалъ ручей чистой прозрачной воды, въ которомъ плавала золотая чаша. Путники отдыхали у освѣжающаго источника, утоляли свою жажду изъ золотой чаши, любовались на прекрасные цвѣты и наслаждались ихъ благоуханіемъ. Каждый благословлялъ умершихъ и завидовалъ ихъ участи.

Когда Мурманъ вернулся и узналъ о случившемся, имъ овладѣло не раскаяніе, а какое-то остервенѣніе.

Онъ зарылъ себя живымъ въ землю, возлѣ могилы царской. На могилѣ самоубійцы выросъ тернъ, изъ-подъ котораго народились щенята и, въ то время, когда фіалка и роза наклонялись другъ къ другу для поцѣлуя, тернъ всѣми силами тянулся къ нимъ, чтобы разъединить ихъ, злые щенята наполняли воздухъ зловоніемъ и кусали путниковъ, тернъ рвалъ ихъ одежды и проклятія сыпались на могилу ученика дьявола, отдавшаго душу матери на мученье, для удовлетворенія своихъ страстей.

Золотыхъ дѣлъ мастеръ.

Грузинская легенда, записанная г. Картвели Осебши.

Переводъ М. Джанашвили.

Былъ одинъ вѣрующій въ Бога и праведный человѣкъ, по ремеслу золотыхъ дѣлъ мастеръ. Онъ зналъ только одну молитву, которую твердилъ постоянно, и предъ сномъ, и во время бодрствованія. Его молитва состояла всего изъ одной фразы: «Боже, будь защитникомъ праведнаго человѣка»!

Царю страны, гдѣ жилъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, дали знать объ его подданномъ, который молился такъ оригинально. «Я испытаю его,—сказалъ царь,—и тогда обнаружится, насколько онъ твердъ въ вѣрѣ и справедливъ».

Призвалъ государь своего визиря, далъ ему самый дорогой изъ драгоцѣнныхъ камней и сказалъ: «Отнеси этотъ камень золотыхъ дѣлъ мастеру и закажи перстень, соотвѣтствующій стоимости моего драгоцѣннаго камня. При этомъ приказываю тебѣ, по врученіи этого камня золотыхъ дѣлъ мастеру, украсть его у него и доставить обратно мнѣ».

Визирь съ камнемъ въ рукахъ пустился въ путь и по дорогѣ сталъ раздумывать о томъ, какъ исполнить царское повелѣніе.

Придя къ золотыхъ дѣлъ мастеру, визирь передалъ ему драгоцѣнный камень и сказалъ: «Камень этотъ присланъ царемъ; ты сдѣлаешь ему перстень, приличествующій стоимости самаго камня. За работу получишь слѣдуемое».

Золотыхъ дѣлъ мастеръ, получивъ отъ визиря драгоцѣнный камень и распросивъ его хорошенько, сказалъ:

— Сдѣлаю, господинъ мой; доложи великому государю, что перстень завтра же будетъ готовъ. Затѣмъ, онъ положилъ камень въ ящикъ своего рабочаго столика и произнесъ обычную молитву:

— Боже, будь защитникомъ праведнаго человѣка.

Какъ разъ въ это время кто-то постучался въ калитку мастерской и вызвалъ золотыхъ дѣлъ мастера на улицу.

— Боже, будь защитникомъ праведнаго человѣка,—воззвалъ онъ къ Богу и вышелъ изъ мастерской.

Выходъ золотыхъ дѣлъ мастера весьма обрадовалъ визиря. Онъ поспѣшно досталъ изъ кармана нѣсколько грошей, передалъ ихъ мальчику хозяина и сказалъ ему: «Сынъ мой, пока вернется твой хозяинъ, сбѣгай на базаръ и купи себѣ фруктовъ». Мальчикъ былъ радъ, что получилъ деньги отъ щедраго незнакомца и, не долго думая, всталъ и отправился за покупкой. Визирь, оставшись въ мастерской одинъ и пользуясь отсутствіемъ хозяина и мальчика-рабочаго, вынулъ изъ ящика царскій драгоцѣнный камень и положилъ себѣ въ карманъ. Вскорѣ затѣмъ вернулся мальчикъ и занялъ свое мѣсто. Вслѣдъ за нимъ пришелъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ и, сѣвъ на свое мѣсто, произнесъ:

— Боже, будь защитникомъ праведнаго человѣка.

Визирь, простившись съ золотыхъ дѣлъ мастеромъ, вернулся домой и принесъ царю его драгоцѣнный камень.

— Возьми этотъ камень,—сказалъ царь визирю,—отнеси и брось въ море. Посмотримъ, какъ защититъ правота нашего ремесленника.

Визирь исполнилъ повелѣніе государя.

Золотыхъ дѣлъ мастеръ, придя на другой день въ свою мастерскую и не найдя въ ящикѣ драгоцѣннаго камня, сильно испугался; однако, онъ только вздохнулъ и произнесъ обычную молитву:

— Боже, будь защитникомъ праведнаго человѣка.

На другой день, въ назначенный часъ, пришелъ въ мастерскую визирь и спросилъ золотыхъ дѣлъ мастера: «Готовъ-ли перстень?»

— Сегодня я былъ занятъ другимъ дѣломъ,—отвѣтилъ несчастный ремесленникъ,—не успѣлъ кончить вашу работу; завтра-же непремѣнно получите вашъ заказъ. При этомъ онъ опять произнесъ:

— Боже, будь защитникомъ праведнаго человѣка.

Визирь вернулся домой, пришелъ къ царю и доложилъ ему, что золотыхъ дѣлъ мастеръ опять твердитъ ту же свою молитву.

— Увидимъ, какъ ему поможетъ его справедливость,—воскликнулъ государь.

Визирь приходилъ за перстнемъ и на третій день, и на четвертый, но каждый разъ ремесленникъ просилъ отсрочки до слѣдующаго дня. Въ такомъ хожденіи взадъ и впередъ прошло нѣсколько дней. Визирь, придя къ золотыхъ дѣлъ мастеру въ послѣдній разъ, сурово ска-

залъ ему: «Если царскій заказъ не будетъ исполненъ и завтра, то придется казнить тебя».

Сановникъ отправился домой. Золотыхъ дѣлъ мастеръ впалъ въ глубокую думу. Поработавъ до вечера въ своей мастерской, онъ пришелъ домой и сказалъ своимъ домочадцамъ: «Любезные, меня постигла вотъ какая бѣда (и онъ разсказалъ имъ причину и исторію постигшаго его несчастья), я буду казненъ, и если вамъ дорога моя жизнь, то разрѣшите мнѣ оставить васъ и переселиться въ другую страну: я буду жить на чужбинѣ и часть заработка присылать вамъ».

Жена отвѣтила несчастному супругу: «Будь живъ и здоровъ, переселиться же можешь куда угодно».

Убитая горемъ семья легла спать, но чуть зардѣла заря, какъ уже всѣ встали, чтобы проститься съ дорогимъ кормильцемъ своимъ.

— Боже, будь защитникомъ праведнаго человѣка!—вырвалось изъ устъ золотыхъ дѣлъ мастера, когда онъ оставилъ свой домъ и дорогихъ своихъ жену и дѣтей.

Проходя по базару родного города, онъ встрѣтилъ рыбака, который несъ продавать только-что пойманную рыбу. Золотыхъ дѣлъ мастеру очень понравилась рыба, и онъ подумалъ: «Дай-ка, я куплю эту рыбу, понесу домой и, пообѣдавъ съ семьей въ послѣдній разъ, разстанусь съ ней навѣки». Какъ онъ размыслилъ, такъ и сдѣлалъ. Онъ принесъ рыбу домой, передалъ женѣ и попросилъ ее приготовить обѣдъ. Она стала потрошить рыбу. Вдругъ изъ живота ея выпалъ какой-то камень. Она отнесла его мужу. Камень оказался тѣмъ драгоцѣннымъ камнемъ, который принесенъ былъ царскимъ визиремъ. Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ произнесъ:

— Боже, будь защитникомъ праведнаго человѣка!

Недолго думая, онъ побѣжалъ въ мастерскую и усѣлся за работу. Трудился и работалъ онъ такъ проворно и искусно, что до вечера приготовилъ царю прекрасный перстень.

Были уже сумерки, когда пришелъ визирь. Золотыхъ дѣлъ мастеръ, вручивъ перстень заказчику, обратился къ нему съ просьбой:

— Прошу тебя быть ходатаемъ моимъ предъ царемъ и испросить у него для меня великодушное прощеніе за то, что я въ назначенный срокъ не могъ исполнить его заказа.

Немало удивленный, визирь принесъ перстень и вручилъ царю, который, осмотрѣвъ его хорошенько, удостовѣрился, что камень, вставленный въ перстень, былъ брошенный въ море его драгоцѣнный камень

Удивленіе царя не имѣло границъ. Онъ говорилъ съ изумленіемъ: «По моему приказанію, этотъ камень былъ брошенъ въ море, какимъ же образомъ онъ могъ очутиться въ рукахъ золотыхъ дѣлъ мастера?» Царь приказалъ позвать его.

Золотыхъ дѣлъ мастеръ былъ приведенъ и представленъ государю.

— Братецъ, скажи правду,—сказалъ ему царь:—кто тебѣ далъ этотъ драгоцѣнный камень, и гдѣ его ты нашелъ?

— Государь, развѣ не вы прислали его ко мнѣ черезъ вашего визиря?—отвѣтилъ золотыхъ дѣлъ мастеръ.

— Говори правду, а то я накажу тебя,—пригрозилъ царь.

— Вашъ драгоцѣнный камень я потерялъ, государь, и, боясь вашего гнѣва, хотѣлъ убѣжать въ чужую страну и скрыться, но, проходя по базару города, я купилъ только-что пойманную въ морѣ рыбу, во чревѣ которой оказался вашъ драгоцѣнный камень.

— Вѣрно сказано въ писаніи, — произнесъ многознаменательно царь:—«не увидѣлъ я оставленнымъ праведнаго, ниже сѣмя его просящимъ хлѣба».

Золотыхъ дѣлъ мастеръ вернулся домой, осыпанный милостями и щедротами царя, со словами:

— Боже, будь защитникомъ праведнаго человѣка!

И... успокоился онъ.

Изъ легенды «Гочи», записанной Важа-Пшавеломъ.

Переводъ М. Джанашвили.

Въ старое время, какъ извѣстно, человѣкъ жилъ звѣреобразною жизнью: пахать и сѣять онъ не умѣлъ; строить удобное и уютное помѣщеніе для жилья не въ его силахъ было; ночь онъ короталъ тамъ, гдѣ его заставала тьма кромѣшная, или же онъ располагался гдѣ-нибудь въ пещерѣ или дуплѣ дерева; неразборчивъ былъ онъ и въ ѣдѣ: ѣлъ все, что находилъ: падаль, насѣкомыхъ, ящерицъ, змѣй и пр.; умственный кругозоръ его былъ весьма ограниченъ; первобытный человѣкъ твердо былъ увѣренъ, что вѣтеръ—одушевленное существо и потому во всякую минуту готовъ былъ вступить съ нимъ въ рукопашный бой. Но, мало этого, тогдашній человѣкъ безъ зазрѣнія совѣсти пожиралъ и себѣ подобныхъ существъ, т. е. людей.

Сыномъ этой эпохи былъ Гочи. Онъ совершенно одиноко жилъ на берегу моря въ пещерѣ. У великана этого все тѣло покрыто было густыми волосами. Голова, зубы и ноги его были громадны. Ужасно было видѣть его растрепанные волосы съ запекшимися на нихъ каплями человѣческой крови, а также и его большіе, омытые въ крови, ногти. Годы своей молодости онъ проводилъ въ охотѣ за человѣкомъ. Цѣлые дни онъ бродилъ по глухимъ лѣсамъ и, наткнувшись на жертву—человѣка,—набрасывался на него, разбивалъ ему голову и убитую «дичь» относилъ къ себѣ домой.

Но вотъ, наконецъ, и для него настала пора старости. Одряхлѣлъ нашъ Гочи и болѣе не въ силахъ былъ таскаться по горамъ и долламъ; онъ желалъ итти на ловлю людей, но ноги не слушались. Оставалась единственная надежда, и этой надеждой было море. Онъ то и дѣло сновалъ около моря, разыскивая въ илѣ и пескѣ трупы утопленниковъ, выброшенныхъ моремъ. И часто поиски его не пропадали даромъ: гротъ Гочи полонъ былъ человѣческими костями, изъ коихъ черепа лежали въ самомъ гротѣ, а мелкія кости—у порога. Жизнь Гочи протекала однообразно: онъ, наѣвшись до сыта, обыкновенно засиживался на краю скалы и забавлялся костями, которыя переставлялъ и перекладывалъ съ одного мѣста на другое и при этомъ сюсюкалъ, какъ дитя, и похлопывалъ руками. Не бывало того, чтобъ онъ въ продолженіе своей долгой жизни хоть когда-нибудь почувствовалъ горе. Однако, и для него настало

такое время. Онъ впалъ въ какое-то безотчетное состояніе, его стало терзать невыразимое безпокойство. Онъ сталъ болѣть, но болѣть не тѣлесно, а душевно. Душа его требовала чего-то не постижимаго уму дикаря. Онъ бѣшено вскакивалъ съ мѣста, бросался въ чащу или же убѣгалъ на берегъ моря, гдѣ разбрасывалъ песокъ своими долговязыми ногами, бился головой о скалы, стоналъ и неистово кричалъ.

Послѣ одного изъ такихъ припадковъ, Гочи, выбившись изъ силъ, упалъ на землю и возопилъ: «Боже,—произнесъ онъ это Имя въ первый разъ въ своей жизни,—успокой меня, дай мнѣ то, въ чемъ я нуждаюсь». Милосердый Богъ сжалился надъ несчастнымъ и отправилъ къ нему на помощь Любовь, которая только теперь впервые спустилась съ неба на землю. Она была мала какъ зябликъ, нѣжна, невинна, сѣра и похожа на пташку. Любовь сѣла на вершину одной скалы, находящейся какъ разъ предъ лицомъ Гочи, и стала распѣвать пѣснь о любви. Сколько разъ уже Гочи слышалъ птичьи голоса, на которые, однако, онъ не обращалъ никакого вниманія! Теперь же, услышавъ пѣснь о любви, онъ весь превратился въ слухъ и опустилъ внизъ свою голову; глаза его наполнились слезами, и по губамъ дикаря впервые въ его жизни пробѣжала улыбка. Пѣснь пташки обворожила Гочи, и онъ вознамѣрился подойти къ ней поближе, но она предупредила его, вспорхнула со скалы, подлетѣла къ дикарю и сѣла предъ нимъ. Однако, увидѣвъ груду человѣческихъ костей, лежащихъ тутъ, и окровавленныя губы человѣка, Любовь ужаснулась.

— Понравился ли тебѣ мой голосъ,—спросила Гочи Любовь.

— Весьма,—отвѣтилъ онъ,—о, если бы ты всегда была со мною и распѣвала бы свои пѣсни!

Любовь полетѣла и попала въ самую глубину сердца дикаря, котораго поразила подобно грому. Гочи поблѣднѣлъ, сталъ кривляться и барахтаться. Теперь онъ терзался и мучился какъ никогда. Онъ ревѣлъ страшно, отъ стона его, соединеннаго съ шумомъ морскихъ волнъ, дрожали горы и долины, птицы же и звѣри, перепугавшись, стали улетать и уходить съ этого мѣста. Разслабленный Гочи валялся тутъ цѣлый годъ, выбрасывая изо рта пѣну и слюну. Но вотъ прошелъ годъ, онъ оправился и почувствовалъ перемѣну въ себѣ. Горько стало ему, когда онъ осмотрѣлся и увидѣлъ обглоданныя человѣческія кости, въ душѣ его пробудилось чувство жалости, ему стало совѣстно, изъ глазъ его потекли слезы, онъ зарыдалъ.

— Что это я сдѣлалъ,—кричалъ онъ грустно,—неужели я былъ людоѣдомъ?

Онъ теперь глядѣлъ на кости съ чувствомъ жалости къ человѣку. Гочи сталъ прибирать разбросанныя всюду кости, говоря: «Ахъ, бѣдные, несчастные люди! Вишь ты, что я сдѣлалъ».

Однако, такое настроеніе Гочи продолжалось недолго. Однажды онъ прохаживался возлѣ своего жилья. Вдругъ онъ увидѣлъ женщину у источника подъ чинаровымъ деревомъ съ порхающими съ вѣтки на вѣтку птичками. Женщина сидѣла въ густой высокой травѣ и держала въ рукахъ ребенка, который сосалъ грудь. Гочи, крадучись, приблизился къ матери съ ребенкомъ, и они въ одинъ мигъ очутились въ рукахъ ди-

Тифлисъ. Военно-историческій музей. Головинскій проспектъ. Барятинская улица.

каря. Мать хотѣла было спасти дитя свое, но Гочи одолѣлъ ее и убилъ, а ребенка, который ему понравился, взялъ на руки.

— Мясо дитяти будетъ вкусно,—подумалъ онъ,—и собрался съѣсть его, но изъ глубины сердца его послышался голосъ:

— Что ты дѣлаешь, проклятый? Не тронь ребенка.

Повелительный тонъ тайнаго голоса ошеломилъ Гочи, по тѣлу его пробѣжала дрожь. Онъ положилъ на землю ребенка, осмотрѣлся вокругъ себя, отвернулся отъ ребенка, сдѣлалъ два шага и остановился, такъ какъ предвидѣлся лакомый и вкусный завтракъ изъ мяса дитяти. И онъ опять вернулся назадъ и взялъ ребенка.

— Ну, смотри!—прогремѣлъ опять тотъ же зловѣщій голосъ.

Гочи положилъ ребенка на траву и удалился. Можно было подумать, что ребенокъ уже спасенъ, но не тутъ-то было: въ Гочи сидѣлъ звѣрь-человѣкъ, который не могъ разстаться со своимъ звѣринымъ нравомъ. Гочи вдругъ бросился на ребенка, поднялъ его, разорвалъ нѣжное существо и сталъ закусывать имъ. Но вотъ Гочи уже оттрапезовалъ и—о ужасъ!—раскаяніе объяло его, и онъ сталъ кричать: «что это я слѣлалъ!?» Однако, раскаяніе его было мимолетнымъ, недолговѣчнымъ. Проходили дни, онъ ѣлъ людей и послѣ каждой кровавой трапезы твердилъ все одно и то же: «что это я сдѣлалъ!?»

Такимъ образомъ, любовь, которая сидѣла въ Гочи вотъ уже цѣлый годъ, не могла заглушить въ немъ старой, вѣковой его привычки. Итакъ, любовь не могла его успокоить, не могла дать ему то, чего онъ просилъ у Бога. Наоборотъ, Гочи теперь стало болѣе мучительно и тягостно, такъ какъ онъ не зналъ чему подчиняться—совѣсти или привычкѣ. Онъ находился въ отчаяніи. Въ страшномъ безпокойствѣ онъ сталъ взывать къ Богу:

— Боже,—говорилъ онъ,—сними съ меня бремя совѣсти и любви, чтобы мнѣ стало легче, чтобъ я успокоился и могъ жить попрежнему безъ треволненій.

Дерзость Гочи вызвала гнѣвъ Бога.

— Такъ какъ онъ не знаетъ цѣны добра,—сказалъ Всевышній,—то я ввергну его въ такое состояніе, чтобъ онъ самъ успокоилъ себя и пересталъ тревожить меня.

Творецъ благословилъ Гочи обжорствомъ. Гочи объѣдался, обжирался, но никакъ не могъ наѣсться и насытиться, онъ вѣчно голодалъ. Имъ опять овладѣло безпокойство; ужасъ и отчаяніе объяли его.

— Да будетъ проклята такая жизнь,—произнесъ онъ.

И, взобравшись на высокую скалу, бросился оттуда въ бездонную пропасть и успокоился онъ...

О кладѣ подъ церковью Магаловыхъ.

Грузинское преданіе.

Въ Горійскомъ уѣздѣ, недалеко отъ сел. Кавтисъ-Хеви, вправо отъ дороги, ведущей въ монастырь Квабтахеви, находится одна старинная церковь, подъ названіемъ «церковь Магаловыхъ». Эта церковь постро-

на на землѣ одного грузинскаго дворянина Магалова и, вѣроятно, поэтому носитъ такое названіе. Церковь эта имѣетъ довольно обширную ограду. Въ этой оградѣ укрывались грузины, когда ихъ преслѣдовали непріятели. Изъ Тріалетскихъ горъ, которыя находятся отсюда не очень далеко, по разсказамъ старика, была проведена труба въ эту ограду. Пастухи, которые пасли свои стада на Тріалетскихъ горахъ, по этой трубѣ доставляли молоко осажденнымъ грузинамъ. Говорятъ, что подъ этою церковью находится кладъ въ подземельяхъ; крестьяне неоднократно старались проникнуть туда, но такъ какъ ходъ, ведущій въ это подземелье, очень длиненъ, и свѣча въ немъ отъ недостатка воздуха скоро гаснетъ, то потому никто не могъ добраться до того мѣста, гдѣ находится кладъ. Какъ только свѣча гасла, всѣ съ крикомъ выбѣгали, говоря, что нечистый духъ потушилъ свѣчу. Однакожъ, нашелся такой храбрецъ, который въ темнотѣ спустился въ подземелье и принесъ оттуда много серебряныхъ и золотыхъ вещей и рѣдкихъ монетъ.

Вотъ что разсказывалъ своему сыну, теперь уже старику, этотъ храбрецъ: «Въ моей молодости, мнѣ не разъ приходилось слышать, что подъ церковью Магаловыхъ находится кладъ, но, опасаясь нечистаго духа, никто не осмѣливался спуститься туда. Я былъ смѣлъ. Взявъ св. икону Іоанна Предтечи, я отправился туда, сказавъ: «Либо панъ, либо пропалъ». Слава Богу, я достигъ своей цѣли. Я досталъ кувшинъ, въ которомъ было много серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ. Купилъ я на эти деньги пять-шесть паръ воловъ, завелъ себѣ плугъ, нанялъ работниковъ и, такимъ образомъ, разбогатѣлъ. Но счастье мое было непродолжительно. Моя жена послѣ этого не могла заснуть спокойно. Бывало, какъ только задремлетъ, начинаетъ кричать: «Помогите! вѣдьма хочетъ меня задушить!» Сначала я на это не обращалъ никакого вниманія, думая, что скоро все пройдетъ. Но вслѣдъ за этимъ и со мною случилось подобное несчастіе: мнѣ каждую ночь представлялось, что какой-то старикъ приходитъ ко мнѣ и говоритъ, чтобъ я отнесъ взятыя деньги назадъ, а не то старуха придетъ и задушитъ меня. Я ходилъ ко многимъ ворожеямъ и мулламъ, но никто не могъ помочь моей бѣдѣ; тогда взялъ я и на оставшіяся деньги построилъ церковь во имя Іоанна Предтечи».

Земля свое возьметъ.

Грузинская сказка.

Жила одна вдова; у нея былъ сынъ. Мальчикъ росъ и видѣлъ, что у всѣхъ, кромѣ него, были отцы. Сынъ приставалъ къ матери: «Мама, почему у всѣхъ есть отцы, а у меня нѣтъ отца?»—«Умеръ, сынъ мой!»—отвѣтила мать.—«Значитъ не придетъ больше?—продолжалъ сынъ,—что такое смерть?»—«Онъ-то не придетъ къ намъ, а мы пойдемъ къ нему, дорогой!»—отвѣтила мать:—Смерти никто не избѣжитъ, мы всѣ умремъ и въ землю сойдемъ!»—«Я не просилъ у Бога жизни, а если онъ далъ ее мнѣ, то зачѣмъ же отнимать?—сказалъ огорченный мальчикъ:—я пойду въ такое мѣсто, гдѣ нѣтъ смерти!» Мать останавливала сына, но онъ не послушался. Мальчикъ обошелъ весь свѣтъ, но куда ни приходилъ онъ и

гдѣ ни спрашивалъ, есть ли смерть или нѣтъ,—всюду слышалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «есть, есть!» Въ то время юношѣ минулъ уже двадцатый годъ, а онъ все не находилъ мѣста безсмертія. Разъ юноша шелъ по широкому полю; вдругъ онъ впереди увидѣлъ оленя; его вѣтвистые рога уходили въ облака. Юноша подошелъ къ оленю; ему очень понравились рога оленя, и онъ спросилъ его: «Заклинаю тебя твоимъ Создателемъ, скажи мнѣ: есть-ли гдѣ-нибудь мѣсто, гдѣ бы смерти не было?» Олень отвѣтилъ: «Я посланникъ Божій и исполняю его волю; пока мои рога не достигнутъ неба, я буду жить; достигнутъ—умру; хочешь останься и будешь жить, пока я живъ, не нуждаясь ни въ чемъ».—«Нѣтъ!—отвѣчалъ юноша:—если жить, такъ вѣчно; если бы я хотѣлъ умереть, то и тамъ бы умеръ, зачѣмъ же было итти по міру искать полужизни!» Оставилъ юноша оленя и продолжалъ путь свой. Прошелъ юноша поля, прошелъ степи, лѣса и, наконецъ, достигъ одной пропасти; бездна ея зіяла адской глубиной. По краямъ пропасти возвышались скалы; на одной скалѣ неподвижно сидѣлъ черный воронъ. Юноша подошелъ близко къ ворону и спросилъ его: «Воронъ, не знаешь ли страны, гдѣ бы не было смерти?»—«Я вѣстникъ Божіей воли и буду жить до тѣхъ поръ, пока не наполню эту бездну пометомъ; желаешь—останься: будешь жить со мною, не нуждаясь ни въ чемъ, пока я живъ!»—Но и ворона не послушался юноша и пустился далѣе. Миновалъ юноша границы суши и пришелъ къ океану. Юноша нѣсколько дней ходилъ по берегу океана, но никого не встрѣтилъ. Разъ юноша увидѣлъ вдали блестящую точку; онъ тотчасъ направился туда и увидѣлъ, что это былъ домъ изъ стекла. Юноша искалъ дверей, но не находилъ; наконецъ, онъ замѣтилъ одну линію на стеклѣ; юноша придавилъ стекло на томъ мѣстѣ, и дверь отворилась. Въ комнатѣ лежала такая красавица, что ея красотѣ позавидовало бы и красное солнышко; когда она выходила изъ дома, то солнцу свѣтъ прибавлялся. Юношѣ понравилась дѣвица; онъ подошелъ къ ней и спросилъ: «Прекрасная, я бѣжалъ изъ міра смерти; не знаешь ли такой страны, гдѣ бы не было смерти?»—«Такой страны нѣтъ!—отвѣчала красавица:—чего же ты ищешь? Останься со мною!»—«Я не къ тебѣ шелъ, а искалъ мѣста безсмертія»,—отвѣчалъ юноша. «Нѣтъ,—сказала красавица,—земля свое возьметъ: ты безсмертія не достоинъ; скажи, сколько мнѣ лѣтъ, если можешь?» Юноша посмотрѣлъ на красавицу: ея молодая грудь, цвѣтъ ея ланитъ такъ очаровали его, что онъ сразу забылъ и смерть, и жизнь. Юноша едва отвѣтилъ: «Тебѣ не болѣе 15-ти лѣтъ!»—«Нѣтъ,—продолжала красавица,—я въ первый день творенья создана и до сихъ поръ такой и остаюсь. Меня Красотою зовутъ; я вѣчно буду такою и никогда не умру! Ты могъ бы остаться у меня, но ты не достоинъ безсмертія; тебѣ жизнь вѣчная надоѣстъ!» Юноша далъ обѣтъ, что никогда не пойдетъ противъ ея воли и вѣчно съ нею будетъ жить. Года летѣли за годами, какъ секунды, земля перемѣнялась, но юноша ничего не чувствовалъ; красавица не увядала. Такъ прошла тысяча лѣтъ. Юношѣ захотѣлось посмотрѣть на родину; возгорѣлось въ немъ желаніе видѣть мать и знакомыхъ, и онъ сказалъ дѣвицѣ: «Теперь я долженъ пойти и посмотрѣть на мать и родныхъ!»—«И костей ихъ теперь не существуетъ,—отвѣтила Красота,—куда пойдешь?»—«Что ты говоришь?—прервалъ ее юноша,—я только-что пришелъ, какъ они успѣли бы умереть».

«Я же говорила тебѣ, что ты безсмертія не достоинъ,—укоряла его Красота:—ступай, но возьми эти три яблока, и когда придешь туда, то съѣшь!» Пошелъ юноша, и вотъ показались знакомыя мѣста. Вотъ бездонная пропасть; воронъ только что умеръ и высохшій сидѣлъ на скалѣ, наполнивъ пропасть пометомъ. У юноши сердце надорвалось; ему припомнились слова Красоты, ему захотѣлось вернуться, но было поздно: что-то тянуло его впередъ. Юноша миновалъ скалы и лѣса и вышелъ на знакомую равнину; прошелъ онъ половину степей, и вотъ показался олень: на его рога опиралось небо, а самъ онъ былъ мертвъ. Теперь только повѣрилъ юноша, что прошло много времени, но все-таки онъ спѣшилъ на родину. Пришелъ юноша въ свое селеніе, но знакомыхъ уже никого не было. Онъ разспрашивалъ о матери, но о ней никто и не слыхалъ; но, наконецъ, онъ увидѣлъ стариковъ, которые сказали, что, дѣйствительно, по преданію, женщина, о которой онъ спрашиваетъ, жила за тысячу лѣтъ, но невозможно, чтобъ ея сынъ жилъ теперь. Народъ не вѣрилъ, что онъ сынъ той женщины, думая, будто онъ посланъ Богомъ. Разнеслась молва объ этомъ въ селѣ, и народъ шелъ за нимъ подобно рою саранчи. Наконецъ, юноша пришелъ на то мѣсто, гдѣ былъ ихъ домъ: на мѣстѣ ихъ дома все еще виднѣлись желтыя стѣны, покрытыя мхомъ и крапивою. Юношѣ припомнилось все: и мать, и дѣтство,—и стало ему горько. Наконецъ, онъ вспомнилъ объ яблокахъ. Съѣлъ одно изъ нихъ—и тотчасъ же сѣдая борода покрыла его грудь; съѣлъ второе—колѣни ослабѣли, силы пропали, и сдѣлался онъ разслабленнымъ. Стыдясь самого себя, онъ попросилъ проходившаго мимо мальчика подойти къ нему, достать изъ кармана яблоко и подать ему. Мальчикъ подалъ ему яблоко; разслабленный скушалъ его и испустилъ духъ. Вынесли его сельчане и Христа ради похоронили.

Совѣтникъ царя.

Грузинская сказка.

Однажды совѣтнику арабскаго царя пришло на мысль, почему онъ такой мудрецъ и, столько лѣтъ проживши, не изучилъ насколько цѣнитъ его монархъ и насколько вѣрны ему его жена и друзья. Совѣтникъ сѣлъ и задумался—ему хотѣлось испытать всѣхъ за одинъ разъ. Вдругъ его осѣнила мысль: онъ отправился во дворецъ и укралъ у царя его любимую, имъ самимъ прирученную козу.

Придя домой, совѣтникъ открылъ этотъ секретъ женѣ и при ней приказалъ повару зажарить козу. Затѣмъ, войдя въ свой кабинетъ, приказалъ повару спрятать царскую козу, а на мѣсто ея зажарить козленка.

За ужиномъ жена восторгалась вкусомъ мяса, говоря: «вотъ что значитъ царская коза, что за вкусъ, что за мясо!»

Узнавъ о пропажѣ любимой козы, царь съ гнѣвомъ вскричалъ:

— Если кто изъ мужчинъ отыщетъ вора—озолочу, изъ женщинъ—женюсь!

Жена царскаго совѣтника выдала мужа.

Царь велѣлъ его казнить, а самъ на ней женился.

Когда совѣтника вели на казнь, явились его старые друзья и за большой подкупъ освободили отъ казни, а вмѣсто него казнили другого преступника. Совѣтника же скрыли въ сосѣднемъ государствѣ.

Прошли года, у царя явились такіе серьезные государственные вопросы, что ни одинъ изъ царскихъ совѣтниковъ не могъ разрѣшить ихъ.

Часто царь высказывалъ сожалѣніе о своемъ бывшемъ совѣтникѣ, говоря:

— Изъ-за дикой козы я пожертвовалъ такимъ умнымъ человѣкомъ, а будь онъ живъ—всѣ вопросы кончилъ бы въ 24 часа.

Старые друзья совѣтника, подслушавъ нѣсколько разъ подобное раскаяніе царя, рѣшились сознаться ему въ своемъ подлогѣ.

И вотъ, въ одинъ прекрасный день, когда царь былъ въ прекрасномъ расположеніи духа и разсыпалъ милости, явились друзья совѣтника и сказали:

— Прости насъ, государь! Твой первый совѣтникъ живъ! И они разсказали царю о своей подмѣнѣ.

Царь сердечно обрадовался и велѣлъ сейчасъ же привести совѣтника. Явился совѣтникъ и сказалъ:

— Государь мой, я прошелъ и испыталъ всѣ вопросы человѣческой мудрости, не доставало до конца рѣшить только три вопроса!

Совѣтникъ разсказалъ царю подробно все прошлое и велѣлъ сейчасъ же привести царскую любимую козу, что и было исполнено.

Царь обнялъ совѣтника и сказалъ:

— Другъ мой, изъ этого случая вытекаетъ, что самый страшный бичъ для насъ, это ложный доносъ, а потому намъ слѣдуетъ избѣгать въ особенности своихъ женъ.

Царь и мудрецъ.

Грузинская сказка.

Въ одномъ изъ восточныхъ государствъ царилъ нѣкогда шахъ Алли, человѣкъ по природѣ очень добраго и веселаго характера. Алли былъ очень любимъ своими подданными, которыхъ, въ свою очередь, любилъ отъ чистаго сердца. Шахъ игралъ съ ними какъ съ дѣтьми, давалъ имъ народные праздники, устраивалъ состязанія, объявлялъ награды для лучшихъ изъ поэтическихъ произведеній и проч., и проч. Шахъ былъ знатокъ нѣкогда славной арабской литературы и считался, по своему времени, ученымъ человѣкомъ; кромѣ того, онъ былъ острякъ и каламбуристъ и любилъ задавать народу веселыя загадки; отгадавшій немедленно получалъ призъ. Разъ ферраши (придворные служители) шаха объявили народу, что Алли назначаетъ въ награду триста золотыхъ тому изъ своихъ подданныхъ, который предложилъ бы ему вопросъ, на который шахъ непремѣнно долженъ будетъ сказать: «это не можетъ быть». Заволновался народъ отъ такого предложенія. Многихъ интересовало не столько пріобрѣтеніе шахскаго золота, сколько замысловатость самой загадки. Не только мужчины, но даже женщины и дѣти придумывали вопросы.

Насталъ торжественный день состязанія, и громадная площадь передъ дворцомъ шаха наполнилась любопытными. Въ извѣстный часъ заиграла туземная музыка, и къ народу вышелъ шахъ Алли, окруженный блестящею свитою. Послѣ обычныхъ привѣтствій, шахъ сѣлъ на возвышеніе, устроенное противъ трибуны, на которую должны были входить ораторы, имѣющіе всенародно представлять свои вопросы шаху.

Герольды прокричали вызовъ, и на трибунѣ появился мѣстный ученый, громкимъ голосомъ проговорившій:

— Шахъ, сейчасъ прискакалъ гонецъ изъ-за города и объявилъ мнѣ небывалую, неслыханную новость, а именно: на разсвѣтѣ нынѣшняго дня, въ двадцати верстахъ отъ твоей столицы, упала съ неба на землю луна и сожгла въ пепелъ двадцать двѣ деревни.—Шахъ подумалъ и отвѣчалъ:

— Это можетъ быть!

Ученый тихо сошелъ съ эстрады. Въ толпѣ народа раздался хохотъ. На смѣну явился мѣстный придворный шахскій докторъ и громкимъ голосомъ прокричалъ:

— Свѣтлѣйшій шахъ, сейчасъ въ твоемъ гаремѣ произошла небывалая, неслыханная вещь: твоя первая жена, твоя любимая Зюлейка, произвела, вмѣсто сына,—поросенка, совершенно обросшаго щетиной!

Шахъ снова подумалъ и снова отвѣтилъ:

— Это можетъ быть!

Докторъ сконфузился, а толпа народа захохотала пуще прежняго. За докторомъ вышелъ астрологъ, распознаватель будущаго по теченію планетъ небесныхъ.

— Благороднѣйшій шахъ, слѣдя за небесными свѣтилами, я узналъ очень печальную новость: тебя, царь, ожидаетъ весьма ужасная будущность: у тебя въ скоромъ времени выростутъ ноги, какъ у козла, а на рукахъ появятся когти, какъ у барса, ты будешь лишенъ дара слова и убѣжишь отъ насъ въ лѣса, гдѣ будешь жить ровно семь лѣтъ и три мѣсяца. Страшись шахъ!

Шахъ Алли добродушно улыбнулся и сказалъ:

— Это можетъ быть.

Астрологъ кубаремъ скатился съ трибуны, сопровождаемый хохотомъ и свистками толпы. Герольды снова прокричали вызовъ, но никто не явился, боясь неудачи и насмѣшекъ. Состязаніе было отложено на слѣдующій день, который также прошелъ безъ успѣха, ибо шахъ, на всѣ предлагаемые вопросы, хладнокровно отвѣчалъ: «это можетъ быть».

Народъ былъ въ восторгѣ отъ шутки, придуманной шахомъ; насмѣшкамъ, каламбурамъ и остротамъ не было конца, пока, наконецъ, не придумали отыскать нѣкоего Нассръ-Эдина, мудреца, славившагося своимъ остроуміемъ по цѣлому Востоку, чтобы противопоставить его шаху, какъ достойнаго соперника.

Насталъ третій и послѣдній день состязаній, и на эстрадѣ появился оборванный, чуть не голый, Нассръ-Эдинъ, таща за собою два огромныхъ глиняныхъ кувшина. Обращаясь къ шаху, онъ проговорилъ:

— Здравствуй, повелитель правовѣрныхъ, да будетъ имя твое бла-

гословенно! Ты будешь царствовать еще сто лѣтъ, а любовь и довѣріе твоихъ подданныхъ будутъ рости годъ отъ года.

— Это можетъ быть!—отвѣчалъ невозмутимо шахъ.

— Что довѣріе твоихъ подданныхъ къ тебѣ неограниченно, это можно видѣть изъ случая, о которомъ я разскажу и который ты, вѣроятно, не откажешь выслушать.

— Это можетъ быть!

— Слушай, шахъ, твой отецъ, отправляясь на войну съ невѣрными, былъ въ то время совсѣмъ безъ денегъ, не имѣя даже возможности собрать армію...

— Это можетъ быть!

— Мало того, что это можетъ быть, и дѣйствительно такъ было, но, вслѣдствіе безденежья, случилась вотъ какого рода исторія: твой отецъ попросилъ взаймы у моего отца вотъ эти два кувшина, полные золота и поручился при этомъ шахскимъ своимъ словомъ, что ты, шахъ, уплатишь долгъ своего отца, мнѣ, сыну моего отца.

Шахъ Алли расхохотался и сказалъ:

— Ну, этого не могло быть! Твой отецъ былъ такой же оборванецъ какъ и ты, и двухъ кувшиновъ золота онъ и во снѣ не видѣлъ. Возьми, Насср-Эдинъ, твои триста золотыхъ и убирайся ко всѣмъ чертямъ. Ты, мошенникъ, перехитрилъ меня!»

Зубатый и беззубый.

Грузинская сказка *).

Восточный шахъ Али пожелалъ увидѣть самаго голоднаго въ его царствѣ человѣка и затѣмъ узнать—сколько голодный человѣкъ можетъ съѣсть самой роскошной пищи за одинъ разъ, съ тѣмъ, чтобы пищу эту подавали ему самыми маленькими порціями.

Для этой цѣли шахъ объявилъ, что онъ намѣренъ обѣдать со своими придворными на дворцовой площади, подъ открытымъ небомъ.

Въ назначенный часъ накрыты были столы, поданъ обѣдъ и площадь наполнилась народомъ. Послѣ перваго кушанья шахъ взошелъ на приготовленное для него возвышеніе и сказалъ народу такую рѣчь:

— Мои вѣрные подданные! Вы видите какой у меня роскошный обѣдъ, а потому я желалъ бы подѣлиться съ тѣми изъ васъ, кто дѣйствительно голоденъ и долго не принималъ никакой пищи. Прошу сказать мнѣ по совѣсти, кто изъ васъ голоднѣе всѣхъ, пусть выйдетъ впередъ?!

Толпа заколыхалась и изъ нея вышли два человѣка: старикъ 50 лѣтъ и молодой человѣкъ 27 лѣтъ. Первый былъ сѣдъ и изнуренъ, второй свѣжъ и атлетическаго сложенія.

— Ты вслѣдствіе какихъ причинъ голодаешь?—спросилъ шахъ старика.

— Я старъ, дѣти мои умерли, работа изнуряетъ меня, и я три дня ничего не ѣлъ!

---

*) Авторъ настоящей сказки Саба Орбеліани.

— А ты почему?—обратился шахъ къ молодому.

— Работы не нашелъ, а между тѣмъ я молодъ, здоровъ и просить милостыни стыдно; а я тоже три дня не ѣлъ ничего.

Шахъ приказалъ подавать имъ кушанье на одной тарелкѣ и небольшими порціями.

Голодные жадно и быстро ѣли, яростно поглядывая другъ на друга. Вдругъ старикъ и молодой оставили пищу, и оба одновременно заплакали.

— Чего вы плачете?—спросилъ удивленный шахъ.

— У меня нѣтъ зубовъ,—говоритъ старикъ, указывая на молодого—и пока я разжевываю пищу, онъ все ѣстъ, да ѣстъ!

— А ты чего расплакался?—спрашиваетъ шахъ молодого.

— Неправда, неправда, пока я жую пищу, лукавый старикъ ее глотаетъ и глотаетъ, а совсѣмъ не жуетъ!...

Два брата.

Мингрельская сказка.

Было два брата. Одинъ братъ былъ умный, другой—дуракъ.

Однажды умный братъ сказалъ дураку: «Займемся какимъ-нибудь дѣломъ». Младшій братъ согласился, и оба пошли въ другую страну. Долго-ли, коротко-ли шли они—Богъ вѣдаетъ: можетъ быть—день, можетъ быть—два, можетъ быть—три, а можетъ быть шли и годъ, но они шли до тѣхъ поръ, пока не увидѣли одного пастуха, искавшаго себѣ въ помощники мальчика.

Дурень остался у пастуха пасти овецъ, а умный братъ отправился дальше.

Живетъ дурень въ домѣ пастуха день, два, три и пасетъ овецъ. Одинъ разъ хозяинъ дурня пошелъ куда-то, а дурень погналъ овецъ на пастбище, гдѣ онъ нашелъ яблоню, которая была покрыта спѣлыми яблоками. Чудакъ влѣзъ на верхушку дерева и началъ трясти яблоню, крича сверху баранамъ: «Мою долю вы поберегите, а тому, кто не сбережетъ моей доли, сниму голову». Струсивъ яблоки, дурень слѣзъ съ дерева и увидѣлъ, что бараны съѣли всѣ яблоки, и только у двухъ барановъ застряло по яблоку между рогами. Чудакъ разсердился на овецъ и убилъ ихъ всѣхъ, кромѣ этихъ двухъ, сорвавъ всѣмъ головы. Въ это время старшій братъ дурня посѣтилъ его и, увидѣвъ дѣло своего помѣшаннаго брата, разсердился на дурака. «Что ты надѣлалъ несчастный? Зачѣмъ погубилъ ты своего хозяина? Лучше теперь же уходи по добру по здорову, а то, какъ только хозяинъ узнаетъ твой поступокъ, тотчасъ же убьетъ и меня, и тебя!»—«Хорошо»,—сказалъ чудакъ, и оба брата удалились. Шли, шли они долго и, наконецъ, пришли вмѣстѣ въ одно государство. Старшій братъ сказалъ дурню: «Я для тебя найду здѣсь какое-нибудь дѣло, но съ условіемъ, что ты здѣсь не будешь сходить съ ума. Умный отдалъ дурня въ услуженіе честному человѣку. Новый хозяинъ назначилъ чудаку слѣдующія работы: во-первыхъ, мыть постоянно мать хозяина; во-вторыхъ, онъ долженъ готовить «цитки» *). Хо-

*) Кушанье изъ молока и муки.

зяинъ дурня былъ страстный охотникъ. Разъ онъ отправился на охоту. Какъ только ушелъ на охоту хозяинъ, дурень тотчасъ же принялся за свое дѣло: прежде всего вскипятилъ воду и сталъ кушать въ кипяткѣ мать своего хозяина, усердно моя ее мыломъ съ мочалкой. Старуха не долго мучилась и испустила духъ. Вымывъ старуху, дурень приготовилъ «цитки» и подалъ мертвой, но мертвая не принимала пищи. Дурень сталъ кричать на мертвую и спрашивать, почему она не ѣстъ. Въ это время пришелъ старшій братъ дурня и, увидѣвъ своего брата, сказалъ ему: «Хорошо же ты наработалъ! Зачѣмъ ты погубилъ этого добраго человѣка? Лучше намъ скорѣе уйти, а то если твой хозяинъ застанетъ насъ, и тебя и меня убьетъ. Братья бросились бѣжать. Дурень схватилъ котелъ, наполненный «цитки», и бѣжалъ вслѣдъ за своимъ братомъ. Умный спрашиваетъ дурака, зачѣмъ онъ тащитъ котелъ; но дуракъ не отвѣчаетъ и продолжаетъ бѣжать. На пути ихъ настигла ночь въ лѣсу, и оба брата влѣзли на дерево спать. Въ эту ночь пришла въ лѣсъ шайка разбойниковъ съ большой добычей, и они стали дѣлить ее какъ разъ подъ деревомъ, на которомъ были братья. Разбойники, раздѣливъ между собою добычу, расположились подъ деревомъ отдыхать и стали курить. Дурень, не долго думая, пустилъ своимъ котломъ съ «цитки» въ разбойниковъ. Котелъ попалъ въ голову одного изъ шайки. Разбойники въ страхѣ разбѣжались, оставивъ братьямъ все награбленное добро.

Царь и крестьянинъ.

Имеретинская сказка.

Одинъ крестьянинъ служилъ у царя долгое время. Когда онъ состарился и не могъ уже исполнять своихъ обязанностей, царь отпустилъ его. Чрезъ нѣсколько времени, гуляя съ тремя министрами, царь встрѣтилъ отпущеннаго на волю крестьянина, узналъ его и началъ разспрашивать о томъ, какъ онъ живетъ. Изъ отвѣтовъ крестьянина видно было, что онъ живетъ бѣдно. Царь пожалѣлъ его, а потомъ, подумавъ немного, обратился къ нему съ такимъ вопросомъ:

— Что, уже выпалъ на горахъ снѣгъ?

Крестьянинъ догадался, о какомъ снѣгѣ спрашиваетъ царь, и отвѣтилъ:

— Снѣгъ выпалъ не только на горахъ, но и на равнинахъ.

Царь предложилъ другой вопросъ:

— Темно-ли въ дали?

Догадливый крестьянинъ отвѣтилъ:

— Милостивый царь! не только вдали темно, но и вблизи не ясно.

Тогда царь предложилъ ему третій вопросъ:

— Какъ работаетъ пара?

— Къ парѣ приставили третью,—отвѣтилъ крестьянинъ.

— Я доволенъ твоими отвѣтами, сказалъ царь,—и за это пришлю тебѣ трехъ овецъ, а ты остриги ихъ такъ, чтобы шерсти хватило и тебѣ, и твоимъ потомкамъ.

Вернувшись во дворецъ, царь позвалъ къ себѣ трехъ министровъ, которые сопровождали его, и сказалъ имъ:

— Если вы не разъясните слышанныхъ вами отвѣтовъ крестьянина, то я лишу васъ жизней.

Сколько ни старались министры, никакъ не могли разъяснить отвѣтовъ. Наконецъ они пошли къ крестьянину и стали его упрашивать, чтобы онъ помогъ имъ.

— Я даромъ не помогу вамъ,—отвѣтилъ крестьянинъ.

Министры послѣ продолжительнаго торга согласились уплатить ему за помощь три милліона (?). Тогда крестьянинъ сказалъ имъ:

— Снѣгъ выпалъ не только на горахъ, но и на равнинахъ,—значитъ, что у меня посѣдѣли волосы не только на головѣ, а и въ бородѣ.

«Не только вдали темно, но и вблизи не ясно»—означаетъ, что мое зрѣніе совсѣмъ притупилось.

«Къ парѣ приставили третью»—значитъ, что къ своимъ ногамъ прибавилъ я палку, для облегченія ходьбы. А слова:

«Я пришлю къ тебѣ трехъ овецъ, а ты остриги ихъ такъ, чтобы овечьей шерсти хватило тебѣ и твоимъ потомкамъ»—означаютъ, что царь собирался послать васъ ко мнѣ, чтобъ я взыскалъ съ васъ такую сумму денегъ, чтобъ ея хватило и моимъ потомкамъ».

Министры возвратились къ царю и повторили объясненія крестьянина; царь остался доволенъ объясненіями и даровалъ имъ жизнь.

О Палеостомѣ.

Гурійская легенда.

Относительно происхожденія озера Палеостома *) у жителей Озургетскаго уѣзда сохранилось слѣдующее преданіе.

На мѣстѣ этого озера былъ нѣкогда городъ Палеостомъ. Въ этомъ городѣ была церковь, въ которой находилась икона Божіей Матери, принесенная Андреемъ Первозваннымъ.

Жители города до того развратились, что, несмотря на святость храма, начали въѣзжать въ него на коняхъ. Чтобы воспрепятствовать этому нечестію, Богъ настолько понизилъ двери церкви, что уже нельзя было въѣхать въ нее на лошади. Тогда жители города стали, при входѣ въ церковь, слѣзать съ лошадей, но все таки вводили ихъ за поводъ въ церковь. Богъ, желая, чтобъ они входили въ церковь безъ лошадей и нагнувшись, какъ бы кланяясь Ему, еще болѣе понизилъ двери. Жители города, дѣйствительно, стали оставлять лошадей на дворѣ, но не нагибались, при входѣ въ церковь, а просовывали туда сначала ноги, а потомъ и все тѣло. Тогда, видя неисправимость жителей, Богъ рѣшилъ потопить Палеостомъ.

Только одинъ человѣкъ, по имени Кико, хранилъ благочестіе. Господь явился ему во снѣ и сказалъ:

— Возьми икону Божіей Матери и отнеси ее въ селеніе Шемокмеды **), потому что городъ Палеостомъ долженъ погибнуть.

---

*) О происхожденіи Палеостома см. статью Н. И. Шафранова во II выпускѣ «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа», отд. 1, стр. 45—58.

**) Въ семи верстахъ отъ Озургетъ.

Кико немедленно сѣлъ на катера, святую икону поставилъ передъ собою, а сзади себя посадилъ уважаемую женщину, которой онъ не желалъ гибели, и поѣхалъ въ назначенное мѣсто. Какъ только Кико выѣхалъ изъ Палеостома, Богъ ударилъ сверху ливнемъ и потопилъ городъ. Ѣдетъ Кико, а потопъ настигаетъ его: заднія ноги катера уже были въ водѣ. Тогда является ему Господь и говоритъ:

— Брось женщину и спасешься, а не бросишь—такъ погибнешь!

Кико бросилъ женщину, и потопъ остановился.

Когда пріѣхалъ Кико въ Шемокмеды, черезъ три мѣсяца явился ему во снѣ Богъ и сказалъ:

— Возьми икону въ Бахви *).

Тогда Кико переселился въ Бахви и принесъ туда святую икону.

Царь и черти.

Рачинская сказка.

Жилъ на свѣтѣ одинъ престарѣлый царь, который при всякомъ произнесеніи кѣмъ-либо слова «чортъ» всегда отплевывался.

Черти терпѣли-терпѣли обиду царя, да потомъ и порѣшили отомстить ему. Съ этою цѣлью двое изъ нихъ превратились въ молодыхъ людей, а третій—въ мальчика. Молодые люди, въ сопровожденіи мальчика, пошли въ тотъ городъ, въ которомъ проживалъ престарѣлый царь. Прошлись они по кузнечному ряду и спрашиваютъ, не нужно-ли подмастерья. Долго никто не откликался на ихъ спросъ; наконецъ, одинъ кузнецъ согласился взять мальчика къ себѣ съ условіемъ, чтобы тотъ оставался у него три года. Молодые люди согласились и ушли назадъ. Чрезъ два года по тому-же кузнечному ряду проходятъ два дряхлыхъ старика и спрашиваютъ кузнецовъ, не можетъ-ли кто нибудь изъ нихъ передѣлать ихъ въ молодыхъ людей. Кузнецы только плечами пожимаютъ и, конечно, отказываются отъ такой работы. Но вотъ старики эти дошли и до той кузницы, въ которой жилъ чортъ въ подмастерьяхъ. Спрашиваютъ они хозяина-кузнеца, не можетъ-ли онъ посредствомъ огня и молота превратить ихъ въ молодыхъ людей. Хозяинъ удивился и отказался; но тутъ выскочилъ мальчикъ подмастерье и говоритъ:

— Я это могу сдѣлать; этому дѣлу учился я у прежняго своего хозяина.—Кузнецъ снова подивился, но разрѣшилъ своему подмастерью помолодить стариковъ. Подмастерье бросилъ ихъ въ огонь и, когда старики достаточно изжарились, вынулъ изъ горна, положилъ на наковальню и сталъ бить молотомъ. Черезъ минуту съ наковальни соскочили два прекрасныхъ молодыхъ человѣка, у которыхъ даже и усы еще не успѣли вырости.

Слухъ объ этомъ чудѣ разнесся по всему царству и дошелъ до царя. Царь обрадовался и, позвавъ къ себѣ чудодѣя-кузнеца, приказалъ ему передѣлать его въ молодого человѣка. Кузнецъ согласился, но подъ условіемъ, чтобы царь пожаловалъ въ его кузницу. Царь пошелъ. Под-

---

*) Селеніе, находящееся въ восьми верстахъ отъ Озургетъ.

мастерье схватилъ его, бросилъ въ огонь, и чрезъ полчаса отъ царя остались однѣ кости.

Сотвореніе міра.

Сванетская легенда.

I. Вначалѣ вселенная была покрыта водою. Богъ, создатель міра, въ то время находился въ Самкарской скалѣ. Однажды Онъ выскочилъ изъ нея и бросился въ воду; въ водѣ Ему стало холодно; Онъ вздохнулъ и проронилъ двѣ слезинки изъ глазъ. Слезинки эти превратились въ архангеловъ Михаила и Гавріила, изъ которыхъ первый постоянно стоитъ по правую сторону Бога, а второй—по лѣвую. Богъ все ниже и ниже опускался въ воду и тонулъ. Въ это время архангелы Михаилъ и Гавріилъ взяли Его подъ-руки и подняли вверхъ. Они втроемъ должны были какъ нибудь уничтожить воду и открыть сушу. Съ этою цѣлью они прибѣгли къ такому способу: начали дуть на воду и кое-какъ достигли бездны морской и стали на пескѣ. Здѣсь они замѣтили чьи-то слѣды. Богъ сказалъ: «Пойдемъ по этимъ слѣдамъ! посмотримъ, чьи они и куда насъ поведутъ». Архангелы согласились, пошли по замѣченнымъ слѣдамъ и пришли къ синему камню. Когда былъ поднятъ камень, оттуда выскочилъ Самоэль, который схватилъ Бога за горло и хотѣлъ Его задушить. Богъ опечалился и сталъ просить помощи у ангеловъ; но и тѣ не могли освободить Бога. Исхода не было, и Богъ началъ упрашивать Самоэля такъ:

— Отпусти только и проси, что хочешь.

Самоэль отвѣтилъ:

— Больше ничего не хочу, только побратаемся?!

Богъ согласился; Самоэль освободилъ Его и пошелъ своею дорогою. Богъ съ двумя ангелами остался на мѣстѣ. Приступили они къ отдѣленію воды отъ земли; но ничего сдѣлать не могли. Строили они стѣну между водою и сушею, но отъ напора воды стѣна разрушалась, и вода вновь соединялась съ сушею. Опечалились всѣ трое; видѣли они, что трудъ ихъ даромъ пропадалъ; не знали, что сдѣлать. Архангелъ Михаилъ сказалъ Богу: «Пойду къ Твоему брату, Самоэлю,—можетъ быть, онъ научитъ, что дѣлать».

Богъ согласился. Ангелъ пошелъ къ Самоэлю и разсказалъ ему о цѣли своего прихода. Самоэль, дѣйствительно, научилъ.

— Передай брату моему, Богу,—сказалъ Самоэль архангелу,—что, сколько можете, вы обтесывайте камни втроемъ, стройте стѣны и потомъ разрушайте ихъ опять. Это воздвиженіе и разрушеніе стѣнъ повторите много разъ и, когда оно вамъ надоѣстъ, приготовьте двѣ трубы, приложите одну къ другой и вы оба ангела трубите въ нихъ, сколько будетъ силы. Когда вы устанете, тогда самъ Богъ, насколько позволятъ Ему силы, пусть закричитъ громко, и суша освободится отъ воды: первая останется на мѣстѣ, а вторая отойдетъ въ другую сторону.

Архангелъ Михаилъ поблагодарилъ Самоэля за совѣтъ и возвратился къ Богу, Которому разсказалъ все. Богъ и архангелы исполнили предложеніе Самоэля, т. е. начали они тесать камни, строить стѣны и

уничтожать ихъ; выковали двѣ трубы, трубили въ нихъ, какъ могли; наконецъ, Богъ громко закричалъ, и послѣ этого вода пошла особо и суша показалась. По отдѣленіи воды отъ земли, Богъ въ теченіе семи дней сотворилъ всѣхъ животныхъ и человѣка. Первые люди были Адамъ и Ева. Богъ взялъ землю, вдунулъ въ нее душу, и явились Адамъ и Ева, оба слѣпые. Архангелъ Михаилъ, назначивъ имъ мѣстопребываніе, сказалъ имъ, чтобы до его прихода они никого не слушались, и ушелъ. Адамъ и Ева остались одни. Въ это время пришелъ къ нимъ Самоэль въ образѣ козла и сказалъ: «Чего вы стоите тутъ? вотъ около васъ яблоня, лѣзьте на нее и ѣшьте ея плодъ, и вы прозрѣете». Ева послушалась, полѣзла на дерево, сорвала яблоко, откусила и потомъ передала Адаму. Оба прозрѣли и устыдились своей наготы. Черезъ нѣкоторое время пришелъ архангелъ Михаилъ; позвалъ къ себѣ Адама и Еву, но они не показались, такъ какъ были наги. Ангелъ понялъ, въ чемъ было дѣло, сказалъ имъ, что было бы лучше, если бы они подождали, и оставилъ ихъ. Послѣ этого размножилось потомство Адама и Евы въ томъ видѣ, въ какомъ теперь видимъ. Если бы Адамъ и Ева не послушались Самоэля и не стали бы ѣсть яблоковъ, то ихъ потомство было бы счастливо: оно имѣло бы пищу, питье и одежду даромъ, безъ труда; женщина рожала бы безъ страданій. Послѣ всего случившагося Самоэль пошелъ къ Богу и въ качествѣ «брата» просилъ отмежевать ему его долю. Богъ отказалъ.

«Такъ зачѣмъ же призналъ меня братомъ?»—сказалъ Самоэль Богу.—Если другого ничего не дашь, то, по крайней мѣрѣ, дай мнѣ «сапицари» *).—Богъ далъ сапицари Самоэлю; послѣдній проглотилъ его и пошелъ къ себѣ въ адъ. Прошло много времени, и родился Христосъ. Послѣдній, взявъ съ Собою, что было на свѣтѣ живого, начиная съ человѣка и кончая пресмыкающимися, пошелъ въ адъ. Тамъ Его встрѣтилъ Самоэль. Христосъ, какъ только увидѣлъ Самоэля, схватилъ его за горло, стиснулъ рукой и заставилъ его выбросить изо рта сапицари. Самоэлю это въ высшей степени не понравилось и, чтобы отмстить Христу, онъ такъ затемнилъ адъ, что Христосъ и Его проводники два мѣсяца искали выхода изъ него. Опечалился Христосъ, обратился Онъ къ Своимъ проводникамъ и просилъ всѣхъ—не найдетъ-ли кто дверей. Нашелся одинъ человѣкъ, который, входя въ адъ, привязалъ къ дверямъ своего осла. Оселъ этотъ по голосу узналъ своего хозяина и отвѣчалъ на его зовъ. Вотъ этотъ человѣкъ и сказалъ Христу, что онъ выведетъ Его изъ ада, если Онъ, Христосъ, дастъ ему хорошій подарокъ. Христосъ обѣщалъ дать столько золота, сколько вѣситъ онъ самъ, владѣлецъ осла. Хозяинъ крикнулъ осла; послѣдній отозвался. Хозяинъ пошелъ въ ту сторону; за нимъ послѣдовалъ Христосъ со Своими проводниками и, такимъ образомъ, всѣ вышли изъ ада. Христосъ, обратившись къ этому человѣку, сказалъ: «На, получай подарокъ!» Въ отвѣтъ на это проводникъ, отказавшись отъ золота, равнаго ему по вѣсу, вынулъ изъ-за пазухи человѣческое сердце, бросилъ его на землю и попросилъ Христа покрыть его золотомъ, говоря, что онъ ни о чемъ больше не будетъ просить и удовлетворится этимъ.

*) Это «сапицари» было нѣчто такое, въ силу котораго все, что ни жертвовалъ человѣкъ Богу и что ни приносилъ онъ для угощенія, при поминаніи усопшаго, принадлежало хозяину «сапицари».

Христосъ набросалъ несмѣтное количество золота на сердце, но покрыть его не могъ, каждый разъ оно подскакивало вверхъ. Проводники Христа тоже набросали по одной горсти золота, но тоже не достигали цѣли. Въ это время вышелъ одинъ человѣкъ, взялъ горсть земли и бросилъ ее на сердце. Сердце тотчасъ же остановилось и умерло. Послѣ этого люди стали умирать, и потому говорятъ: «Ничто не насытитъ человѣческаго сердца, кромѣ черной земли». При выходѣ Христа и Его проводниковъ изъ ада, мышь, между прочимъ, несла колосъ пшеницы. Вдругъ ее догнала кошка и отняла четверть колоса; затѣмъ догнала во второй разъ и отняла вторую четверть; въ третій разъ—третью, и когда въ четвертый разъ хотѣла сдѣлать тоже самое, то кошку схватила собака и тутъ же задушила. Если бы кошка вынесла колосъ совсѣмъ, то у человѣка было бы всегда много пшеницы. По этой причинѣ кошкѣ не слѣдуетъ давать пшеничный хлѣбъ: это ей запрещено, а собакѣ нѣтъ.

II. Прежде всего Богъ сотворилъ небо. Онъ заставилъ дождь итти 6 дней. Сколько капель дождя упало въ теченіе 6 дней, столько создалось ангеловъ, которыхъ Богъ взялъ на небо. Послѣ неба и ангеловъ Богъ создалъ видимый міръ и, наконецъ, Адама и Еву. Послѣднихъ помѣстилъ Онъ въ одномъ ковчегѣ и приказалъ имъ, чтобъ они до Его возвращенія никого не слушались; караулить ихъ поставилъ волка, а Самъ поднялся на небо. Къ Богу не явились созданные Имъ ангелы, и это было Ему непріятно, а потому Онъ ихъ всѣхъ низвергнулъ на землю и превратилъ въ діаволовъ. Одинъ изъ нихъ вошелъ въ ковчегъ и обманулъ Адама и Еву. Если-бы они не поддались обману, Богъ устроилъ-бы ихъ жизнь такимъ образомъ: пищу и платье всякаго рода и вкуса они получали-бы съ неба; мать рожала-бы ребенка изъ подъ мышки и такъ легко, что она объ его рожденіи узнавала бы только тогда, когда онъ на другой день сталъ-бы сосать у нея грудь. Адамъ и Ева и ихъ потомки еще могли-бы найти себѣ спасеніе, если-бы они второй разъ не прогнѣвали Бога. Когда Ева забеременѣла и затѣмъ наступило время родовъ, то она сильно страдала и плакала. Такое положеніе Евы очень опечалило Адама: «Ахъ, если-бы кто могъ спасти Еву отъ страданій, я бы исполнилъ всякую его просьбу»,—говорилъ Адамъ. Въ это время тутъ же явился Самоэль и сказалъ ему: «Пообѣщай, что пока нерождаемый не родится и безсмертный не помретъ, до тѣхъ поръ твое потомство мнѣ будетъ подчиняться» Адамъ далъ такое обѣщаніе. Такимъ образомъ, родъ Адама и Евы подчинился Самоэлю. Вѣсть объ этомъ дошла до Бога, и Ему стало непріятно. Онъ созвалъ Своихъ ангеловъ и, посовѣтовавшись съ ними, рѣшилъ, чтобы родился Христосъ, какъ «нерождаемый» и «безсмертный». Родился Христосъ, и господство діавола исчезло. Христосъ жилъ на свѣтѣ 12 лѣтъ.

Далеко-ли Іерусалимъ.

Армянское преданіе.

Въ одномъ селѣ жилъ старикъ со старухою, у которыхъ былъ единственный сынъ, отличавшійся замѣчательною религіозностью: ни одного

богослуженія онъ не пропускалъ, ни одного поста не нарушалъ, а свободное отъ работъ время посвящалъ чтенію душеспасительныхъ книгъ. За это Богъ далъ ему такую красивую, умную и добрую жену, какой не было въ селѣ; чуть свѣтъ она вставала, кормила домашнюю птицу, доила козъ и коровъ и затѣмъ цѣлый день хлопотала по хозяйству; ни одна нищая не выходила изъ ихъ дома съ пустыми руками.

Вотъ разъ она заходитъ къ своей сосѣдкѣ поговорить и видитъ: та суетится около тондира. Она подходитъ ближе, и что же! Сосѣдка зарѣзала щенка, развела огонь и варитъ въ котлѣ его мясо. Ужаснулась добрая женщина и спрашиваетъ, зачѣмъ она варитъ собаку. «Ахъ бѣдность, бѣдность!—отвѣтила сосѣдка.—Я беременна, и вотъ мнѣ захотѣлось барашка. Но гдѣ намъ взять столько денегъ, чтобы купить барашка. Думала я, думала и рѣшила зарѣзать щенка, сварить его и съѣсть. Добрая женщина сняла съ огня котелъ, вылила воду, бросила мясо въ огонь, вычистила тщательно пескомъ котелъ и, ничего не говоря ни мужу, ни свекру, ни свекрови, зарѣзала откормленнаго барашка, сварила его и принесла своей бѣдной сосѣдкѣ. Та съѣла барашка и словъ не находила, какъ благодарить добрую женщину.

Послѣ этого случая прошло нѣсколько недѣль, когда вдругъ старики вздумали отправиться на богомолье. «Вотъ ужъ мы въ преклонныхъ лѣтахъ,—говорили они,—и дни наши сочтены; у насъ много разнаго богатства и денегъ. Дай, пойдемъ въ Іерусалимъ, попросимъ у Бога прощенія за грѣхи, и тогда можемъ умереть спокойно. И старики стали собираться немедленно въ путь, а черезъ недѣлю уже были въ дорогѣ, оставивши дома сына и его добрую жену. Много-ли прошли наши старики, мало-ли прошли, Богъ знаетъ. Только на третій день, къ вечеру, замѣчаютъ они, что недалеко отъ нихъ идетъ по направленію къ Іерусалиму женщина, очень похожая на ихъ сноху. Они прибавляютъ шагу, чтобы догнать ее, но никакъ не могутъ. Тогда они рѣшили искать ее въ Іерусалимѣ между богомольцами; въ крайнемъ случаѣ они надѣялись встрѣтиться съ ней въ храмѣ во время богослуженія. И дѣйствительно, утромъ пошли старики къ обѣднѣ и видятъ, что ихъ сноха стоитъ у самаго клироса и молится.

Старики, по окончаніи службы, становятся на паперти, чтобы хотя при выходѣ задержать сноху и выбранить за то, что она осмѣлилась одна, безъ знакомыхъ и родственниковъ, итти такъ далеко. Но вотъ всѣ уже вышли изъ церкви, а между тѣмъ между вышедшими они не замѣчаютъ своей снохи. Приходятъ старики на второй, на третій, на четвертый день въ церковь, каждый разъ видятъ свою сноху стоящею у клироса, но никакъ имъ не удается поговорить съ ней. Наконецъ старики возвращаются домой, и, первымъ дѣломъ, свекровь спрашиваетъ сноху, съ кѣмъ она ходила въ Іерусалимъ. Та божится, клянется, что она не только не была въ Іерусалимѣ, но даже дороги туда не знаетъ. Но старуха ей не вѣритъ и обращается съ тѣмъ же вопросомъ къ сыну. Когда же и тотъ сказалъ, что жена его никуда не уѣзжала, старики рѣшили, что сноха ихъ обманываетъ. И вотъ, желая узнать истину, они обращаются къ приходскому священнику и просятъ его, чтобы тотъ призвалъ ихъ сноху исповѣдываться и выпыталъ у нея правду. Но та и на исповѣди объясняетъ священнику, что она даже дороги въ Іеруса-

лимъ не знаетъ. Тогда священникъ проситъ ее разсказать о какомъ-нибудь богоугодномъ дѣлѣ, которое она совершила въ своей жизни. Добрая женщина припомнила случай съ сосѣдкой и разсказала о немъ священнику. Тутъ священникъ понялъ, что за милосердіе этой женщины ангелы берутъ ея душу въ Іерусалимъ на молитву, и объяснилъ старикамъ въ чемъ дѣло. Тогда свекоръ и свекровь поцѣловали сноху въ лобъ и сказали: «Дочь наша! мы столько потрудились, столько денегъ израсходовали и поѣхали въ Іерусалимъ, а ты намъ показала, что Іерусалимъ у нашихъ воротъ, и мы можемъ часто молиться тамъ». И съ этого времени, по примѣру своей доброй снохи, они принимали всѣхъ приходившихъ къ нимъ бѣдняковъ и помогали имъ по силѣ возможности.

Чудовище и отшельникъ.

Армянское преданіе.

Въ восточной части Елисаветпольскаго уѣзда находится чайкендская котловина, а въ ней расположено селеніе Чайкендъ. Горы, окружающія это селеніе, покрыты роскошными лѣсами и усѣяны множествомъ пещеръ. Есть древнее преданіе, что въ одной изъ этихъ пещеръ нѣкогда скрывалось чудовище, которое причиняло много вреда жителямъ этой мѣстности. У однихъ оно захватывало имущество, а другихъ обращало въ рабство; подъ его властью было нѣсколько селеній; рабы, которые не въ состояніи были исполнить какого-либо порученія чудовища, съѣдались имъ.

Однажды чудовище посылаетъ своихъ рабовъ въ сосѣднія страны привести къ нему самую красивую дѣвушку, на которой оно могло бы жениться. Рабы тотчасъ отправились, но не могли найти такой красавицы, какой потребовало чудовище. Наконецъ, боясь сдѣлаться жертвами чудовища, они, сговорившись между собою, отправились къ нему и сказали: «Мы нигдѣ не встрѣтили болѣе красивой дѣвушки, чѣмъ дочь пастуха въ ближнемъ селѣ—Чайкендѣ». Тогда чудовище немедленно отправляетъ своихъ рабовъ съ богатыми дарами къ чайкендскому пастуху, прося выдать за него свою дочь. Отправляя своихъ рабовъ, оно думало, что пастухъ обрадуется, когда узнаетъ, кто сватается къ его дочери, и что ему будетъ очень лестно имѣть такого сильнаго и богатаго зятя; но вышло иначе: пастухъ не принялъ подарковъ и отослалъ рабовъ назадъ, приказавъ передать чудовищу, что онъ ни за какія блага не выдастъ за него своей дочери. Узнавъ объ отказѣ пастуха, чудовище разсвирѣпѣло и сказало: «Какъ смѣетъ такое ничтожное существо сопротивляться мнѣ? Развѣ онъ не знаетъ, что его жизнь находится въ моихъ рукахъ? За такую дерзость я не только его одного, но и цѣлое селеніе уничтожу однимъ камнемъ». И чудовище отправилось на вершину горы, у подошвы которой находится селеніе Чайкендъ, оторвало отъ горы огромный камень и хотѣло скатить его въ котловину на населеніе, чтобъ истребить всѣхъ жителей Чайкенда. Въ это время на склонѣ другой противоположной горы, у гроба своей сестры, сидѣлъ въ своемъ жилищѣ отшельникъ и слѣдилъ за всѣми движеніями чудовища. Покой-

Тифлисъ. Памятникъ князю М. С. Воронцову.

ная сестра этого отшельника была надѣлена съ избыткомъ лучшими дарами неба: кротостью, добротою и умомъ. Отшельникъ въ молодости со своею сестрою былъ въ плѣну у язычниковъ. И вотъ молодой языческій вождь влюбился въ его сестру и нѣсколько разъ просилъ ее выйти за него замужъ, но она не соглашалась сдѣлаться женою язычника. Вождь, видя, что на нее не дѣйствуютъ просьбы, сталъ угрожать ей смертною казнью и даже хотѣлъ жениться на ней насильно. Тогда братъ и сестра рѣшились искать спасенія въ бѣгствѣ. Убѣжавъ, они укрылись у одного пастуха въ селѣ Чайкендѣ. Языческій вождь немедленно послалъ отрядъ въ погоню за бѣглецами. Узнавъ отъ пастуха, что приближаются какіе-то язычники, братъ и сестра бросились въ ближайшій лѣсъ, но язычники увидѣли ихъ издали. Одинъ изъ всадниковъ натянулъ лукъ и пустилъ въ бѣглецовъ стрѣлу. Стрѣла попала въ дѣвушку и смертельно ранила ее. Но брату все-таки кое-какъ удалось унести трупъ сестры въ лѣсъ и тамъ укрыться отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій. А когда язычники ушли, братъ похоронилъ сестру на склонѣ одной горы у полуразвалившейся пещеры и далъ обѣтъ Богу всю свою жизнь провести въ одиночествѣ близъ ея гроба.

Вотъ этотъ-то самый отшельникъ, слѣдя за движеніями чудовища и догадываясь, въ чемъ дѣло, сталъ на колѣни и просилъ Бога, чтобы Онъ спасъ несчастныхъ жителей селенія, и Господь услышалъ его молитву. Чудовище толкнуло камень съ вершины горы, но камень покатился недалеко: на склонѣ горы образовалась большая котловина, которая и задержала громаду, катившуюся на селеніе. Чудовище, увидя, что камень остановился, разсвирѣпѣло, подбѣжало къ камню, собрало всѣ свои силы и ухватило его обѣими руками, чтобы снова столкнуть на селеніе, но, какъ только оно схватило огромный камень, произошло чудо: чудовище не могло оторваться отъ громады и само окаменѣло, а жители Чайкенда были спасены отъ вѣрной погибели и скоро сдѣлались свидѣтелями новаго чуда.

Однажды, ночью, чайкендцы увидѣли въ лѣсу большой огонь у жилища отшельника. Нѣсколько смѣльчаковъ сейчасъ же отправились туда, и что же предстало ихъ взорамъ?

Крыша жилища отшельника горѣла и не сгорала. Когда же стало разсвѣтать, то пламя исчезло. Чайкендцы вошли въ жилище отшельника и увидѣли, что онъ лежитъ мертвый. Тогда отшельника похоронили съ почетомъ въ его жилищѣ, близъ могилы его сестры, а самое то мѣсто стало читаться святымъ. Впослѣдствіи надъ могилою отшельника была построена небольшая каменная церковь, которая носитъ названіе «Пандъ», что на мѣстномъ армянскомъ нарѣчіи значитъ крѣпость *).

Однажды,—разсказываетъ преданіе,—какіе-то язычники-разбойники забрались черезъ окно въ эту церковь, чтобы похитить хранившіяся въ ней сокровища. Разбойники, несмотря на долгіе поиски, ничего не нашли въ церкви, кромѣ святой серебряной чаши, оправленнаго въ серебро евангелія и серебрянаго креста. И вотъ, когда они уже хотѣли бы-

*) Окаменѣлое чудовище съ камнемъ въ рукахъ показываютъ и теперь около Чайкенда, а святая церковь «Пандъ» нынѣ возобновлена, и туда ежегодно стекается много богомольцевъ на поклоненіе праху святого отшельника.

ло оставить храмъ, они вдругъ почувствовали, что у нихъ отнялись ноги, а уста онѣмѣли. Это такъ ихъ поразило, что они увѣровали въ Единаго Бога, рѣшили оставить свой гнусный промыселъ и сдѣлаться добрыми христіанами. И тогда Господь Богъ вернулъ имъ даръ слова и способность двигаться.

О Дивъ архѣ.

Армянское преданіе.

Рѣка Тертеръ, протекая между высокими, горами, покрытыми лиственнымъ лѣсомъ, недалеко отъ селенія Мадагисъ, Джеванширскаго уѣзда, выступаетъ съ шумомъ на равнину. Гора, которая тянется съ лѣвой стороны рѣки, отлога, такъ что легко можно было-бы взобраться на нее, если бы не мѣшали непроходимые лѣса; гора, идущая по правую сторону рѣки, напротивъ, возвышается почти отвѣсно. Множество канавъ, берущихъ свое начало отъ Тертера, пересѣкаютъ примыкающую къ этимъ горамъ равнину. Отъ иныхъ канавъ остались только едва замѣтные слѣды. Но одна изъ нихъ, идущая по правую сторону рѣки, и въ настоящее время поражаетъ своею шириною и длиною. Если смотрѣть съ лѣваго берега Тертера, то ясно можно видѣть ея русло вдоль скалистаго, обрывистаго берега рѣки. Она называется «Дивъ архъ», т. е. канава великана.

Нѣкогда въ томъ мѣстѣ Карабаха, гдѣ нынѣ Джеванширскій уѣздъ, властвовалъ какой-то ханъ. У него была дочь, которая превосходила всѣхъ красавицъ своею красотою. Въ нее влюбились два юноши. Одинъ изъ нихъ отличался богатствомъ, а другой славился силою и храбростью во всемъ царствѣ: всѣ люди дрожали передъ нимъ, и народъ поэтому далъ ему прозвище «Дивъ» (великанъ). Оба юноши предлагали царевнѣ руку, но она не знала, чье предложеніе принять.

— Я выйду замужъ,—наконецъ она сказала имъ,—за того, кто раньше выроетъ канаву и проведетъ воду по ней изъ рѣки Тертера на равнину; но пусть одинъ начнетъ рыть ее съ одной стороны, а другой съ другой стороны рѣки, и оба должны начать работу въ одно время.

Вотъ идутъ они и горячо принимаются за работу. Богатый юноша прибѣжалъ къ рѣкѣ и выбралъ себѣ хорошее легкое мѣсто на лѣвомъ ея берегу, а Диву оставилъ правый берегъ,—скалистый и обрывистый. Но Дивъ не обратилъ на это вниманія: онъ, изъ горячей любви къ ханской дочери, съ надеждою на Бога, смѣло принялся за работу.

Богатый юноша, зная, что самому ему не въ силу трудъ, нанялъ нѣсколько десятковъ работниковъ, и тѣ по его указанію стали рыть канаву. Дивъ дѣйствовалъ своею собственною силою, а богатый юноша—деньгами. Дивъ работалъ съ такимъ усердіемъ, что не чувствовалъ цѣлый день, съ ранняго утра до поздняго вечера, ни усталости, ни голода. У него работа такъ и кипѣла; камни словно сами такъ и катились; цѣлыя деревья съ корнями, словно невидимой силой, вырывались изъ земли. Съ другой стороны, подстрекаемые хорошею платой, съ большимъ усердіемъ трудились и работники богатаго юноши.

Но Дивъ, изъ любви къ ханской дочери, съ каждымъ днемъ усиливалъ свое усердіе, и чѣмъ далѣе, тѣмъ энергичнѣе шла у него работа. Каждый день, утромъ и вечеромъ, онъ смотрѣлъ на работы своего соперника. Въ это время дочь хана каждый день посылала людей къ женихамъ узнавать о ходѣ ихъ работъ. Когда она услыхала объ изумительныхъ работахъ Дива, то заочно крѣпко полюбила его и рѣшилась непремѣнно быть его женою. Работа у Дива уже подходила къ концу, у богатаго-же юноши оставалось работы еще на нѣсколько дней. Видя это, богачъ сильно огорчился; онъ ясно видѣлъ, что Дивъ одержитъ побѣду. Но богатаго юношу выручила изъ бѣды одна старуха. Она пришла къ богачу и говоритъ:

— Что ты дашь мнѣ, если я заставлю Дива убить самого себя, такъ что твоя возлюбленная достанется тебѣ?

— Дамъ все, что захочешь, если ты исполнишь это,—отвѣтилъ богатый юноша.

— Иди, купи мнѣ нѣсколько сотъ аршинъ холста,—сказала старуха. Немедленно онъ исполнилъ ея требованіе: купилъ холста и принесъ ей въ то время, когда Дивъ уже окончилъ работу и готовился на слѣдующее утро пустить по канавѣ воду на равнину. Старуха приказала положить холстъ на ночь въ воду, а на разсвѣтѣ разостлать его по канавѣ богатаго юноши. Все было исполнено.

Дивъ рано утромъ всталъ и хотѣлъ было направить воду по своей канавѣ, но, посмотрѣвъ на канаву своего соперника, увидѣлъ, что въ ней что-то блеститъ при яркихъ лучахъ восходящаго солнца; мигомъ мелькнула въ головѣ его мысль, что его соперникъ уже окончилъ свою работу, и, блестя на солнцѣ, идетъ по его канавѣ вода; не желая пережить своего пораженія, юноша въ отчаяніи пронзилъ себя мечомъ. Въ тотъ же день ханская дочь узнала чрезъ своихъ людей о самоубійствѣ Дива и о коварствѣ богатаго юноши. Дива похоронили на берегу рѣки, на томъ мѣстѣ, гдѣ вырывается она изъ горъ на равнинѣ. Канава Дива стала называться по его имени: «Дивъ архъ».

Ханская же дочь, послѣ смерти Дива, еще больше стала любить его; она нигдѣ не находила утѣшенія и, отъ горя, наконецъ, заболѣла; передъ смертью она умоляла своихъ родителей, чтобы ее похоронили около Дива. Родители исполнили просьбу своей любимой дочери и похоронили ее рядомъ съ Дивомъ.

Обо всемъ этомъ зналъ богатый юноша: пылая ненавистью къ своему сопернику и отвергшей его любовь ханской дочери, онъ и въ ихъ могилахъ продолжалъ мстить имъ. Чтобы разъединить ихъ, онъ похоронилъ между ихъ могилами трупъ старухи, которая своимъ совѣтомъ погубила Дива, а вмѣстѣ съ нимъ и его невѣсту: «Какъ при жизни она не дала имъ соединиться,—думалъ онъ,—такъ не дастъ соединиться и послѣ смерти». Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени изъ могилъ Дива и его невѣсты выросли два розовыхъ куста, но между ними, изъ могилы старухи, выросъ терновый кустъ; расцвѣли розы на обоихъ кустахъ и потянулись отъ одного куста къ другому, но терновникъ не пускалъ ихъ другъ къ другу.

Теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, были три могилы, построенъ черезъ рѣку каменный мостъ. Говорятъ, что онъ построенъ бога-

тымъ юношою въ честь старухи,—за то, что она исполнила его желаніе.

Онъ назвалъ этотъ мостъ Гарры-Корфи *), что значитъ мостъ старухи.

Царскій сынъ и лягушка.

Армянская сказка.

Жилъ-былъ одинъ царь; у него было трое дѣтей: Бала, Мегри и Сеганъ. Отецъ ненавидѣлъ младшаго своего сына, Сеграна, и всегда наказывалъ его за малѣйшій проступокъ. Долго выносилъ эти наказанія Сеганъ и, наконецъ, вышедши изъ терпѣнія, оставилъ домъ отца и удалился въ лѣсъ. Тамъ онъ нашелъ старую избу и сталъ въ ней жить. Каждый день, возвращаясь съ охоты, онъ находилъ избу убранною, несмотря на то, что по утрамъ все въ ней бывало въ безпорядкѣ. Такое необычайное явленіе изумило его, и, чтобы раскрыть эту тайну, онъ спрятался однажды въ избѣ и сталъ караулить. Къ вечеру онъ увидѣлъ, что вошла въ избу лягушка и, взявъ метлу, стала подметать полъ избы, а потомъ привела и все другое въ порядокъ. Послѣ этого лягушка уже хотѣла-было уйти, но Сеганъ бросился къ ней, чтобы поймать ее. Только, когда онъ подошелъ къ лягушкѣ, вмѣсто гадины, вдругъ очутилась предъ нимъ прекрасная дѣвица. Очарованный ея красотою, Сеганъ женился на этой дѣвушкѣ, и они стали жить весело и счастливо.

Между тѣмъ отецъ Сеграна долго по всему царству искалъ своего сына, но не могъ найти и, наконецъ, совершенно забылъ о немъ. Но вотъ приходитъ одинъ иностранецъ и разсказываетъ царю, что въ такомъ-то лѣсу, въ избѣ, живутъ два человѣка—мужъ и жена. Царь тотчасъ-же отправляетъ своихъ сыновей въ лѣсъ за этими людьми.

Бала и Мегри находятъ въ указанной иностранцемъ избушкѣ младшаго брата, Сеграна, и требуютъ, чтобъ онъ вмѣстѣ съ женою отправился къ отцу.

Сеганъ согласился. Царь принялъ его радушно и устроилъ пиръ въ честь сына. Во время пира, находясь подъ вліяніемъ вина, царь обѣщалъ отдать Сеграну половину своихъ сокровищъ. Когда же прошло нѣсколько дней, царь опять сталъ относиться къ сыну враждебно. Вотъ онъ призываетъ его къ себѣ и говоритъ ему:

— Сынъ мой! если хочешь получить обѣщанную мною часть сокровищъ, то сдѣлай, что я скажу тебѣ: иди въ лѣсъ и принеси мнѣ бревно, какъ толщиною, такъ и вышиною въ пятьдесятъ саженъ.

Сеганъ пришелъ къ царю съ радостью, думая, что получитъ обѣщанное, но теперь возвратился домой совсѣмъ грустный. Когда онъ разсказалъ женѣ своей о волѣ царя, то жена сказала ему, что исполнить это порученіе легко, стоитъ только пойти къ Морю и попросить у нея такого бревна; Море, какъ сестра ея, не откажетъ въ помощи.

---

*) Въ картѣ, изданной кавказскимъ военнымъ округомъ, онъ называется «Кары-Керпи».

Долго Сегранъ не вѣрилъ женѣ своей, наконецъ согласился и отправился къ Морю. И, дѣйствительно, Море дала ему такое бревно и даже обѣщала донести его до самаго царскаго дворца. На другой день послѣ этого царь опять позвалъ Сеграна и сказалъ ему:

— Я очень благодаренъ тебѣ за то, что ты досталъ бревно, но прошу исполнить еще другое мое порученіе: я намѣренъ накормить пловомъ всѣхъ людей на земномъ шарѣ, но у меня нѣтъ котла, въ которомъ можно было бы приготовить столько кушанья; надѣюсь, что ты достанешь такой котелъ.

Сегранъ пошелъ домой и разсказалъ о новомъ порученіи царя.

Жена посовѣтовала опять отправиться къ Морю. Сегранъ во второй разъ отправился къ свояченицѣ и попросилъ у нея такого котла. Море обѣщала принести рано утромъ требуемый котелъ на царскій дворъ. Когда царь увидѣлъ, что Сегранъ исполнилъ и это порученіе, то призвалъ его къ себѣ и сказалъ ему:

— Сынъ мой, ты исполнилъ мои приказанія и достоинъ получить обѣщанную тебѣ часть моихъ сокровищъ, но, къ сожалѣнію, ключъ отъ нихъ находится у твоей матери, которая теперь на томъ свѣтѣ; если ты пойдешь и принесешь ключъ, то непремѣнно получишь свою часть.

Сегранъ потерялъ совершенно надежду на полученіе сокровищъ и отправился домой. Жена, которая съ нетерпѣніемъ ждала мужа, увидѣвъ Сеграна, спросила о томъ, какъ поступилъ царь съ нимъ. Сегранъ сказалъ ей, что отецъ предлагаетъ ему итти на тотъ свѣтъ, чтобы взять у матери ключъ.

Въ словахъ Сеграна звучало полное отчаяніе, но жена спокойно выслушала его до конца и сказала, что чрезъ сестру ея, Море, онъ можетъ исполнить и это порученіе.

На другой день Сегранъ отправился ко Морю и разсказалъ ей все, какъ было. Море дала ему осла и сказала:

— Сядь на этого осла и поѣзжай въ томъ направленіи, куда пойдетъ онъ самъ. Прежде всего ты встрѣтишь гору, которая тотчасъ раздѣлится надвое, когда ты подъѣдешь къ ней, и ты отправишься посрединѣ ея; потомъ будутъ встрѣчаться тебѣ, одна за другою, могилы: ты долженъ на каждую изъ этихъ могилъ бросать ячмень, и на какой могилѣ твой оселъ станетъ ѣсть ячмень, значитъ та и есть могила твоей матери.

Сегранъ сѣлъ на осла и отправился въ путь. Чрезъ десять дней онъ вступилъ въ гору, которая раздѣлилась на двѣ части, и онъ проѣхалъ посрединѣ ея. Послѣ этого онъ встрѣтилъ лежащаго на мосту человѣка, у котораго впадина одного глаза была наполнена водою, и эту воду пили два быка. Сегранъ спросилъ этого человѣка, почему онъ находится въ такомъ состояніи; но тотъ отвѣчалъ, что объяснитъ ему это на обратномъ пути. Потомъ Сегранъ встрѣтилъ другого, —съ тяжестью на спинѣ. На вопросъ, почему онъ тутъ стоитъ, Сегранъ получилъ такой же отвѣтъ, какъ и отъ перваго. Далѣе, онъ встрѣтилъ дѣвушку, которая носила на спинѣ воду и кричала:

— Воды!... хоть бы мнѣ каплю воды!... умираю отъ жажды.

На вопросъ Сеграна, почему она такъ кричитъ, она отвѣтила такъ же, какъ и первые двое. Наконецъ Сегранъ увидѣлъ двѣ комнаты, свѣт-

лую и темную, а около нихъ—человѣка, который отправлялъ однихъ людей въ свѣтлую, а другихъ въ темную комнату. Въ первой комнатѣ онъ нашелъ свою мать и, взявъ у нея ключъ, возвратился назадъ. При разставаніи мать сказала Сеграну:

— Какъ только пріѣдешь къ отцу твоему и скажешь ему: «ключъ привезъ», онъ тотчасъ умретъ.

Прежде, чѣмъ пуститься въ обратный путь, Сегранъ спросилъ человѣка, который отправлялъ однихъ людей въ свѣтлую, а другихъ—въ темную комнату,—что онъ дѣлаетъ.

— Я,—отвѣтилъ онъ,—на томъ свѣтѣ былъ судьею и постоянно рѣшалъ дѣла справедливо, поэтому Богъ назначилъ меня и здѣсь на такую же должность.

Возвращаясь домой, Сегранъ встрѣтился со всѣми своими прежними знакомыми. При этомъ дѣвушка, которая носила холодную воду и постоянно кричала: «Воды, воды! умираю отъ жажды», сказала:

— Я однажды несла домой воду и на дорогѣ отказала нищему, который просилъ у меня позволенія напиться, и вотъ за это Богъ наказываетъ меня здѣсь.

Человѣкъ съ тяжестью на спинѣ сказалъ:

— У меня былъ слуга; однажды я разсердился на него и приказалъ положить ему на спину шестипудовую тяжесть и простоять съ нею два дня. Не прошло и дня, какъ мой слуга упалъ на землю мертвымъ. Богъ теперь и наказываетъ меня за это.

Человѣкъ, который лежалъ на мосту, объяснилъ свое состояніе такъ:

— Разъ повелъ я своихъ быковъ на водопой; тамъ я увидѣлъ чужихъ двухъ быковъ, которые пили воду; я прогналъ ихъ и сталъ поить своихъ быковъ. За это Богъ и наказываетъ меня.

Наконецъ Сегранъ пріѣхалъ домой. Царь вышелъ къ нему навстрѣчу и съ насмѣшкою спросилъ:

— Сынъ мой! ты, конечно, опять исполнилъ мое порученіе?

Какъ только Сегранъ произнесъ: «Да, я принесъ ключъ»,—царь упалъ на землю и умеръ. Послѣ этого Сегранъ и братья его жили вмѣстѣ и никогда не ссорились между собою.

Обиженному людьми Богъ помогаетъ.

Армянская сказка.

Жили-были мужъ съ женою. У этой четы была единственная дочь красавица. Съ теченіемъ времени жена умерла. Такъ какъ мужъ очень любилъ жену, то послѣ смерти ея далъ себѣ клятву обвѣнчаться лишь съ той, на которую придется одежда его жены. Прошло нѣсколько лѣтъ, а онъ никакъ не могъ найти такой женщины, какой ему хотѣлось. Дома хозяйничала у него въ это время его дочь. Разъ отецъ поѣхалъ въ лѣсъ за дровами. Оставшись одна, дочь приступила къ мытью своихъ платьевъ; за недостаткомъ чистой пары платья, она переодѣлась въ материнскую одежду; материнская одежда пришлась какъ разъ по ней. Возвратившись изъ лѣсу, отецъ засталъ дочь одѣтою въ материнское платье.

Увидѣвъ, что оно вполнѣ годилось ей, онъ сказалъ про себя: «Я не буду преступать своей клятвы; мнѣ суждено обвѣнчаться со своею дочерью, и это непремѣнно должно исполниться».

Объявивъ дочери о своемъ намѣреніи, отецъ собрался итти за священникомъ. Дочь умоляла отца оставить это безнравственное дѣло, но всѣ мольбы ея были тщетны. Когда отецъ пошелъ за священникомъ, дочь вошла въ домъ, стала на колѣни и начала молиться: «Боже мой!—говорила она,—избавь меня отъ нечистыхъ объятій моего отца! я готова отдать Тебѣ душу свою; только помилуй меня, Господи!...»

Въ это время является предъ нею ангелъ Господень и утѣшаетъ ее, говоря:

— Не отчаявайся, ты будешь спасена и въ жизни будешь счастлива. Приказываю тебѣ, балка, скрой эту дѣвушку!—сказалъ ангелъ, обратившись къ балкѣ, и сейчасъ-же исчезъ изъ глазъ дѣвушки.

Въ тотъ-же мигъ балка треснула, дѣвушка помѣстилась въ трещинѣ, а балка сейчасъ же приняла первоначальный свой видъ. Пришелъ отецъ со священникомъ и началъ искать дочь, но нигдѣ не нашелъ ея. Эта неожиданность привела его въ такое раздраженіе, что онъ сжегъ домъ и дворъ, полагая, что во время пожара погибнетъ и его дочь.

Но Божья милость спасла дѣвушку: та балка, въ которой скрылась она, не сгорѣла. Хозяинъ стащилъ ее въ рѣку; балка плавала по рѣкѣ цѣлыхъ пять недѣль и, наконецъ, волнами была выброшена на берегъ, близъ дворца одного царя. Царь приказалъ своимъ служителямъ притащить ее ко дворцу, чтобъ употребить на постройку зданія, только-что начатаго. Повелѣніе царя было исполнено.

Царь этотъ любилъ охотиться и каждую недѣлю по крайней мѣрѣ три-четыре раза ходилъ на охоту. Разъ, по обыкновенію, со своими тѣлохранителями и служителями онъ отправился на охоту. Къ вечеру онъ послалъ своихъ служителей домой убрать домъ, привести все въ порядокъ и приготовить ужинъ. Эти послѣдніе, возвратившись домой, нашли все въ порядкѣ и очень удивились тому, ибо дома никого не было. Они не знали, что послѣ того, какъ царь со своими людьми пошелъ на охоту, балка треснула, красавица вышла изъ нея, привела въ порядокъ домашнюю утварь, приготовила ужинъ и опять скрылась въ своемъ прежнемъ убѣжищѣ. Вечеромъ, какъ только царь возвратился домой съ охоты, служители извѣстили его о случившемся. Царь на это не обратилъ особеннаго вниманія. Но когда то же самое повторилось раза три-четыре, царь заинтересовался этимъ и сказалъ своимъ слугамъ:

— Идите вы на охоту, а я останусь здѣсь и, можетъ быть, что-нибудь узнаю объ этомъ.

Оставшись одинъ, царь спрятался за дверью той комнаты, гдѣ находилась балка. Къ четыремъ часамъ пополудни балка треснула, красавица вышла изъ нея и начала убирать комнату. Приведя все въ порядокъ, красавица готовилась скрыться; но царь вышелъ изъ-за двери и поймалъ ее. Царь былъ восхищенъ ея красотою и женился на ней. Жили они счастливо. Спустя два года, у нихъ родился сынъ.

Надо замѣтить, что этотъ царь отличался гостепріимствомъ: странникамъ, даже одержимымъ тяжкими болѣзнями, онъ позволялъ ночевать въ собственной спальнѣ. Вотъ разъ, въ весеннюю пору, приходитъ къ

царю какой-то нищій и проситъ у него ночлега. Царица, увидѣвъ нищаго, сейчасъ-же узнала въ немъ своего отца и потому настаивала, чтобы царь не принималъ его, или же распорядился такъ, чтобы нищій былъ помѣщенъ какъ можно дальше отъ нихъ; она боялась, что отецъ причинитъ ей какой-нибудь вредъ. Отецъ ея, дѣйствительно, искалъ ея съ недобрымъ намѣреніемъ: послѣ того, какъ сжегъ свой домъ изъ-за нея, онъ обѣднѣлъ, впалъ въ долги и далъ себѣ обѣтъ найти дочь, гдѣ бы она ни была, и отомстить ей.

Царица не сказала царю всей истины, поэтому и царь не обратилъ вниманія на ея просьбу удалить нищаго изъ дворца. Съ позволенія царя, этотъ нищій, какъ и другіе, ночевалъ въ царской спальнѣ, гдѣ спала и царица, и гдѣ стояла также и колыбель съ ребенкомъ-царевичемъ. Ночью нищій всталъ, тайкомъ вынулъ ножикъ изъ кармана у царицы и отрѣзалъ имъ голову ребенку, находившемуся въ колыбели, а ножикъ положилъ опять въ карманъ царицы.

Разсвѣло. Солнце привѣтливо освѣтило землю. Освѣтило оно и колыбель ребенка, котораго душа уже находилась въ объятіяхъ ангела Господня. Проснулся царь, проснулся весь дворецъ. Царю вздумалось поѣхать на охоту. Предъ отъѣздомъ онъ подошелъ къ колыбели и хотѣлъ приласкать ребенка и вдругъ увидѣлъ, что колыбель полна кровью, а ребенокъ—безъ головы. Царь чуть съ ума не сошелъ при видѣ такого страшнаго зрѣлища. Онъ сейчасъ же далъ приказъ, чтобы всѣ, безъ исключенія, немедленно собрались во дворецъ. Началось слѣдствіе. Найдя въ карманѣ у царицы окровавленный ножикъ, царь подумалъ, что она совершила это преступленіе, разсердившись на него за то, что онъ не исполнилъ ея просьбы. Царица не сомнѣвалась, что это было дѣло ея отца; однако она не выдала его даже и въ то время, когда, по приказанію царя, ее подвергали разнымъ мученіямъ.

Наконецъ, царь приказалъ царицѣ взять зарѣзаннаго ребенка и немедленно удалиться изъ дворца. Надѣясь на Божію милость, царица ушла. Пройдя нѣсколько десятковъ верстъ, она, утомленная и голодная, остановилась у опушки какого-то лѣса. Цѣлый день она плакала и просила Божьей помощи и вдругъ услышала голосъ, который говорилъ:

— Не плачь! я нѣкогда сказалъ тебѣ, что ты будешь счастлива... Недалеко отъ тебя есть родникъ,—иди, помочи въ немъ свой платокъ, приставь голову ребенка къ шеѣ и привяжи этимъ платкомъ!

Она такъ и сдѣлала, и ребенокъ тотчасъ ожилъ. День склонялся къ вечеру. Царица вынуждена была ночевать подъ открытымъ небомъ. Но утромъ, проснувшись, она увидѣла себя въ богатыхъ палатахъ, среди роскошнаго убранства: одна комната была полна золотомъ, другая—серебромъ, третья—драгоцѣнными каменьями; палаты были окружены безконечно-обширными садами, въ которыхъ находились всякія фруктовыя деревья. Въ палатахъ было множество прислуги: дворецкіе, садовники, простые рабочіе и т. п., только царя надъ ними не было. Царица догадалась, въ немъ дѣло, и горячо благодарила Бога.

Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ. Однажды мужъ этой царицы, по обыкновенію, поѣхалъ на охоту. Охота была удачна: ему посчастливилось застрѣлить оленя. Долгая охота утомила царя. Почувствовавъ усталость и голодъ, онъ приказалъ своимъ людямъ развести огонь

Тифлисъ. Дворецъ Главноначальствующаго.

и зажарить на угляхъ немного оленьяго мяса. Между тѣмъ вдали виденъ былъ дымъ. Царскіе люди, замѣтивъ признаки жилья, взяли мясо, пошли по тому направленію, гдѣ виденъ былъ дымъ, и достигли палатъ отвергнутой царицы. Она радушно приняла гостей и оставалась съ ними, когда они жарили мясо. Такъ-какъ царица была въ высшей степени красива, то царскіе слуги такъ увлеклись ея красотою, что не замѣтили, какъ часть мяса, которое они жарили, подгорѣла.

— Ничего,—сказала царица,—не горюйте, я такъ сдѣлаю, что вашъ царь не замѣтитъ этого.

При этихъ словахъ она порѣзала свой мизинецъ и кровью помазала испорченную часть куска, такъ-что и эта часть получила красный цвѣтъ и ничѣмъ не отличалась отъ всего куска.

Закусывая, царь нашелъ, что одна часть куска особенно вкусна, и, узнавъ о причинѣ, отправился съ своими людьми въ палаты царицы. Царица узнала бывшаго своего супруга и захотѣла отомстить ему за его несправедливость. Она приняла его привѣтливо, угостила, но, между прочимъ, сказала царю:

— Вы смотрите за вашими людьми, чтобъ они никакого безпорядка у меня не сдѣлали.

— Я за нихъ ставлю голову свою,—отвѣтилъ на это царь.

На другой день, когда царь со своими людьми готовился въ путь, царица приказала своимъ приближеннымъ тайкомъ положить царю въ карманъ ея золотой браслетъ; затѣмъ она объявила, что кто-то изъ царской свиты укралъ у нея браслетъ, и велѣла своимъ людямъ не отпускать никого, пока не найдется пропажа. Произвели обыскъ и нашли браслетъ у самого царя. Царица, увидѣвъ его смущеніе, сказала:

— Теперь ты понимаешь, какъ тяжело переносить ложныя обвиненія!... Я—твоя супруга, которую ты наказалъ за мнимое убіеніе своего сына...

При этихъ словахъ царь прослезился и просилъ у царицы прощенія. Царица простила его, и съ тѣхъ поръ они жили счастливо.

Кто намъ ближе.

Осетинское преданіе.

Былъ одинъ юноша. У него было много родныхъ и родственниковъ, но ни съ кѣмъ онъ такъ не сходился, какъ съ однимъ своимъ другомъ. Казалось, ради него онъ готовъ былъ итти въ огонь и воду, и тотъ ради него готовъ былъ итти въ огонь и воду. Однажды, старикъ, который любилъ юношу, говоритъ ему:—«Я вижу ты, сынъ мой, не любишь и даже гнушаешься своими родными и родственниками и черезчуръ любишь своего друга».—«А что мнѣ мои родные и родственники, когда они ко мнѣ холодны и не любятъ меня, а другъ мой ради меня готовъ жертвовать своею жизнью»,—отвѣтилъ юноша. Старикъ покачалъ головой и сказалъ:—«Какъ ты, сынъ мой, горько ошибаешься. А вотъ испытай-ка своего друга и того, кто, по твоему мнѣнію, изъ твоихъ родныхъ или родственниковъ меньше тебя любитъ. Для этого возьми зарѣжь въ полночь

барана, обмажь кровью свой кинжалъ, а потомъ вызови своего друга и скажи ему, что ты убилъ человѣка; затѣмъ, отправься къ родственнику и скажи ему, что ты убилъ человѣка. Когда ты продѣлаешь все это, то мы поговоримъ съ тобою». Юноша сдѣлалъ такъ, какъ совѣтовалъ ему старикъ. Въ полночь зарѣзалъ барана, обагрилъ кровью свой кинжалъ, побѣжалъ къ другу, разбудилъ его и говоритъ:—«Дорогой другъ, со мною случилось несчастіе: я убилъ нашего князя; пойдемъ спрячемъ его трупъ».—Тотъ испуганно поднялся и отвѣчалъ:—«Ну, въ чемъ другомъ я радъ помочь тебѣ, чѣмъ хочешь, а въ такомъ дѣлѣ извини. Прошу тебя, уходи скорѣе съ нашего двора, а то кто-нибудь увидитъ тебя здѣсь, тогда и себя и меня погубишь». Съ этими словами онъ скрылся въ домѣ. Съ сокрушеннымъ сердцемъ побрелъ юноша къ одному изъ своихъ родственниковъ, разбудилъ его и говоритъ:—«Я убилъ нашего князя и нужно скрыть его трупъ».—«Гдѣ его трупъ?—спросилъ тотъ торопливо,—ты укажи мнѣ, гдѣ ты его убилъ. Самъ оставайся здѣсь, а я одинъ все устрою».—«Нѣтъ, идемъ вмѣстѣ»,—отвѣтилъ юноша, и они вдвоемъ отправились на то мѣсто, гдѣ былъ зарѣзанъ баранъ. Когда они дошли туда, то, обернувшись къ родственнику и горячо пожимая ему руку, юноша сказалъ:—«Я побезпокоилъ тебя для испытанія, никакого князя я не убивалъ». При этомъ онъ разсказалъ, что ему посовѣтовалъ старикъ.

Сѣрый волкъ.

Осетинская сказка *).

Рано утромъ сѣрый волкъ повстрѣчался съ барсукомъ.

— Да выпрямится твоя дорога, барсукъ!—сказалъ сѣрый волкъ.

Барсукъ испугался, такъ какъ встрѣтились они внезапно, и проговорилъ: «Ахъ, да будетъ прямо дѣло твое, сѣрый волкъ!»

—«Откуда, барсукъ? Съ вечера до утра гдѣ былъ ты?»—«Все искалъ тебя».—«Эхъ ты обманчивая собака, барсукъ, а все-таки, бѣдняжка, я тебя съѣмъ»,—сказалъ сѣрый волкъ.—«Я не гожусь тебѣ для ѣды,»—отвѣчалъ барсукъ.—«Гамгамъ **) дѣлая, съѣмъ тебя»...—продолжалъ волкъ.—«Ахъ, сѣрый волкъ, ты и не знаешь, какъ предки твои ѣли»,—сказалъ барсукъ.—«Какъ же ѣли предки мои, барсукъ»?—спросилъ волкъ.—«Когда, бывало, предки твои ѣли барсука, то прежде чѣмъ съѣсть его, они поймаютъ его на дорогѣ и, взявъ его за шиворотъ, три раза швырнутъ его поверхъ дороги, три раза понизъ дороги, и потомъ ужъ ѣдятъ его».

Волкъ поймалъ барсука за шиворотъ швырнулъ его поверхъ дороги, потомъ понизъ дороги, барсукъ и очутился въ своей норкѣ. Волкъ заглянулъ въ ея отверстіе и говоритъ:—«Эй, какой же обманъ ты учинилъ со мною, а»! На это отвѣтилъ ему барсукъ:—«Мой предокъ твоего

---

*) Сказки, басни и анекдоты извѣстны у осетинъ подъ именемъ амбисондъ, что значитъ удивительное, диковинное.

**) Для усиленія представленія о ѣдѣ, осетины очень часто произносятъ самый звукъ губъ, языка и неба, слышимый при ѣдѣ.

предка такъ надувалъ». Сѣрый волкъ и говоритъ:—«На этотъ разъ, если бы ты вылѣзъ изъ норки, мы познакомились бы, подружились. Пуховый тюфякъ я подостлалъ бы подъ тебя, круглую подушку я подложилъ бы тебѣ подъ голову, красно-шелковымъ одѣяломъ я накрылъ бы тебя». Барсукъ отвѣтилъ ему:—«Ахъ, ахъ, сѣрый волкъ, не надуешь меня этимъ! Если я вылѣзу, ты растерзаешь меня, срѣжешь съ меня все мясо, подложишь его подъ меня, вотъ мнѣ и пуховый тюфякъ! Отрѣжешь мнѣ голову, подложишь ее подъ меня, вотъ мнѣ и круглая подушка! Снимешь съ меня шкуру, накинешь ее на меня, она будетъ кровью лосниться, вотъ мнѣ и шелковое одѣяло! Такъ меня ужъ не надуешь»!—Волкъ такъ съ горя и издохъ *).

Споръ.

Осетинская сказка.

Послѣ всемірнаго потопа, Богъ далъ жизнь всякому существу и поселилъ всѣхъ въ центрѣ земли **). Въ то время все живое говорило на одномъ языкѣ, и жили всѣ между собою въ мирѣ. Часто собирались они въ опредѣленномъ мѣстѣ, чтобы побесѣдовать, а въ большинствѣ случаевъ—чтобы послушать св. Георгія. Въ тѣ времена духи являлись живымъ существамъ, и св. Георгій былъ посредникомъ между Богомъ и живыми существами, живущими на землѣ. Онъ въ опредѣленные дни слеталъ на землю, къ собранію и говорилъ о волѣ Бога и поучалъ ихъ какъ жить, чтобы не гнѣвить Бога. Однажды, прилетѣвъ съ неба, онъ сообщилъ собранію, что, по волѣ Создателя, на востокѣ у царя родился сынъ, а на западѣ у купца родилась дочь, и что, по волѣ Бога, ровно черезъ 20 лѣтъ царскій сынъ женится на купеческой дочери. Всѣ безмолвно выслушали эту вѣсть, одинъ орелъ только сталъ оспаривать, что это можетъ и не случиться, и въ подтвержденіе своихъ доводовъ предложилъ споръ о томъ, что онъ помѣшаетъ исполниться этому предопредѣленію. Св. Георгій принялъ споръ на такихъ условіяхъ: если орелъ дѣйствительно помѣшаетъ исполненію божьей воли, то получитъ все, что самъ пожелаетъ, а если же онъ не сможетъ помѣшать исполненію этого предопредѣленія, то подвергнется жестокому наказанію. Орелъ согласился вести споръ на такихъ условіяхъ. Въ тотъ же день онъ полетѣлъ на западъ и разыскалъ купца, у котораго родилась дочь. Орелъ выждалъ удобный моментъ и похитилъ новорожденную дѣвочку. Въ великой радости взвился съ нею орелъ подъ облака, а потомъ полетѣлъ съ нею далеко-далеко и занесъ ее на такой островъ среди океана, о которомъ никто никогда ничего не зналъ и не слыхалъ. На островѣ томъ не только ничего живого не было, но даже не было никакой растительности. Росло тамъ только одно высокое дерево. На этомъ деревѣ орелъ устроилъ гнѣздо и посадилъ въ него дѣвочку. Каждый день орелъ улеталъ и къ вечеру приносилъ дѣвочкѣ что-нибудь съѣстное.

---

*) Въ подлинникѣ: «взялъ свой духъ», т. е. испустилъ духъ.

**) Какъ извѣстно, народъ представляетъ себѣ землю плоскою. Здѣсь центръ земли нужно понимать сообразно съ такимъ представленіемъ о нашей планетѣ.

Въ то же время и вправду на востокѣ у царя родился сынъ. Когда царскій сынъ немного подросъ, то сталъ ходить на охоту, потомъ сталъ странствовать по сосѣднимъ землямъ. Скоро про его удаль, ловкость и умъ говорили всюду. Когда ему исполнилось 17 лѣтъ, то захотѣлъ онъ постранствовать по морямъ. Попросился онъ у отца, и отецъ далъ ему согласіе. Скоро были готовы и корабли. Царскій сынъ велѣлъ ввести на корабль свою любимую лошадь. Сѣлъ на корабль самъ царскій сынъ съ друзьями и дружиной. Корабль поплылъ въ море, а изъ моря въ океанъ. Мѣсяцъ они плыли счастливо, но вотъ въ одинъ день поднялась буря, вода начала сильно волноваться, и корабль разбился. Всѣ потонули, но царевича съ лошадью выбросило на берегъ того острова, гдѣ орелъ держалъ купеческую дочь. Лошадь въ тотъ же день стала издыхать, царевичъ зарѣзалъ ее и сталъ питаться кониной. Однажды онъ пошелъ осматривать островъ; когда онъ подошелъ къ дереву и посмотрѣлъ вверхъ, то увидѣлъ тамъ гнѣздо и въ гнѣздѣ—дѣвушку. Онъ влѣзъ на дерево и узналъ отъ нея, что ее посадила сюда какая-то большая птица, и, кромѣ нея, она никого не знаетъ въ мірѣ. Она просила царевича не показываться орлу. Царевичъ, поговоривъ съ нею, слѣзъ съ дерева и отправился къ скелету (онъ жилъ въ скелетѣ своей лошади). Каждый день, когда орелъ улеталъ, царевичъ отправлялся къ купеческой дочери. Въ одинъ вечеръ, по возвращеніи орла, дѣвушка спрашиваетъ его:—«Скажи, пожалуйста, что такое лежитъ вонъ тамъ, на берегу?»—«То скелетъ лошади»,—отвѣчаетъ орелъ.—«А что такое лошадь?»—спрашиваетъ она.—«Лошадь... вотъ на чемъ люди ѣздятъ»,—отвѣтилъ орелъ.—«А что такое люди?»—спросила купеческая дочь. Орелъ усмѣхнулся и сказалъ:—«А вотъ завтра ты узнаешь все—и что такое лошадь, и что такое люди». Въ этотъ вечеръ царевичу и купеческой дочери исполнилось по двадцати лѣтъ. На утро орелъ говоритъ купеческой дочери:—«Ну, я тебя теперь понесу къ отцу и матери».—«А какъ же ты меня понесешь?»—«Въ клювѣ»,—отвѣтилъ орелъ.—«Нѣтъ, я такъ не согласна,—возразила ему дѣвушка:—ты изъ боязни, какъ бы не уронить меня, можешь меня перегрызть».—«Ну, такъ я понесу тебя въ своихъ когтяхъ».—«Нѣтъ, въ когтяхъ своихъ ты можешь меня задушить».—«Ну, такъ на своей спинѣ понесу»,—сказалъ орелъ. Дѣвушка и на это не согласилась и сказала:—«А вотъ, какъ лучше будетъ сдѣлать: посади меня вонъ въ то, что ты называешь лошадинымъ скелетомъ». Орелъ согласился и тотчасъ же принесъ въ клювѣ скелетъ.—«Ну, влѣзай въ скелетъ, и я понесу тебя,—мнѣ къ раннему утру нужно поспѣть на собраніе». Дѣвушка полѣзла въ скелетъ и, усѣвшись тамъ, сказала:—«Можемъ двинуться въ путь». Орелъ взвился со скелетомъ въ клювѣ и поднялся подъ облака, а потомъ стремглавъ полетѣлъ въ ту сторону, гдѣ было собраніе.

Въ тотъ день все живое, еще до утренней зари, собралось на одномъ мѣстѣ. Святой Георгій тоже спустился съ неба до восхода солнца и стоялъ въ ожиданіи орла среди собранія. Но вотъ, занялась заря и изъ облаковъ показался орелъ. Взоры всѣхъ обратились въ ту сторону, откуда онъ спускался къ собранію. Орелъ спускался быстро. Слетѣвъ на землю, онъ поставилъ у ногъ св. Георгія скелетъ и сказалъ весело:—«Я выигралъ споръ. Еще вчера вечеромъ прошелъ срокъ нашему спору, а между тѣмъ дочь купца еще и по сіе время дѣвушка. Ну-ка, выхо-

ди, дорогая изъ скелета». Когда купеческая дочь выползла изъ скелета, св. Георгій сказалъ орлу:—«Ты посмотри на нее болѣе внимательно—правда ли, что она еще дѣвушка. Зачѣмъ же ты прячешь отъ насъ ея мужа, что сидитъ въ скелетѣ?» Орелъ, озадаченный словами св. Георгія, возразилъ:—«Мужа у нея еще не было... Сегодня въ первый разъ она и людей-то видитъ».—«А прикажи-ка выйти тому, кто сидитъ въ скелетѣ»,—сказалъ опять св. Георгій. Не успѣлъ онъ кончить своей рѣчи, какъ оттуда выползъ царевичъ. Орелъ, пораженный такою неожиданностью, застылъ на мѣстѣ. Тогда св. Георгій сказалъ орлу:—«За твою глупую самонадѣянность и дерзость, ты отнынѣ будешь прикованъ тяжелыми цѣпями на томъ самомъ островѣ и къ тому дереву, гдѣ ты ее пряталъ».

Съ того времени орелъ мучается на томъ островѣ: къ дереву онъ такъ прикованъ цѣпями, что не можетъ даже пошевельнуться.

Здравый и сумасшедшіе.

Осетинская сказка.

Одинъ мулла прочиталъ какъ-то въ коранѣ, что черезъ два дня (считая отъ того, когда онъ читалъ коранъ) пойдетъ сильнѣйшій дождь, и кто напьется воды послѣ этого дождя—непремѣнно сойдетъ съ ума. Тогда мулла сталъ запасаться водою, чтобы хватило ея до того времени, когда въ рѣкахъ и вездѣ изсякнетъ страшная дождевая вода. Дѣйствительно, черезъ два дня пошелъ сильнѣйшій дождь, и кто напивался послѣ того новой воды, тотъ сходилъ съ ума. Въ скоромъ времени весь народъ сошелъ съ ума. Одинъ мулла остался здоровымъ. Вначалѣ ему забавно было смотрѣть на толпу сумасшедшихъ, потомъ ему стало ихъ жаль, но вскорѣ стало его возмущать все то безобразіе, какое творилось вездѣ вокругъ него. Онъ началъ усовѣщивать людей и уговаривать ихъ быть благоразумными. Сначала люди мало обращали вниманія на такое поведеніе муллы, но когда мулла не унимался, то въ народѣ начали поговаривать, что онъ сошелъ съ ума, а когда его проповѣди стали еще настойчивѣе требовать отъ людей благоразумія и жизни, приличной людямъ здоровымъ, когда онъ сталъ имъ говорить, что они всѣ сумасшедшіе, то люди стали бить его, когда же и это не помогло, то они связали его и бросили въ яму. Тутъ видитъ мулла, что дѣло плохо, и рѣшилъ онъ напиться той дождевой воды. По счастью, въ ямѣ, куда его посадили, была лужа, образовавшаяся послѣ того сильнаго дождя; мулла подползъ къ той лужѣ и съ жадностью напился изъ нея воды. Вслѣдъ затѣмъ онъ сошелъ съ ума и сталъ кричать изъ ямы. Люди, слышавшіе его крикъ, говорили, что мулла исцѣляется; а когда вытащили его изъ ямы и послушали его, то заключили, что онъ совершенно выздоровѣлъ и сталъ попрежнему умнымъ. Тогда люди позволили ему исправлять его прежнюю должность, и сталъ онъ опять жить въ такомъ же почетѣ и въ такомъ же довольствѣ, въ какомъ жилъ и до несчастнаго дождя.

Морской конь.

Аварская легенда.

Жилъ-былъ царь, у царя было три сына. Каждый божій день, по утрамъ, приходили всѣ три сына къ отцу, чтобъ узнать, не скажетъ ли онъ имъ чего, не прикажетъ ли чего. Пошли они однажды къ отцу,—былъ отецъ, какъ бы щитъ тучи нависъ надъ нимъ,—безмѣрно печаленъ. Сказали сыновья ему:—«Что съ тобой случилось? Не услышалъ ли ты дурной вѣсти, не постигли ли тебя великая бѣда или горе?»—«Дурной вѣсти я не слышалъ, не постигло меня великое горе,—отвѣчалъ имъ отецъ,—повергъ меня въ такую печаль виденный мною въ прошлую ночь сонъ. Въ то мгновеніе, какъ солнце выходило изъ моря, выскочилъ вслѣдъ за солнцемъ на берегъ моря бѣлоснѣжный конь; мигомъ обѣжалъ онъ три раза вокругъ земли и потомъ скрылся опять въ море, вслѣдъ за нимъ и сердце мое какъ бы кануло на дно морское. И отъ царства моего, и отъ всего свѣта сердце отвратилось послѣ того, какъ увидѣлъ я этотъ сонъ».—«Мы отправимся, отецъ, за этимъ конемъ,—сказали всѣ три сына,—или найдемъ его, или умремъ, безъ того или другого не вернемся». Сѣли всѣ три сына на коней, взяли каждый по лошади съ запасомъ вкусной и легкой пищи и ударили по конямъ.

На третій день, въ полуденную пору, пріѣхали они къ мѣсту, гдѣ дорога дѣлилась на три; на перекресткѣ вбитъ былъ каменный столбъ, на столбѣ надпись: «Кто поѣдетъ по правой или по лѣвой дорогѣ, тому нечего бояться; кто же поѣдетъ по средней, тотъ или умретъ, или вернется со счастіемъ». Старшій братъ поѣхалъ по правой дорогѣ, средній по лѣвой, меньшой погналъ по средней.—«Куда ты ѣдешь по дорогѣ, гдѣ не знаешь самъ, живъ ли или мертвъ будешь? Поѣзжай за однимъ изъ насъ»,—закричали ему братья.—«Ничего,—будетъ то, что Богомъ написано,—отвѣчалъ меньшой;—счастье, какъ пѣтушій хвостъ въ вѣтряный день *); какъ знать, не наклонится ли оно ко мнѣ; поѣзжайте сами съ божіей милостью,—если не вернусь, разскажите отцу, какъ было дѣло». Много братья не настаивали и каждый поѣхалъ по своей дорогѣ.

Ѣхалъ меньшой братъ, ѣхалъ онъ, ѣхалъ много, ѣхалъ мало, ѣхалъ ночью, ѣхалъ днемъ, нашу гору миновалъ, чужую гору миновалъ, сорочью, галкину горы миновалъ, пустые лѣса прорѣзалъ, черезъ глубокія ущелья проѣхалъ, прибылъ, наконецъ, въ нѣкій лѣсъ, гдѣ отъ густоты не видно было неба, гдѣ отъ сотворенія міра не слышался звукъ топора. Кружился царевичъ въ этомъ лѣсу, кружился въ немъ, кружился недѣлю, кружился мѣсяцъ, кружился два, три, четыре мѣсяца,—нигдѣ ни слѣда человѣческаго, ни жилища человѣческаго, ни выхода изъ лѣса. Проголодался онъ, напала жажда, на немъ одежда обветшала, подъ нимъ лошадь околѣла, оружіе заржавѣло, на жизнь надежда пропала. Такъ былъ онъ, когда однажды нашелъ онъ человѣческій слѣдъ, шириною въ локоть, длиною въ три, глубиною въ локоть въ землю.—«Умирать, такъ умру,—жить, такъ буду жить»,—сказалъ царевичъ и пошелъ по слѣду. Пройдя много, пройдя немного, добрался онъ до конца лѣса,

*) Т. е. клонится то туда, то сюда.

глядитъ—гладкая поляна, посреди поляны семь башень, верхушками до неба достаютъ, вокругъ желѣзный заборъ со стальными кольями, на каждомъ колѣ по человѣческой головѣ. Дошелъ царевичъ до двора, вошелъ въ домъ, смотритъ—передъ каминомъ сидитъ великанша, головой какъ бы въ потолокъ упираясь. Бросился къ ней царевичъ и приложился губами къ ея груди.—«Теперь ты мой сынъ, а я твоя мать,—сказала великанша,—если бы ты не прикоснулся къ моей груди, то вотъ, что бы я съ тобой сдѣлала». Съ этими словами разорвала она на-двое кошку, отдыхавшую передъ каминомъ, и, сунувъ въ золу, проглотила ее. Спросила она тутъ царевича:—«Изъ какой ты стороны, откуда пришелъ и какое имѣешь дѣло?» Дѣло свое и что случилось въ дорогѣ, все по правдѣ разсказалъ царевичъ великаншѣ. Сказала она царевичу: «Семь сыновей у меня, всѣ семеро—нарты *); каждый Божій день отправляются они на охоту, и теперь на охотѣ; пора имъ уже вернуться. Спрячься въ этотъ шкапъ—не то, если увидятъ, непремѣнно умертвятъ тебя. О томъ, что ты желаешь знать, я спрошу у нихъ; который-нибудь изъ нихъ вѣрно что-нибудь да знаетъ». Спрятался царевичъ въ шкапъ, раздался на дворѣ вой борзыхъ, пришли семеро нартовъ съ охоты, у каждаго на плечѣ по чинару съ привязаннымъ оленемъ. Войдя на дворъ, ударили деревьями о земь такъ, что вдребезги они разбились, содрали съ оленей кожу и закричали матери, чтобы наставляла котелъ. Обнюхиваясь, какъ собаки, вошли нарты въ комнату, и всѣ семеро сказали: «Человѣческимъ духомъ пахнетъ».—«Что вы, съ ума сошли, что ли,—сказала имъ мать, разсердившись,—«откуда здѣсь быть человѣческому духу, вѣрно сами вы принесли его, потому что бродите повсюду». Сваривъ мясо, поставила его мать передъ ними, вмѣстѣ кувшиномъ браги, величиною съ домъ. Когда они наѣлись и напились, спросила ихъ мать:—«Есть ли такой конь, который выходитъ изъ моря и въ одно мгновеніе обѣгаетъ землю три раза?» Шестеро старшихъ нартовъ ничего не отвѣтили, меньшой сказалъ:—«Есть, матушка, такой конь, и хозяинъ его морской царь, живущій на днѣ морскомъ; каждый божій день, когда солнце выходитъ изъ моря, выскакиваетъ конь на сушу, въ одинъ мигъ обѣгаетъ землю три раза, купается въ молочномъ озерѣ, которое лежитъ подлѣ моря, и потомъ, повалявшись на пескѣ, вновь исчезаетъ въ голубомъ морѣ. На морскомъ берегу растетъ чинаровое дерево, вѣтвями достающее до неба, на немъ виситъ золотое сѣдло, которымъ сѣдлается тотъ конь, и серебряная уздечка, которой онъ взнуздывается».—«Довольно, теперь спите, вы вѣрно устали»,—сказала мать сыновьямъ. Легли, заснули семеро нартовъ. Мать выпустила царевича изъ шкапа, дала ему коня, одежду, все нужное въ пути и, указавъ дорогу къ морю, отпустила его.

Ѣхалъ царевичъ, ѣхалъ, много ѣхалъ, мало ѣхалъ, и въ ту пору, какъ человѣкъ и вода спятъ **), доѣхалъ до морского берега. На берегу вырылъ онъ яму, сѣлъ въ нее и, не смыкая глазъ, провелъ такъ ночь. Забѣлѣла заря, вышло солнце изъ моря, вслѣдъ за солнцемъ, въ виду царевича, и конь выскочилъ на морской берегъ. Мигомъ обѣжалъ онъ три раза землю, выкупался въ молочномъ озерѣ и сталъ валяться на

*) Великаны.
**) Т. е. въ глухую ночную пору.

морскомъ берегу. Бросился царевичъ къ нему и, какъ змѣя, обвился вокругъ шеи; трижды взвился конь вверхъ такъ, что, казалось, ударится онъ о голубое небо, трижды бросился на-земь такъ, что вздрагивала подъ нимъ черная земля: не оторвался царевичъ отъ шеи.—«Ты побѣдилъ меня, теперь я твой, осѣдлай меня, взнуздай и садись на меня»,—сказалъ конь. Снявъ съ дерева сѣдло и узду, царевичъ осѣдлалъ, взнуздалъ коня и сѣлъ на него.—«Что теперь прикажешь, что дѣлать мнѣ?»—спросилъ конь.—«Доставь меня въ государство отца»,—сказалъ царевичъ. Пустился конь, какъ птица.

Много ѣхали, мало ѣхали. Закатилось солнце, смерклось, стемнѣло, настала ночь, чёрная какъ уголь; вдругъ опять озарились свѣтомъ небо и земля.—«Что за диво!»—сказалъ самъ себѣ царевичъ, взглянувъ впередъ. Впереди гладкая степь,—обозрѣвать ее глаза устанутъ,—посреди степи что-то сверкаетъ, свѣтится, какъ солнце. Ударилъ царевичъ коня, погналъ, доѣхалъ, смотритъ—золотой пухъ.—«Взять ли мнѣ его, или не брать?»—спросилъ царевичъ коня.—«Если возьмешь—пожалѣешь, если не возьмешь—пожалѣешь»,—отвѣтилъ конь.—«Если пожалѣю, не взявъ, то лучше ужъ пожалѣю взявъ»,—сказалъ царевичъ и надѣлъ пухъ на шапку. Ударивъ коня, погналъ, пріѣхалъ къ городу: кругомъ стѣна, ворота заперты, ни откуда пути нѣтъ во внутрь. Нашелъ царевичъ родникъ возлѣ города и сошелъ съ коня. Сказалъ ему конь:—«Пусти ты теперь меня наѣсться травы; когда тебѣ понадоблюсь, подай голосъ,—будь я хоть за семью горами, вмигъ стану передъ тобою». Пустилъ царевичъ коня, подостлалъ подъ себя потникъ, положилъ сѣдло подъ голову, накрылся буркой, пухъ спряталъ въ карманъ, снявъ его съ шапки, и заснулъ потомъ, какъ человѣкъ, не спавшій шестьдесятъ сутокъ.

Увидѣвъ, что ночь свѣтла, какъ день, сильно перепугались, перетревожились городскіе жители и побѣжали къ царю разсказать о чудѣ. Царь испугался еще болѣе ихъ самихъ, велѣлъ поставить вокругъ города караулъ и до утра не могъ заснуть. Когда разсвѣло, послалъ царь за городъ сто человѣкъ въ полномъ вооруженіи; нашли они царевича еще спящаго; растолкавъ, подняли его и привели къ царю.—«Что ты за человѣкъ, изъ какого села, изъ какой страны, откуда пришелъ сюда?»—спросилъ его царь.—«Самъ не знаю, откуда я,—такъ себѣ, скитаюсь отъ скуки по свѣту»,—отвѣчалъ царевичъ.—«Ты былъ въ полѣ, не знаешь ли, какимъ чудомъ прошлая ночь такъ освѣтилась?»—спросилъ его опять царь.—«Чудо это вотъ какое»,—сказалъ царевичъ и подалъ царю золотой пухъ, вынувъ его изъ кармана. Людскимъ словомъ невыразимою, отъ сотворенія міра неиспытанною любовію воспылалъ царь къ тому созданію, отъ котораго упалъ золотой пухъ. Сказалъ царь царевичу:—«Откуда хочешь, но достань мнѣ то созданіе, съ котораго упалъ этотъ пухъ, иначе отсѣку я тебѣ голову». Чтобы царевичъ не обманулъ, заставилъ его царь поклясться молокомъ матери. Пошелъ царевичъ, опустивъ голову; выйдя за городъ, кликнулъ онъ, и, какъ бы изъ земли, выросъ передъ нимъ бѣлый конь.—«Что ты такъ печаленъ, что такъ грустенъ?»—спросилъ конь. Разсказалъ царевичъ, что произошло у него съ царемъ.—«Не грусти ни на волосъ, пусть все на свѣтѣ будетъ для насъ такъ легко, какъ это,—сказалъ конь:—помнишь-ли ты то молочное озеро, въ которомъ я купался».—«Помню»,—отвѣчалъ царевичъ.—«У морского царя есть

Тифлисъ. Военный Александро-Невскій соборъ.

три дочери»,—сказалъ бѣлый конь.—Каждый Божій день, когда солнце достигаетъ полудня, обернувшись въ голубей, прилетаютъ онѣ къ озеру и, снявъ съ себя на берегу голубиныя шкурки, купаются. Тотъ пухъ, который мы нашли, отпалъ отъ младшей сестры. Спрячься въ кусты, которые ростутъ вокругъ озера; когда онѣ войдутъ въ озеро, то проворно схвати шкурку младшей сестры и положи за пазуху. Подплыветъ она къ берегу и будетъ упрашивать, чтобы ты отдалъ назадъ шкурку; смотри, что бы она ни говорила, не отдавай ей шкурки и не слушай ея; если такъ сдѣлаешь, то она за тобой всюду послѣдуетъ и будетъ выполнять все, что ей прикажешь».

Сѣлъ царевичъ на коня; въ одинъ прыжокъ очутился конь у озера; спрятался царевичъ въ кустахъ, солнце поднялось къ полудню, и, со свитомъ прилетѣвъ, сѣли на берегу озера три голубя. Снявъ съ себя голубиныя шкурки, превратились они въ лучезарныхъ красавицъ и нырнули всѣ три въ озеро. Выскочивъ, положилъ царевичъ шкурку младшей сестры за пазуху; приплыла она къ берегу и начала просить свою шкурку назадъ; сколько ни просила она, не послушался ея царевичъ и не отдалъ. Надѣвъ свои шкурки, полетѣли старшія сестры; младшая закричала имъ вслѣдъ: «Сестры, разстаюсь теперь съ вами, должна остаться здѣсь; доставьте сюда хотя сундукъ, въ которомъ мои уборы». Скорѣе, чѣмъ лошадь успѣетъ сдѣлать три скачка, прилетѣли сестры назадъ, поставили на берегу озера коралловый сундукъ, величиною съ кулакъ, и скрылись опять въ голубомъ небѣ. «Отвернись, пока я одѣнусь»,—сказала дѣвица. Отвернулся царевичъ. Одѣвшись въ платье изъ такой матеріи, которой и названія нѣтъ, отъ блеска которой глаза болятъ, стала дѣвица передъ царевичемъ. Сѣлъ царевичъ на коня, сзади посадилъ дѣвицу, ударилъ коня и погналъ. «Куда везешь ты меня?»—спросила дѣвица.—«Видишь ли ты этотъ городъ?»—сказалъ царевичъ.—«Вижу»,—отвѣчала дѣвица.—«Везу тебя, чтобы отдать царю этого города».—«Вмѣсто того, чтобы отдать ему меня, зачѣмъ самъ не возьмешь за себя?»—сказала дѣвица. Разсказалъ ей царевичъ, что произошло между нимъ и царемъ. Такъ разговаривая, доѣхали они до города. Тутъ пустилъ царевичъ коня и, ведя дѣвицу, отправился къ царю.

Едва увидѣлъ царь дѣвицу, какъ глаза стали у него съ кулакъ, затряслась борода, застучали зубы, языкъ высунулся, какъ у вола; не откладывая дѣла ни на минуту, вознамѣрился онъ взять дѣвицу за себя. «Не пойду я за такого старика, какъ ты,—сказала дѣвица.—Стань двадцатилѣтнимъ молодцомъ, тогда пойду за тебя».—«Какъ воротить мнѣ ушедшую жизнь»?—проговорилъ царь. Отвѣчала дѣвица: «Вырой ты подлѣ города колодезь, глубиною въ пятьдесятъ локтей, наполни его молокомъ бурыхъ коровъ, выкупайся въ немъ, тогда станешь двадцатилѣтнимъ молодцомъ». Отвѣчалъ царь: «Въ цѣломъ царствѣ моемъ не найдется столько бурыхъ коровъ, чтобы наполнить молокомъ ихъ такой колодезь».—«Возьми,—сказала дѣвица, вынувъ изъ кармана маленькій платокъ и подавая его царю.—Пошли человѣка съ этимъ платкомъ на вершину горы, которая передъ нами; прикажи ему, когда достигнетъ онъ вершины, махнуть платкомъ: вся окрестная страна наполнится бурыми коровами». Всѣмъ жителямъ города приказалъ царь рыть колодезь; человѣка съ платкомъ послалъ на гору. Достигнувъ вершины, махнулъ тотъ человѣкъ

платкомъ: изъ лѣсовъ, изъ горъ, съ тысячи разныхъ мѣстъ набѣжали съ ревомъ бурыя коровы къ городу. Выдоила ихъ дѣвица, наполнился колодезь. Сказала дѣвица: «Приведите сюда самыхъ старыхъ мужа и жену, какіе только найдутся. Привели старика, которому, казалось, было лѣтъ сто, сгорбившагося, слѣпого; привели такую же женщину. Толкнула ихъ дѣвица въ колодезь: старикъ сталъ двадцатилѣтнимъ молодцомъ, старуха—пятнадцатилѣтней дѣвушкой. Какъ только увидѣлъ это царь, то, не глядя болѣе ни на что, бросился въ колодезь. Пошелъ онъ ко дну, какъ свинецъ, и теперь, говорятъ, еще тамъ. «Прощайте!»—сказалъ царевичъ городскимъ жителямъ, вскочилъ на коня, дѣвицу посадилъ позади себя, тронулъ бѣлаго коня и очутился въ другомъ городѣ. Пошелъ царевичъ на базаръ купить кое-что и нашелъ тамъ своего старшаго брата, одѣтаго въ ветхое, въ лохмотьяхъ платье, истощеннаго; продавалъ онъ на базарѣ хлѣбъ, чтобы добывать себѣ пропитаніе. Обрадовались братья, обнялись, каждый разсказалъ, что съ нимъ случилось. Купилъ меньшой братъ старшему одежду, купилъ ему коня, далъ оружіе и взялъ съ собою. Доѣхали они, спустя нѣкоторое время, до другого города, пошли на базаръ: нашли средняго брата, въ самомъ отчаянномъ положеніи; нашли его служителемъ у мясника, продавалъ онъ мясо. Купилъ для него меньшой братъ все необходимое. Поѣхали теперь, всѣ три молодца, вмѣстѣ съ дѣвицей, поѣхали прямо, какъ стрѣла, въ царство своего отца. Сильная зависть поселилась въ старшихъ братьяхъ къ меньшому. «Какъ теперь намъ быть на свѣтѣ?—говорили они другъ другу.—Какъ покажемся отцу, какъ покажемся женамъ? Или должны мы умереть, прежде чѣмъ доѣдемъ до дому, или должны убить меньшого брата». Сказалъ средній братъ: «Впереди колодезь, глубиною въ шестьдесять локтей, въ которомъ вода изсякла. Подъѣзжая къ нему, скажемъ брату: давай-ка, пустимъ лошадей вскачь. На скаку, взявъ его въ средину, направимъ мы его прямо къ колодцу: и конь, и самъ онъ провалятся туда». Согласились оба брата. Подъѣзжая къ колодцу, сказали старшіе братья меньшому: «Давай-ка, пустимъ лошадей вскачь». Засмѣялся меньшой братъ и сказалъ: «Мой конь въ одинъ мигъ три раза землю обѣгаетъ, могутъ ли ваши лошади скакать съ нимъ»?—«Нѣтъ нужды,—отвѣтили братья,—хоть посмотримъ на скачку твоего коня». Пустились всѣ трое вскачь, взявъ меньшого въ средину, и направили его старшіе братья прямо къ колодцу. Достигнувъ колодца, сталъ бѣлый конь, какъ вбитый гвоздь, а царевичъ головой впередъ упалъ въ колодезь. Бросились оба брата ловить коня, но лишь протянули руки, какъ исчезъ онъ изъ виду. Взявъ съ собой дѣвицу, пріѣхали братья въ отцовскій городъ. Заперли они дѣвицу въ башню, приставили стражу и пошли къ отцу. На одну ложь нанизали они десять, на десять сто и сказали ему: «Видѣннаго тобою во снѣ коня нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ; ни подъ небомъ, ни на землѣ не осталось мѣста, гдѣ бы мы не побывали, гдѣ бы не искали; не нашли человѣка, который видѣлъ бы этого коня, или зналъ о немъ, или слыхалъ о немъ».—«Не нужно мнѣ коня, куда дѣвался вашъ меньшой братъ»?—сказалъ царь.—«Кричали мы ему: не ѣзди, но, не послушавъ насъ, поѣхалъ онъ по недоброй, опасной дорогѣ; болѣе его мы не видали; не знаемъ, умеръ ли онъ, не знаемъ, живъ ли». Сильно опечалился царь, въ городѣ въ каждомъ домѣ плачъ поднялся, все царство

въ черное одѣлось. Теперь начали братья подсылать къ той дѣвицѣ одну вдову; каждый просилъ, чтобы дѣвица пошла за него. Отвѣчала она: «Не пойду я за торговцевъ хлѣбомъ и мясомъ; сама знаю, кто возьметъ меня, а они пусть берегутся». Глядѣла разъ дѣвица изъ окна башни, видитъ: кружится по степи бѣлый конь, устремивъ на нее глаза; махнула дѣвица рукой, очутился конь подъ окномъ. «Гдѣ твой хозяинъ»?—спросила дѣвица.—«Развѣ не знаешь ты, что онъ брошенъ въ колодезь»?—отвѣчалъ конь.—«Какъ бы вытащить его оттуда»?—сказала дѣвица. Отвѣчалъ конь: «Брось ты мнѣ на шею веревку, длиною въ шестьдесятъ локтей и съ петлей на концѣ; если петля попадетъ мнѣ на шею, то я вытащу его». Не нашла дѣвица подлѣ себя веревки, отрѣзала плотно косы свои и выпряла изъ нихъ веревку длиною въ шестьдесятъ локтей; сдѣлала петлю на концѣ и бросила веревку: петля попала коню на шею. Взвился бѣлый конь и очутился у колодца; опустилъ внутрь веревку, царевичъ ухватился, дернулъ конь и очутился царевичъ наверху. Сѣлъ царевичъ на коня, поѣхалъ въ городъ. Увидѣли его братья ѣдущаго: одинъ изъ нихъ побѣжалъ на востокъ, другой на западъ, и теперь, говорятъ, еще не остановились.

Обрадовался царь, все царство возликовало. Что тутъ долго толковать? Женился царевичъ на дѣвицѣ, ударили въ мѣдный барабанъ, задули въ кожаную зурну, засвистѣли дудки, голодный насытился, печальный обрадовался. Ни днемъ, ни ночью, не отдыхая, спать не ложась, куска въ ротъ не кладя, поспѣлъ я сюда, чтобы разсказать, какъ что было!

Человѣкъ и птичка.

Аварская басня.

Поставивъ силокъ, человѣкъ поймалъ маленькую птичку. Сказала ему птичка. «На что я тебѣ годна? Съѣвъ меня, ты не будешь сытъ; лучше я дамъ тебѣ три хорошихъ совѣта: одинъ совѣтъ дамъ, находясь еще въ твоихъ рукахъ, а другіе два—сидя передъ тобою на кустѣ; ради этого выпусти меня». Согласился человѣкъ. «Помни,—сказала птичка,—что какое-бы несчастіе ни постигло тебя, какой-бы вредъ ни испыталъ ты, не долженъ ты сожалѣть о томъ, что уже миновало». Отпустилъ человѣкъ птичку. Сѣвъ на кустъ, заговорила опять она: «Не вѣрь никогда тому, что противно здравому смыслу; а у меня въ зобу,—прибавила она,—есть кусокъ золота, величиною съ куриное яйцо; если бы ты догадался зарѣзать меня и достать его, то могъ бы, лежа, быть сытымъ до самой смерти».—«Ахъ, проклятый день,—сказалъ человѣкъ, закусивъ палецъ.—Какой же я безумецъ, какой же я глупецъ!» Вспорхнувъ съ куста, хотѣла было улетѣть птичка, какъ человѣкъ закричалъ ей: «Условіе было, что ты дашь мнѣ три совѣта: третьяго совѣта ты мнѣ еще не дала». Отвѣчала птичка: «Къ чему тебѣ третій совѣтъ, когда ты и двухъ первыхъ не сумѣлъ принять? Вся то я менѣе куринаго яйца,—какъ же можетъ у меня вмѣститься въ зобу кусокъ золота величиною съ яйцо? Пусть бы это и было, то зачѣмъ пожалѣлъ ты о минувшемъ? Да будетъ

это тебѣ третьимъ совѣтомъ». Сказавъ это, птичка исчезла, улетѣвъ за холмы.

Волкъ и дятелъ.

Аварская басня.

Схвативъ овечку изъ стада барановъ, бросился волкъ бѣжать со всѣхъ ногъ. Добѣжавъ до дерева, услышалъ онъ вдругъ стукъ. Полагая, что на деревѣ человѣкъ, волкъ бросилъ овечку и пустился бѣжать еще быстрѣе прежняго. Отбѣжавъ довольно далеко, посмотрѣлъ онъ назадъ,—видитъ, что на деревѣ не человѣкъ, а дятелъ. «Охъ! да наступитъ для тебя несчастный день!—сказалъ тутъ волкъ.—Нигдѣ не прекращается стукъ твоего молотка, а мастеромъ ты не сдѣлался!»—«Также, какъ и ты,—отвѣчалъ дятелъ.—Ты вѣдь безпрестанно воруешь, а все таки не нажилъ стада и не сдѣлался хозяиномъ его».

Эльбрусъ.

Кабардинское преданіе.

Выше всѣхъ горъ Кавказа поднимается Ошхамахо*) и упирается въ небо своими двумя вершинами. Снѣжныя бури бушуютъ вокругъ горы-великана, льды оковали ея крутые обрывы, и никогда не тающіе снѣга покрываютъ, какъ будто саваномъ, ея скаты и поляны. Кто разъ видѣлъ эту гору, тотъ никогда не забудетъ чуднаго блеска снѣговъ; ввѣкъ не изгладится у него изъ памяти сіяніе играющихъ на ледяномъ ея покровѣ лучей солнца. Раньше длинной цѣпи-куршъ (хребетъ), раньше другихъ вершинъ Кавказа и отдаленнаго Казбека отражается на ея ледяной поверхности утренняя заря, раньше на нее падаютъ утренніе лучи солнца. При солнечномъ закатѣ бѣлоснѣжная Ошхамахо загорается розовымъ отливомъ; съ замираніемъ дня, онъ меркнетъ фіолетовымъ оттѣнкомъ, сливаясь постепенно съ темной лазурью вечерняго неба. Эти чудные переливы свѣта ласкаютъ взоръ до тѣхъ поръ, пока огненный шаръ солнца, закатившись за хребтомъ Горени**), не погаснетъ послѣдними лучами. Тогда перестанетъ горѣть и Ошхамахо. Гордо эта гора выступаетъ впереди снѣжной цѣпи и стоитъ на стражѣ Кавказа.

Никто изъ смертныхъ не былъ на вершинѣ этой горы великана. Многіе пытались пробраться туда, куда залетаютъ только птицы небесныя, касаясь своимъ крылышкомъ ледяныхъ ея откосовъ,—заглянуть въ ея пропасти, чтобы увидѣть скрывающіяся въ ея безднахъ чудеса,—но кому это удавалось?

Когда то,—давно это было,—богатырь съ однимъ глазомъ во лбу дерзнулъ проникнуть въ тайны Тпа***) и пробрался въ расщелину между

*) По кабардински—Эльбрусъ.
**) Хребетъ съ восточной стороны Кисловодска.
***) Богъ.

обѣими вершинами, въ то самое мѣсто, гдѣ поднимается огромная, видимая для глаза, скала, у подошвы которой пробивается родникъ чистой, какъ горный хрусталь, воды. Не потерпѣлъ безсмертный Тпа дерзновеннаго поступка смертнаго и приковалъ его къ скалѣ длинною цѣпью за шею. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; богатырь состарѣлся, длинная борода, бѣлая какъ ледники Ошхамахо, доходитъ ему до колѣнъ; мощное тѣло согнулось, а гордое лицо избородилось морщинами. Въ наказаніе за дерзкую попытку богатыря Тпа послалъ хищную птицу: коршунъ прилетаетъ къ нему каждый день и безжалостно клюетъ его сердце, когда-же страдалецъ наклоняется, чтобы испить изъ родника немного воды, то хищная птица, бросаясь раньше его, выпиваетъ все до послѣдней капли. Эта вода имѣетъ чудесную силу. Кому удастся выпить этой воды, тотъ будетъ жить до конца свѣта. Наступитъ время, когда Тпа разсердится на грѣшныхъ дѣтей Адама и, освободивъ одноглазаго великана отъ наказанія, выпуститъ его изъ нѣдръ горы. Горе тогда людямъ! Онъ отомститъ имъ за свои вѣковыя страданія.

Нагрянули на Кабарду крымскіе татары, и захотѣлось грозному хану Шанъ-Гирею побывать на вершинѣ Эльбруса. У подошвы Ошхамахо онъ остановился у кургана и рѣшилъ здѣсь заночевать. Курганъ этотъ и понынѣ называется «султанскій ночлегъ». Шанъ-Гирей на слѣдующій день долженъ былъ подняться на самую вершину. Онъ уже былъ близко отъ ея, когда услыхалъ голосъ: «Калты, калты, Шанъ-Гирей ханъ!» Слова эти по-карачаевски означаютъ: «постой, постой!». Послушался вѣщаго голоса ханъ и возвратился къ своимъ. Это былъ голосъ того же самаго старика, который прикованъ къ скалѣ Эльбруса.

Не удавалось сынамъ горъ побывать на вершинѣ Ошхамахо, но чужіе люди все-таки успѣли тамъ побывать. Пришли энглизы, взяли двухъ проводниковъ кабардинцевъ и взобрались на самую вершину. Долго они смотрѣли оттуда во всѣ стороны, все что то измѣряли и наконецъ насыпали изъ камней небольшой курганъ въ знакъ своего тамъ пребыванія. Спустившись съ вершины, они прибыли благополучно въ аулъ Урусбіева. Тутъ всѣ ихъ засыпали вопросами, не видали-ли они прикованнаго къ скалѣ старика. Разсмѣялись энглизы. Никого они тамъ не видали. Впрочемъ, скалу съ родникомъ они видѣли, но воды имъ не удалось выпить. Да и пить то ее нельзя. Достать воду можно, но пить ее изъ родника Ошхамахо запретилъ самъ Магометъ.

Машука.

Кабардинское преданіе.

На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время находится станица Горячеводская, стоялъ аулъ Кардана Гятежева. У Кардана было небольшое стадо козъ, а среди этого стада выдавалась одна коза своими необыкновенными качествами: ростомъ была она выше другихъ и имѣла длинную бѣлую бороду; молока же она давала каждый день больше ведра. По утрамъ ее доили, а потомъ пастухъ гонялъ ее со стадомъ на сосѣднюю съ ауломъ гору, гдѣ она паслась цѣлый день; въ сумерки пастухъ

пригонялъ стадо домой. Когда доили козъ, Карданъ, какъ хорошій хозяинъ, не отходилъ ни на шагъ и былъ весьма доволенъ тѣмъ, что его длиннобородая коза даетъ столько молока. Однажды Карданъ, къ своему удивленію, замѣтилъ, что она дала такъ мало молока, что его даже не хватило для ея козленка. На другой день то же самое; коза не дала молока ни капли, а ея бѣднаго козленка пришлось напоить молокомъ отъ другихъ козъ. На третій день повторилось то же. «Что это значитъ?»—думаетъ Карданъ; онъ зоветъ пастуха и спрашиваетъ, что это съ козой. «Не знаю,—отвѣчаетъ пастухъ,—я и самъ замѣчаю это, но объяснить себѣ не могу. Странно вотъ что: лишь только выгонишь ее на пастбище, она сейчасъ же отдѣляется отъ стада и куда то исчезаетъ; немного погодя, она возвращается, но уже съ пустымъ выменемъ».—«Теперь смотри въ оба,—сказалъ Карданъ,—ты мнѣ отвѣтишь за нее!»

На слѣдующій день пастухъ ни на минуту не отходилъ отъ козы, а когда она отдѣлилась отъ стада, онъ побѣжалъ за ней и спрятался за выступомъ скалы. И—о, чудо!—изъ своей засады онъ видитъ, что подъ кустомъ лежитъ младенецъ и сосетъ козу. Пастухъ пошевельнулся, и коза, услышавъ шумъ, убѣжала. Тогда онъ бросился къ младенцу и хотѣлъ его взять на руки; но не тутъ-то было: все тѣло ребенка, казалось, горитъ огнемъ; отъ него такъ и пышетъ жаромъ! Пастухъ сдѣлалъ еще разъ попытку взять ребенка, но только обжегъ руки; да не только руки, онъ опалилъ себѣ брови, усы и шерсть на папахѣ! Какъ тутъ быть? Не долго думая, онъ обвязалъ лицо башлыкомъ, накинулъ бурку, а чтобы не обжечь рукъ, онъ нарвалъ мокрыхъ лопуховъ и окуталъ ими всего ребенка. Тогда только ему удалось схватить его; но лишь только онъ взялъ его на руки, то жара какъ не бывало; огненная сила отъ ребенка перешла въ почву, и изъ нея потекли горячіе источники. Ребенка пастухъ принесъ домой, а Карданъ отдалъ его кормилицѣ и сталъ воспитывать какъ родного сына; назвали его Машуко. Воспитанникъ росъ не по годамъ, а по часамъ; семи лѣтъ онъ уже былъ умный и ловкій парнишка. Съ двѣнадцати лѣтъ онъ уже ходилъ на охоту.

Бывало, онъ встанетъ рано утромъ, осѣдлаетъ коня, возьметъ лукъ со стрѣлами и охотится по цѣлымъ днямъ на вершинѣ своей возлюбленной горы или у ея подошвы въ камышахъ, растущихъ у горячихъ источниковъ. Всегда онъ приносилъ много дичи, а иногда и разныя драгоцѣнныя вещи; но откуда онъ ихъ бралъ, это была тайна для всѣхъ. Придя въ совершеннолѣтній возрастъ, онъ попросилъ пріемнаго отца построить ему саклю: «Но смотрите,—прибавилъ онъ,—не мажьте ее глиной: я этого не могу вынести». Прошло нѣсколько дней, и онъ собрался куда-то въ дорогу, сѣлъ на лошадь и, прощаясь съ домашними, повторилъ свою просьбу. Послѣ его отъѣзда, Карданъ построилъ пріемному сыну саклю; когда же она была уже готова, то сестра Кардана пришла посмотрѣть, все ли въ исправности, и, увидѣвъ, что стѣна у очага въ одномъ мѣстѣ потрескалась, взяла да и смазала ее глиной. Вечеромъ вернулся Машуко и, взглянувъ на очагъ, замѣтилъ мѣсто, вымазанное глиной. «Такъ какъ вы меня не послушались,—сказалъ Машуко,—я съ вами оставаться не могу». Сказавъ это, онъ отворилъ сундукъ и вынулъ чашу неописанной красоты: блеститъ какъ серебро, но не серебро; горитъ какъ золото, но не золото; сверкаетъ какъ алмазъ, но не алмазъ! Взявъ ее въ

руку, онъ сказалъ: «Храните эту чашу въ своемъ родѣ: пока она у васъ, вы никогда не будете бѣдствовать»! Съ этими словами Машуко удалился на свою гору и оттуда уже больше не возвращался. Спустя нѣсколько времени, братъ Кардана, поднявшись на вершину горы, нашелъ красный чевякъ Машуко. И вотъ этотъ чевякъ, вмѣстѣ съ драгоцѣнной чашей, хранится до сихъ поръ въ семействѣ Гятежевыхъ. По всеобщему убѣжденію, къ этимъ предметамъ, кромѣ членовъ рода Гятежевыхъ, никто не можетъ прикасаться; отъ одного прикосновенія можно сдѣлаться калѣкой. Полагаютъ, что этотъ Машуко былъ не обыкновеннымъ человѣкомъ, а джиномъ; гора же, на которой онъ скрылся, получила отъ него свое названіе—Машука.

Бештау.

Кабардинское преданіе.

На склонѣ пятиглавой Ошхатху *), съ южной стороны, есть большая поляна. Съ цѣлой Кабарды собирались сюда нарты, чтобы принять участіе въ скачкахъ, джигитовкѣ и въ разныхъ состязаніяхъ въ силѣ и ловкости: бѣганіи въ запуски, бросаніи камней, сбиваніи всадника съ сѣдла толчкомъ руки, стрѣльбѣ изъ лука въ цѣль. Въ этихъ играхъ всегда отличался знаменитый нартъ Сосруко.

Нарты завидовали его ловкости и ненавидѣли его всею душою, но ничего не могли съ нимъ подѣлать: онъ ихъ побѣждалъ не только въ играхъ, но и въ бою.

Однажды весь южный склонъ Бештау пестрѣлъ отъ несмѣтной толпы нартовъ. Происходила небывалая игра: одни нарты вкатывали вверхъ волшебное колесо (жан-шарх), заостренное стальными рубцами, а другіе, стоявшіе на горѣ, спускали его внизъ. Сосруко стоялъ внизу; пришла его очередь подталкивать колесо: онъ подталкивалъ его такъ, какъ и другіе—руками.

Тогда бывшіе на вершинѣ нарты, желая его гибели, стали его подзадоривать: «Ну-ка, Сосруко, подталкивай грудью»! Сосруко дѣлалъ то, о чемъ его просили. «Подталкивай колѣномъ!».—И это онъ исполнялъ. «Подталкивай лбомъ»! Сосруко и это было ни по чемъ: колесо очутилось на вершинѣ Бештау. Игра прекратилась, такъ какъ солнце закатилось за горы Горенижъ. Сосруко спустился на поляну. Ночью пробралась къ оставшимся на Бештау нартамъ старушка-колдунья и стала подтрунивать надъ ними: «Какъ это вы, нарты, хотите погубить Сосруко, а того не знаете, что его тѣло неуязвимо»?—«Что ты говоришь, старушка? Мы объ этомъ ничего не слыхали»!—отвѣчали нарты. «Вамъ ненавистенъ Сосруко, а мнѣ—его мать, Сатанеи,—сказала колдунья.—Такъ слушайте, что я вамъ скажу: когда Сосруко вынимали изъ родившей его каменной утробы, то бедро, за которое буке **) схватилъ щипцами, покрылось

*) Это—кабардинское названіе горы Бештау. Арабскій путешественникъ Ибнъ-Батуту, осматривавшій въ 1338 г. Пятигорье и, между прочимъ, упоминающій о сѣрныхъ водахъ, называетъ гору Беш-даг, производя это слово отъ татарскаго беш—пять и даг—гора (Тизенгаузенъ, «Сб. мат. отн. ист. Зап. орды», I, 289).

**) Кузнецъ.

костью и сдѣлалось уязвимо для оружія: пригласите его подталкивать жан-шарх бедромъ!».

На слѣдующее утро явился Сосруко; къ нему спустили колесо, и онъ сталъ его опять подталкивать такъ, какъ наканунѣ. «Ну-ка, Сосруко, подтолкни бедромъ»,—подзадориваютъ его нарты.

Увлекшись игрой, Сосруко забылъ объ угрожавшей ему опасности и подставилъ скатывавшемуся колесу бедро: бедренная кость отъ сильнаго удара раздробилась, и Сосруко упалъ полумертвымъ.

Онъ чувствовалъ, что его смерть близка. Собравшись съ силами, онъ позвалъ своего вѣрнаго коня: «Тхожей, я помираю»!

Мигомъ очутился подлѣ него его чудо-конь. Сдѣлавъ сверхъестественное усиліе, Сосруко вскочилъ на него, ударилъ его плетью и поскакалъ чрезъ горы и доды къ Черному морю. На берегу моря онъ велѣлъ своему вѣрному коню разрыть копытами землю. Въ вырытую могилу легъ Сосруко, а затѣмъ его вѣрный конь насыпалъ надъ его тѣломъ курганъ. Отдавъ послѣдній долгъ своему господину, Тхожей взвился на воздухъ и пропалъ безслѣдно. Еще и понынѣ по ту сторону Ошхамахо, на берегу моря, возвышается къ небу курганъ Сосруко.

Гадальщица Бабочка.

Кабардинская сказка.

Одинъ мулла ѣхалъ вдоль аула на розыски своей пропавшей лошади. Ему встрѣтилась женщина. Почему-то предположивъ, что женщина эта должна быть гадальщицей, мулла пристalъ къ ней, чтобы она погадала ему о пропавшей его лошади. Не слушая увѣреній бѣдной женщины, что она не умѣетъ гадать и въ жизни своей не брала съ этой цѣлью въ руки фасоли, мулла понудилъ ее зайти съ нимъ въ ближайшую саклю. Тамъ, доставъ у хозяевъ фасоли, онъ посадилъ женщину гадать. Та, неумѣвшая, дѣйствительно, гадать, кинула раза два фасоль и, чтобы только отдѣлаться какъ нибудь отъ назойливаго муллы, сказала: «Вѣдь лошадь, которую ты разыскиваешь, стоитъ за твоимъ дворомъ, возлѣ сѣна твоихъ сосѣдей». Мулла, вернувшись, въ самомъ дѣлѣ нашелъ свою лошадь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ указала женщина. «Какая свѣдущая гадальщица»!—удивился мулла, загнавъ коня домой. Черезъ нѣсколько времени послѣ того у дочери хана пропалъ перстень. Какъ ни разыскивали, къ какимъ гадальщицамъ ни обращались, никакъ не могли найти перстень. Ханъ сильно былъ огорченъ этою пропажею. Придя разъ къ хану и узнавъ, о чемъ онъ печалится, мулла посовѣтовалъ ему обратиться къ гадальщицѣ, отыскавшей его коня. Послали тотчасъ за ней. Какъ она ни отказывалась, но ее все-таки усадили гадать. Въ это самое время гадальщицу вызвала изъ комнаты старая служанка хана, которая, испугавшись, чтобы гадальщица сама не открыла, созналась въ томъ, что она украла перстень ханской дочери, и просила гадальщицу, чтобы она не выдавала ее, перстень же она возвратитъ тотчасъ, положивъ его подъ порогъ. Бабочка (такъ звали гадальщицу) охотно согласилась и,

увѣривъ старуху, что она не выдастъ ея, вернулась въ комнату. Зная уже, гдѣ перстень, она смѣло могла гадать; кинувъ раза два фасоль, чтобы дать время старухѣ положить перстень на мѣсто, она самоувѣренно сказала: Ахъ, Богъ мой, да вѣдь перстень, надъ отысканіемъ котораго вы такъ долго ломали голову, лежитъ тутъ же подъ порогомъ!» Пошли,—и что-же?—дѣйствительно, нашли его, такъ какъ укравшая старуха только что положила его туда. Когда доложили хану объ этомъ, ему вздумалось испытать, насколько, въ самомъ дѣлѣ, велико умѣнье гадальщицы. Призвавъ ее, онъ сказалъ: «Если ты хорошая гадальщица, я сожму что-либо въ своемъ кулакѣ. Отгадаешь,—значитъ, ты хорошая гадальщица, и я тебя награжу; если же нѣтъ, ты только обманщица, и я велю тебя казнить». Тутъ-то Бабочка окончательно поникла головою. Ханъ выслалъ ее, и только-что подумалъ онъ, что бы положить въ кулакъ, какъ влетѣла въ комнату бабочка. Ханъ подумалъ, что это отличный случай и гадальщицѣ никакъ не можетъ притти въ голову, чтобы онъ, сидя въ комнатѣ, могъ поймать бабочку. Схвативъ и сжавъ ее въ кулакѣ, онъ велѣлъ ввести снова гадальщицу и усадилъ ее отгадывать. Бѣдная женщина, усѣвшись и кидая фасоль, стала размышлять о томъ, какъ извернуться изъ этого безвыходнаго положенія, такъ какъ не могла же она, не умѣя вовсе гадать, извернуться при помощи фасоли. Но какъ ни думала, ничего не могла придумать. Тогда, въ отчаяніи, она сказала, обращаясь къ самой себѣ: «Бѣдная Бабочка, попалась ты теперь въ гибельное для тебя мѣсто!»—«Ну, да и гадальщица-же!—сказалъ тогда сильно удивленный ханъ (не знавшій, что имя гадальщицы также Бабочка), разжимая свой кулакъ и выпуская оттуда бабочку. Женщина, не вѣря своему счастью, поспѣшила убраться поскорѣе во-свояси съ даннымъ ей ханомъ золотомъ, закаиваясь никогда болѣе не гадать.

Волкъ и перепелка.

Кабардинская сказка.

Перепелка и волкъ бродили вмѣстѣ. Однажды волкъ обратился къ перепелкѣ съ такою просьбою: «Я очень голоденъ, дай мнѣ чего либо покушать».—«Что же я тебѣ дамъ?—отвѣтила перепелка.—Пожалуй, пойдемъ туда, гдѣ жнутъ»,—продолжала она и повела волка. Пришли туда въ ту пору, когда жнецы всѣ сидѣли и закусывали. Волкъ спрятался въ хлѣбѣ, еще не сжатомъ, а перепелка полетѣла и сѣла возлѣ жнецовъ. Увидѣвъ ее, жнецы вскрикнули: Перепелка, перепелка!» и, бросивъ ѣду, кинулись ловить ее. Перепелка перескакивала съ мѣста на мѣсто, а жнецы бѣжали за ней, думая: «Вотъ, сейчасъ ее поймаемъ». Такъ она заманила ихъ далеко. Тѣмъ временемъ волкъ пришелъ къ оставленной жнецами провизіи и, поѣвъ ее всю, скрылся. Тогда и перепелка улетѣла отъ жнецовъ. Встрѣтившись потомъ съ волкомъ, она спросила его, наѣлся ли онъ. Волкъ отвѣтилъ, что онъ поѣлъ хорошо, но что ему теперь хотѣлось бы смѣяться.—«Какъ же мнѣ заставить тебя смѣяться?»—спросила перепелка, а потомъ прибавила: «ступай, садись вонъ на тотъ

холмъ и гляди оттуда на то, что я буду дѣлать». Волкъ взобрался на холмъ, перепелка же полетѣла и сѣла на голову одной женщины, доившей корову. Женщина вскрикнула: «Перепелка, перепелка!» На крикъ ея выскочилъ мужъ и, сказавъ: «Не давай ей улетѣть, я сейчасъ ее поймаю»,—вернулся въ саклю и вынесъ топоръ. Намѣреваясь ударить топоромъ перепелку, онъ попалъ въ жену и раскроилъ ей голову. Перепелка улетѣла. Волкъ, все смѣясь, скатился съ самаго верха холма до низу. Прилетѣвъ къ нему, перепелка спросила, смѣялся ли онъ, на что волкъ отвѣтилъ, что онъ вволю посмѣялся, но теперь ему хотѣлось бы побѣгать до устали. «Какъ же заставить тебя набѣгаться?»—сказала перепелка и повела его въ ногайскій аулъ. Ногайцы, какъ только запримѣтили волка, погнались за нимъ и гоняли его до тѣхъ поръ, пока онъ не выбился совсѣмъ изъ силъ. Волкъ кое-какъ скрылся отъ ногайцевъ и доплелся до перепелки, которая спросила его: «Ну, что, набѣгался ли?»—на что онъ отвѣтилъ: «Аллахъ, аллахъ, немало они меня промучили!» Потомъ волкъ сказалъ перепелкѣ: «Аллахъ, аллахъ, какъ тѣло у меня чешется! почеши немного меня». Перепелка почесала его. Волкъ продолжалъ: «Спина моя теперь чешется»,—перепелка почесала ему спину; потомъ волкъ сказалъ, что плечо его чешется; почесала перепелка и плечо его; потомъ, что лобъ чешется; почесала перепелка и лобъ; потомъ, что грудь чешется. Когда перепелка со лба волка хотѣла перелетѣть на грудь его, чтобы почесать и ее, волкъ схватилъ перепелку. «Что такое, зачѣмъ ты меня хочешь съѣсть?»—спросила его тогда перепелка.—«Какъ тебя не съѣсть, когда ты замучила меня такъ»,—отвѣчалъ волкъ.—«Такъ съѣшь же, по крайней мѣрѣ, какъ принято кушать. Скажи прежде «бисмилляхъ» и потомъ уже кушай»,—сказала перепелка. Когда волкъ раскрылъ ротъ и хотѣлъ проговорить «бисмилляхъ», перепелка улетѣла. Схвативши ее въ догонку, волкъ успѣлъ поймать только ея хвостъ, который и откусилъ. Потому-то, говорятъ, теперь у перепелки и короткій хвостъ.

II.

Повѣрья, предразсудки и преданія.

О народномъ суевѣріи въ Грузіи.

Новый годъ, который прежде въ Грузіи, какъ и у насъ въ Россіи до Петра Великаго, праздновался 1-го сентября, встрѣчается грузинами съ торжественными обрядами. Наканунѣ 1-го января, вездѣ по городу, въ теченіе цѣлой ночи раздаются ружейные выстрѣлы. Это тѣшится молодежь, провожая старый годъ и встрѣчая новый, между тѣмъ какъ женщины приготовляютъ разныя сладкія яства, между которыми есть придуманныя собственно для новаго года, какъ то: бассилъ—хлѣбы счастья, которые пекутся для каждаго члена семейства, гозинахи (орѣхи, вареные въ меду или сахарѣ) и алвахи (густо перетопленный медъ). Двери въ это время вездѣ оставляются растворенными, чтобы счастье, которое въ ту ночь разгуливаетъ по міру Божьему, не встрѣтило затрудненія войти въ какой-нибудь уголокъ. Рано по утру, почти еще до свѣта, глава семейства разноситъ своимъ домашнимъ сушеные фрукты на особомъ подносѣ, который называется по грузински табля. Потомъ къ нему являются родственники и коротко знакомые съ поздравленіемъ, и каждый пришедшій говоритъ обыкновенно хозяевамъ: «Да благословитъ васъ Господь Богъ! я пришелъ въ домъ вашъ по стопамъ ангела». Поздравителя принимаютъ съ патріархальнымъ радушіемъ, угощаютъ всякими сластями, потчуютъ сладкою водкой и дарятъ чѣмъ-нибудь на счастье. Знакомые, встрѣчаясь на улицѣ, также поздравляютъ взаимно другъ друга съ новымъ годомъ, обнимаются и, послѣ лобзаній, подаютъ одинъ другому заранѣе припасенный леденецъ, сахаръ или конфету, примолвя: «Желаю тебѣ такъ сладко состарѣться!»

Часто у грузинъ встрѣчаются остатки языческихъ обрядовъ. Относятся они преимущественно къ демонологіи и вообще состоятъ въ понятіяхъ и повѣріяхъ народа о нечистой силѣ или злыхъ духахъ. Въ этомъ случаѣ первенство остается на сторонѣ жителей Имеретіи, Гуріи и Мингреліи, какъ странъ, имѣвшихъ въ древности ближайшія сношенія съ греческими колоніями, процвѣтавшими на берегу Чернаго моря. Въ тѣхъ странахъ нечистая сила въ фантазіи народа занимаетъ видное мѣсто; напримѣръ, имеретины знаютъ, какого рода и въ какихъ мѣстахъ обитаютъ духи, знаютъ ихъ имена, свойства, обычаи и нравы и разсказываютъ про нихъ много

интересныхъ исторій. Тамъ, въ Имеретіи, по словамъ жителей, обитаютъ и вѣдьмы, которыя, подобно родственнымъ съ ними кіевскимъ вѣдьмамъ, летаютъ на шабашъ и совершаютъ разныя козни во вредъ христіанскому міру. Убѣжденіе въ ихъ существованіи такъ глубоко укоренилось въ понятіяхъ народа, что онъ часто, въ случаѣ какого-нибудь общаго бѣдствія, безъ дальнихъ разсужденій, хваталъ нѣкоторыхъ подозрительныхъ старухъ и истязалъ ихъ, въ присутствіи даже князей и духовенства, выпытывая признаніе въ сношеніяхъ съ нечистою силою. Въ 1834 году въ нѣкоторыхъ деревняхъ Грузіи случился неурожай гоми и кукурузы. Толковые и догадливые люди тотчасъ же рѣшили, что это продѣлка вѣдьмъ и колдуновъ. По подозрѣніямъ схвативъ нѣсколько лицъ, бросали ихъ въ воду, вѣшали за руки на деревьяхъ и прикладывали раскаленное желѣзо къ обнаженному тѣлу, добиваясь узнать, какимъ образомъ они произвели неурожай.

Въ Имеретіи, кромѣ зловредныхъ колдуновъ и вѣдьмъ, водятся еще кудесники, кликуши—нѣчто въ родѣ нашихъ юродивыхъ или помѣшанныхъ. Простой народъ весьма ихъ уважаетъ. Онъ слѣдуетъ за ними толпою и, слушая со всевозможнымъ вниманіемъ ихъ глупыя рѣчи, съ подобострастіемъ выполняетъ всѣ приказанія, которыя бываютъ иногда весьма нелѣпы. Такъ, если юродивый скажетъ кому-нибудь: «Беро! ты грѣшный человѣкъ! Ты въ прошломъ году, вотъ въ такой-то день, передъ вечеромъ, затѣялъ богопротивное дѣло. Не отнѣкивайся! Ты не помнишь. Забылъ! но отъ меня ничего не скрыто, все знаю. Иди-ка лучше, нечестивецъ, въ такую-то церковь, да помолись тамъ образу, да зарѣжь потомъ овцу или корову». Иногда отдается приказаніе взойти на какую нибудь высокую гору, гдѣ находятся остатки древняго монастыря, или просто покаяться въ грѣхахъ въ духанѣ. Во всякомъ случаѣ бѣдный Беро смиренно припоминаетъ, что онъ дѣйствительно разъ подумалъ о недобромъ дѣлѣ, и идетъ куда слѣдуетъ.

Эти юродивые весьма незлобны; народъ на нихъ не жалуется, но иногда между мелкими глупостями они говорятъ глупости серьезныя и этимъ приводятъ легкомысленныхъ въ сомнѣніе. Съ большимъ или меньшимъ измѣненіемъ такія суевѣрія встрѣчаются въ Кахетіи и другихъ частяхъ Грузіи.

Вообще у грузинъ, какъ у и другихъ народовъ, иногда къ чистымъ религіознымъ убѣжденіямъ примѣшивается безотчетно суевѣріе, и значительная часть необыкновенныхъ въ жизни приключеній, добрыхъ или худыхъ, относится къ дѣйствію и вліянію какого-либо святого. Такъ, если кто занеможетъ, и туземный медикъ, употребляющій противъ пятидесяти болѣзней одно и то же средство, искусствомъ своимъ рѣшительно не можетъ, то добрыя старушки и родственницы, собравшись на консиліумъ, единогласно утверждаютъ, что несчастный боленъ отъ образа (хатисъганъ), т. е. что онъ оскорбилъ какой нибудь образъ или словомъ, или мыслью, или дурнымъ дѣломъ. Тогда везутъ больного, часто полуживого, за нѣсколько десятковъ верстъ въ ту церковь, гдѣ, по ихъ предположенію, долженъ находиться такой образъ. Тамъ они служатъ молебенъ, приносятъ жертвы и нерѣдко оставляютъ болящаго на церковномъ помостѣ въ ожиданіи или совершеннаго его исцѣлѣнія, или смерти. Въ этомъ случаѣ особенною извѣстностью пользуется въ народѣ тифлисская

церковь св. Георгія, называемая Кашветы, гдѣ на церковномъ помостѣ нерѣдко можно встрѣтить одержимыхъ недугами, пріѣхавшихъ издалека искать защиты и милости особенно чтимаго народомъ св. Георгія Побѣдоносца.

Мингрельскія повѣрья.

Въ руку мыла другому не давайте, а то другъ друга возненавидите.

Если прежде другихъ встрѣтишь священника на дорогѣ, знай, что дѣло, за которымъ идешь, кончится неблагопріятно для тебя.

Лукъ не бросай ни въ кого, а то отъ него получишь горькое слово.

Вдовцы и вдовы, а также хозяева умершихъ родныхъ не должны умывать головы въ субботу, а то покойники пострадаютъ въ загробной жизни.

Если пѣтухъ не во время запѣлъ, знай, что воръ къ тебѣ спѣшитъ.

Армянскія повѣрья, предразсудки и примѣты.

У армянъ есть повѣрье, что Богъ, за тяжкіе грѣхи, женщинъ превращаетъ въ волчицъ (мардагелъ); это случается въ темную ночь, при слѣдующихъ обстоятельствахъ: когда женщина, уложивъ своего ребенка спать, выходитъ на дворъ, то въ это время на нее падаетъ съ неба волчья шкура; тогда женщина, превратившись въ волчицу, возвращается домой, сначала поѣдаетъ своихъ дѣтей отъ мала до велика, а потомъ забирается къ родственникамъ, сосѣдямъ и, наконецъ, безъ всякаго разбора—куда попало. Женщина бываетъ обречена быть мардагеломъ въ теченіе только семи лѣтъ, по истеченіи которыхъ волчья шкура улетучивается, и она дѣлается прежней женщиной. Мардагелъ въ волчьей шкурѣ только ночью, а днемъ она прячетъ свою шкуру и является въ образѣ обыкновенной женщны. Если найти эту шкуру и сжечь, хоть на слѣдующій день послѣ ея паденія съ неба, то женщина освобождается отъ такого страшнаго наказанія; но дѣло въ томъ, что онѣ этого не хотятъ и, обыкновенно, шкуру на день прячутъ далеко отъ людского взора.

По представленію армянъ, есть нечистые духи, которые дѣйствуютъ только въ началѣ марта и называются «шводъ». Они, какъ и остальные духи, могутъ принимать всевозможные виды. Шводъ, чтобы забраться въ жилыя помѣщенія, принимаетъ видъ кошки, безпрепятственно заходитъ въ дома и вноситъ съ собой морозъ. Особенно любимый день для шводa первое марта; поэтому креестьяне въ этотъ день съ утра растворяютъ настежъ двери, бьютъ бараньими шкурами и вѣниками по всѣмъ угламъ и стѣнамъ дома, приговаривая: «Шводъ вонъ, человѣкъ зайди». Послѣ этого по угламъ и кругомъ столбовъ проводятъ линіи, а у дверей

кладутъ пластинку желѣза, чтобы шводъ не могъ зайти въ комнату. Такимъ образомъ шводъ, не допускаемый въ жилища, бродитъ по полямъ.

Развалины домовъ и мельницъ служатъ жилищемъ чертей, которые въ нихъ справляютъ свою свадьбу.

Въ домъ, въ которомъ есть черная собака, чортъ никогда не заходитъ.

Ночью въ зеркало не слѣдуетъ смотрѣть: черти могутъ испугать.

Дьяволы особенно любятъ жить подъ орѣховыми деревьями, а потому опасно спать подъ ними, въ особенности въ вѣтреную погоду.

На лѣвомъ плечѣ человѣка сидитъ ангелъ и его охраняетъ, а на правомъ—дьяволъ; поэтому слѣдуетъ всегда спать на правомъ боку, въ противномъ случаѣ съ человѣкомъ можетъ случиться кошмаръ.

Во время засухи, чтобы вызвать дождь, маленькія дѣвочки берутъ вѣникъ, одѣваютъ его, какъ куклу, а лицо покрываютъ миткалемъ. Эту куклу носятъ двѣ дѣвочки, а третья идетъ сзади съ какой-нибудь посудой въ рукахъ; онѣ толпой обходятъ дома и поютъ.

Дѣвочкамъ непремѣнно слѣдуетъ дать чего-нибудь: риса, муки, масла, яицъ, кусочекъ желѣза или даже камешекъ,—словомъ, лишь бы не отпустить ихъ съ пустыми руками, а то Богъ прогнѣвается, и дождя совсѣмъ не будетъ.

Во время засухи, если четыре женщины вмѣстѣ пойдутъ на татарское кладбище, оттуда достанутъ черепъ и, привязавъ его къ сѣну, потащутъ въ рѣку, то немедленно пойдетъ дождь.

Земля стоитъ на рогахъ быка (нѣкоторые говорятъ—на рогахъ барана); когда этотъ быкъ трясетъ головой, происходитъ землетрясеніе.

Затменіе солнца и луны происходитъ оттого, что чортъ садится на нихъ.

По убѣжденію армянъ, существуютъ двухъ родовъ кометы: однѣ съ бородою, другія съ хвостомъ; комета съ бородою предвѣщаетъ эпидемическую болѣзнь, а съ хвостомъ—войну.

При первомъ весеннемъ громѣ спиною трутся о стѣну, а по зубамъ бьютъ камнемъ, чтобъ они окрѣпли и не болѣли.

Чтобы прекратить градъ, первенецъ отца долженъ нѣсколько штукъ изъ градинъ нарѣзать крестообразно или же кто-нибудь долженъ поперечный стержень канфорки выбросить на дворъ.

Въ ночь Вознесенія и Новаго года, въ продолженіе одной секунды, во всѣхъ рѣкахъ вода останавливается; кто успѣетъ въ это время зачерпнуть воды, то эта вода въ его кувшинѣ превратится въ золото.

Армяне вообще на эпидемическія болѣзни смотрятъ, какъ на Божью кару за людскіе грѣхи. Чума, по ихъ убѣжденію, имѣетъ образъ женщины, которую сопровождаютъ двое мужчинъ—одинъ въ красной одеждѣ, съ красною плетью въ рукѣ, другой въ черной одеждѣ, съ черною плетью. Если кого-нибудь коснется своей плетью человѣкъ въ красной одеждѣ, онъ не умретъ, а если коснется человѣкъ въ черной одеждѣ, то не избѣжать смерти.

По убѣжденію крестьянъ, при появленіи эпидемическихъ болѣзней слѣдуетъ ходить съ зурною по селу, на всѣхъ улицахъ останавливаться и бараньей шкурой бить по землѣ, приговаривая: «Уходи, уходи, довольно гостила у насъ!» Отъ этого, будто бы, болѣзнь уничтожается.

Армяне Карсской области представляютъ себѣ чуму и холеру въ образѣ старухи съ двумя палками въ рукахъ—синей и черной; если старуха прикоснется къ человѣку синей палкой, то онъ спасется, а если черной, то умретъ.

Для того, чтобы вылѣчить ячмень на глазу, нужно сдѣлать куклу и бросить въ огонь.

Чрезъ человѣка, который лежитъ, нельзя переступать, не то онъ умретъ.

Кошмаръ, по представленію армянъ, происходитъ оттого, что чортъ, пользуясь грѣховностью человѣка, ночью садится къ нему на животъ и душитъ его.

Падучая болѣзнь происходитъ оттого, что чортъ забирается въ тѣло человѣка и мучаетъ его.

Если въ домѣ лежитъ больной, то тамъ нельзя бѣлье съ мыломъ стирать, потому что больной умретъ или же болѣзнь его надолго затянется.

Счастье человѣка, по представленію армянъ, наматывается, подобно ниткамъ, на клубокъ, а при несчастьѣ клубокъ разматывается, а потому, если съ кѣмъ-нибудь случается подъ рядъ нѣсколько несчастій, говорятъ, что у него клубокъ счастья разматывается.

Послѣ захода солнца никому и ничего нельзя давать, а то все счастье домашнихъ уйдетъ; поэтому и ночью сора не выбрасываютъ, чтобы счастья домочадцевъ вмѣстѣ съ соромъ не выбросить.

Въ первый день, при видѣ молодой луны, слѣдуетъ показать ей деньги, чтобы въ продолженіе мѣсяца не нуждаться въ нихъ.

Собака своимъ воемъ жалуется за что-нибудь Богу на своего хозяина и проситъ, чтобы на него обрушились несчастья. Вой собаки предвѣщаетъ также смерть близкаго родственника хозяина, а потому не слѣдуетъ позволять собакѣ выть.

Карканье вороны предвѣщаетъ несчастье.

Въ день Срѣтенія Господня на крышахъ зажигаютъ сѣно; въ какую сторону дымъ занесется, на той сторонѣ и будетъ хорошъ урожай; а если новобрачные три раза обойдутъ вокругъ огня и перепрыгнутъ черезъ него, то ихъ жизнь будетъ счастлива до гробовой доски.

При поѣздкѣ куда-нибудь, если встрѣтишь водоноса съ пустыми кувшинами, значитъ будетъ неудача, а если съ полными—благополучіе и удача.

Если дѣвушка не съѣстъ поданной ей порціи, женихъ ея некрасивый будетъ.

Когда на ногтяхъ появляются бѣлыя пятна, значитъ—будетъ обновка или подарокъ.

Если ноги чешутся, значитъ—плакать придется.

Если подбородокъ чешется, мужчина въ гости придетъ.

Если брови чешутся, кланяться придется.

Если правая часть головы «играетъ» (подергивается), ненавидящій тебя полюбитъ, если же лѣвая, отъ несчастья избавишься.

Если лобъ подергивается, получишь повышеніе и достигнешь большихъ почестей.

Если правый високъ подергивается, надѣнешь трауръ по родственникѣ, а если лѣвый—или большое счастье будетъ, или подерешься съ кѣмъ-нибудь.

Если правая бровь чешется, потерянное найдешь, а если лѣвая—заболѣешь.

Если правый глазъ подергивается, несчастье случится, а если лѣвый—радость и повышеніе.

Если носъ подергивается, то большую прибыль получишь.

Если правая часть лица подергивается, деньги найдешь, а если лѣвая—несчастье будетъ и опечалишься.

Если правое ухо подергивается, значитъ—услышишь вѣсть отъ дальнихъ родственниковъ и обрадуешься, а если лѣвое—дальніе родственники пріѣдутъ.

Если правая часть спины подергивается, несчастье будетъ, а если лѣвая—незаслуженно будешь награжденъ.

Если правый локоть подергивается, влюбишься, а если лѣвый—будешь раненъ.

Если правая ладонь подергивается, подерешься и непріятности будутъ, а если лѣвая—деньги получишь.

Если дѣвица или парень хотятъ видѣть своихъ суженыхъ, то должны въ пятницу, во время поста св. Саркиса, спечь себѣ очень соленый калачъ, безъ закваски, вечеромъ съѣсть его и не пить воды: въ ту ночь суженый или суженая во снѣ дастъ жаждущему воды.

Если мышь заберется въ чью-нибудь постель, то это означаетъ, что жена ему измѣнитъ.

Если разбить на порогѣ дверей чашку или кувшинъ, то человѣкъ, вышедшій передъ этимъ, болѣе не вернется въ тотъ домъ и въ скорости умретъ.

Если кто-нибудь весной отрубитъ хвостъ первому попавшемуся ему пресмыкающемуся, высушитъ, а потомъ зажжетъ его въ какомъ-нибудь общественномъ мѣстѣ, то присутствующіе въ немъ представятся его глазамъ совершенно голыми.

Если на пути своемъ армянинъ встрѣтитъ священника, то дѣло, за которымъ онъ идетъ, не удастся. Чтобы отвратить несчастье, нужно булавку сломать. Такое же значеніе имѣетъ встрѣча и съ покойникомъ; въ этомъ случаѣ обыкновенно откладываютъ дѣло, за которымъ шли, до другого дня.

Если споткнешься, гость будетъ.

Если лѣвое ухо горитъ, значитъ хвалятъ тебя, а если правое—хулятъ.

Когда въ ушахъ звенитъ, вспоминаютъ о тебѣ; звонъ этотъ прекратится, если угадаешь человѣка, который вспоминаетъ о тебѣ.

Если локтемъ ударишься о что-нибудь, навѣрное вспоминаютъ о тебѣ.

Если лицо горитъ или тебя безпокоитъ икота, то значитъ—хулятъ и ругаютъ тебя.

Если гость, уходя, что-нибудь оставитъ, значитъ—опять гости придутъ.

Беременная женщина не должна переходить рѣку въ бродъ, потому что, если во время ея переправы проплыветъ между ея ногами рыба или какое-нибудь другое водяное животное, она родитъ рыбу или какую нибудь другую тварь.

Пока не исполнится сорока дней, роженица не должна ходить въ чужой домъ, потому что она принесетъ несчастье, и если въ томъ домѣ дѣти—они умрутъ.

Если ребенокъ очень плаксивый, то его шею обвязываютъ веревкой, приготовленною изъ сѣна, и три раза обводятъ кругомъ церкви; послѣ этого онъ измѣнитъ свой капризный нравъ.

Подъ насѣдку яица должна класть женщина, чтобъ изъ нихъ выходили куры, а если положитъ мужчина, то выйдутъ пѣтухи.

Въ ночь на Вознесеніе старухи надѣваютъ свои одежды, начиная съ шальваръ и кончая верхнимъ платьемъ, на-изнанку, тайкомъ забираются въ стадо и перепрыгиваютъ чрезъ своихъ дойныхъ коровъ, чтобъ у нихъ прибавилось молока и масла было бы больше.

При печеніи хлѣба, нельзя кушать первыхъ по счету семи хлѣбовъ, а то умретъ жена: нужно подождать, покуда достанутъ изъ «торни» восьмой хлѣбъ.

На беременныхъ овецъ сажаютъ дѣвочекъ, чтобъ овцы рожали самокъ.

Покойники послѣ вечернихъ сумерокъ встаютъ изъ своихъ могилъ и въ саванахъ, въ которыхъ ихъ похоронили, гуляютъ по кладбищу и пируютъ. Поэтому армянинъ никогда ночью не согласится пройти мимо кладбища: онъ увѣренъ, что покойники станутъ бросать въ него камнями, а если поймаютъ, то и задушатъ.

Стихотвореніе Бесики (Габашвили).

(Грузинскаго поэта XVIII вѣка).

Жизнь моя полна печали...
Ты одна мой свѣтлый лучъ.
Взглянешь—сердцу веселѣе,
Солнце выйдетъ изъ-за тучъ.
Но и ты мнѣ измѣнила,
Обрекла на смерть меня.
Жизни нить ты оборвала,
Сердце вырвала шутя.
За жестокость за такую
Ты отвѣтишь мнѣ душой,
И самъ Богъ, судья верховный
Пусть разсудитъ насъ съ тобой.

Грузинская пѣсня.

(Соч. царицы Кетеваны, дочери Ираклія II).

О, какъ тяжко мнѣ словомъ выразить
Все, что вынесло сердце бѣдное!
Тучей сѣвера горы родины
Тѣнью мрачною ужъ окутаны;
Мѣста чудныя, красотъ полныя,
Бурей грозною вы загублены!
Розы пышныя и душистыя,
Отъ земли родной вы оторваны!
Ливень силою безпощадною
Затопилъ поля милой родины,
Отъ тебя вдали, о, мой край родной,
Я томлюсь въ тоскѣ и скорблю душой!
Доля горькая-жизнь невольная,
Жизнь печальная, одинокая!
Тяготятъ меня рѣчи льстивыя
И вниманіе стражи бдительной,
Но ни слова мнѣ въ утѣшеніе....
И надежды нѣтъ на спасеніе!
О природа—мать всемогущая,
Сила Божія вездѣсущая,
О зачѣмъ меня пощадили вы,
Громомъ молніей не сразили вы.

Пѣсня хойскаго Вартана.

(Армянскаго народнаго пѣвца XII в.).

1. Прежде чѣмъ явиться въ этотъ міръ,
Повелѣніемъ Бога я попалъ въ утробу матери,
Въ утробѣ ея вскипѣлъ, созрѣлъ; округлившись,
Обратился въ одну каплю крови.
2. Черезъ девять мѣсяцевъ, девять дней и часовъ
Почеркомъ Бога написано было письмо головы моей *);
По объему своему не помѣщаясь больше тамъ,
Когда срокъ кончился, попалъ я въ этотъ міръ.
3. Пришла старуха, какъ вышелъ въ свѣтъ,
Соли посыпала она на меня;
Сосавъ съ двухъ дынь **), узналъ я вкусъ новинки,
Тогда почувствовалъ, что попалъ я въ міръ.

*) Туземцы думаютъ, что швы, соединяющіе лобную кость съ темянными, есть рукопись, написанная рукою Бога. Въ этой рукописи Онъ опредѣлилъ все то, что должно случиться съ человѣкомъ въ этой жизни. Армяне это предопредѣленіе называютъ (лобное письмо).

**) Въ подлинникѣ «щамами»—ароматическая дыня, которой не кушаютъ, такъ какъ она не сладкая; сѣютъ же ее потому, что она имѣетъ пріятный ароматъ.

4. Лучи луны, солнца упали на лицо,
Обрадовался, засмѣялся я самъ собою;
Занавѣсъ, плача, на себя потянувъ,
И день, и ночь мучилъ мать свою.
5. Кумъ въ объятія меня поднялъ,
Поднявши, въ церковь понесъ,
Священникъ въ теплую воду окунулъ,
Знакъ на лбу оставила вода Замзама *).
6. Годовалымъ на цвѣты похожъ я былъ,
Въ полтора года четвероногимъ ходилъ.
По грязи, по пеплу, по землѣ лазилъ,
Ни на угрозу, ни на просьбу не смотрѣлъ.
7. Двухлѣтнимъ воды просилъ, но не пилъ,
Малаго отъ большого не различалъ **),
Ни отъ камня, ни отъ огня, ни отъ воды не убѣгалъ,
Непониманіемъ своимъ обратился въ султана.
8. Трехлѣтнимъ на расцвѣтшую розу походилъ,
Языкъ развязался—на соловья похожъ сталъ;
Прохожіе заговаривали, чтобы смѣяться надо мною,
Сладкая рѣчь моя походила на соты меда.
9. Четырехъ лѣтъ удила свои я закусилъ ***).
Пяти лѣтъ со сверстниками игралъ,
Восьми лѣтъ протекалъ, какъ вода, туда и сюда.
10. На десятомъ году изъ дѣтства проснулся,
Межъ большими и малыми человѣкомъ считался.
Любовь (моя) разыгралась, со всѣхъ сторонъ я раздался (развился).
Видящій сумасшедшимъ называлъ меня.
11. На одиннадцатомъ году съѣлъ новинку ума,
На двѣнадцатомъ году хотѣлъ искуснымъ быть я,
На тринадцатомъ году я не терялъ ни гроша,
На четырнадцатомъ году имя оставить думалъ я.
12. На пятнадцатомъ году луною полною я былъ,
Отцу и матери подмогу большую оказалъ;
Спина окрѣпла, какъ тетива; сильнымъ сталъ,
И въ стройнаго, какъ самшитъ, юношу обратился.
13. Двадцати лѣтъ былъ я сорви-голова,
Сердце разыгралось, я вскипѣлъ и клокоталъ;
Рука окрѣпла, изъ границъ вышелъ я;
Сила прибавилась, обратился я во льва.
14. Тридцати лѣтъ вниманія ни на кого не обращалъ,
Рыцаремъ былъ, неуслужливости не зналъ,
Мстить сталъ, никому не прощалъ,
И всякое дѣло по-рыцарски исполнялъ.

*) Замзамъ—родникъ Авраама въ Меккѣ; вода его считается священною у мусульманъ, почему авторъ, придавъ водѣ, которою крестятъ дѣтей, священное значеніе, назвалъ ее Замзама.

**) Извѣстнаго человѣка не различалъ отъ простаго или неизвѣстнаго, т. е. богатаго отъ бѣднаго, барина отъ мужика и т. п.

***) Дѣйствовалъ со рвеніемъ.

****) Смѣлѣе сталъ.

15. Сорока лѣтъ высушился, какъ копье;
Невѣста надоѣла, любить пересталъ;
Былъ мутнымъ, какъ наводненіе, какъ море—отстоялся,
Волна улеглась, волноваться пересталъ.
16. Пятидесяти лѣтъ немного нездоровилось мнѣ,
Жилки жизни другъ за другомъ слабѣть стали.
На ступень не поднималась одна нога моя,
Тогда узналъ я, что міръ не останется человѣку.
17. Шестидесяти лѣтъ пропала острота сабли моей;
Много бился, но больше не могъ достать я дичи,
По необходимости подчинился этому порядку жизни;
Силы не хватило, дружиться сталъ съ врагомъ.
18. Семидесяти лѣтъ болѣзнь меня повернула (свалила),
Прижала организмъ, сердце изжарила,
Сожгла солому мою, пепелъ развѣяла;
Зубная боль покоя мнѣ не давала.
19. Восьмидесяти лѣтъ сынъ слушаться пересталъ,
И сосѣдъ, и братъ помогать мнѣ перестали,
Нога не двигалась туда, куда я желалъ,
При хожденіи она билась туда и сюда.
20. На девяностомъ году смерть приблизилась ко мнѣ,
На сотомъ году прекратилось дыханіе мое,
Мой организмъ—эта башня крѣпкая—рухнулъ,
Душа улетѣла, трупъ развалиной остался.
21. По смерти всю одежду мою сняли,
Сосѣдъ, братъ бились, плакать стали;
Въ пятиаршинную матерію меня завернули;
Унесли и землѣ сей предали.
22. Простившись съ тѣломъ, душа пошла впередъ,
Однако, на дорогѣ той много было преградъ;
Но ангелы помогать стали.
Съ какою трудностью перешелъ я туда!
23. Въ руки взяли книгу «добра» и «зла»,
Прочитавъ, хорошее и дурное узнали,
Однихъ въ рай, другихъ въ адъ прогнали,
Отвели въ разныя стороны каждаго изъ насъ.
24. Хойскій Вартанъ выучиваетъ наизусть,
Чтобъ извѣстно было всѣмъ слушающимъ.
Всебогатый Господь да поможетъ каждому,
Вмѣстѣ съ ними и хойскому Вартану!

Заключеніе.

Имущество человѣку поручено, а человѣкъ міру сему.
Глупъ тотъ, кто думаетъ объ этомъ мірѣ,
Ибо не знаетъ, что пріобрѣтетъ и что скушаетъ,
Такъ какъ не осталось ни Гаруну богатство, ни Соломону тронъ.

Чеченскія пѣсни.

I.

Послушайте, братцы, перестаньте ѣздить въ Кабарду воровать коней.
Чортъ русскихъ казаковъ надоумилъ поселиться на нашей землѣ и далъ имъ начальника Слѣпцова.
Отъ него, братцы, не уйдешь и не укроешься.
Онъ нюхомъ чуетъ, гдѣ наши, и вездѣ бьетъ нашихъ; онъ знаетъ всѣ мѣста, гдѣ мы укрываемся,—и бѣда тѣмъ, кого онъ найдетъ.
Разъ наши молодцы не послушались совѣта стариковъ и поѣхали за добычей: имъ удалось добыть табунъ хорошихъ коней; были они уже близко къ дому и посмѣивались, что имъ удалось провести Слѣпцова.
Но скоро смѣхъ обратился въ слезы: слѣды ихъ были открыты; стали стрѣлять пушки, сдѣлалась тревога... Какъ ураганъ, налетѣлъ на нихъ Слѣпцовъ съ казаками и, несмотря на то, что молодцы были близко отъ своихъ ауловъ, онъ отбилъ у нихъ добычу; многихъ самъ изрубилъ шашкой, и только трое, оставя своихъ коней, успѣли скрыться въ лѣсу.
Лѣсъ—намъ большая помощь; не давайте же его рубить русскимъ и изъ лѣсу не показывайтесь; безъ лѣса намъ съ казаками не справиться.
Если бы Аллахъ помогъ намъ убить Слѣпцова!

II.

Отрядъ русскихъ идетъ къ намъ; надо убираться подальше въ горы.
Берегитесь, братцы, съ ними храбрый Слѣпцовъ!
Побьютъ насъ они, берегитесь! Всѣмъ головы посрубятъ и увезутъ съ собою!
У Слѣпцова шашка острая,—съ одного размаха голова долой. Онъ храбрый изъ храбрыхъ,—берегитесь!
Бѣда намъ со Слѣпцовымъ: отъ него никто не уходитъ.
Пострадай ты, Слѣпцовъ, чтобы шайтанъ тебя взялъ: ты намъ не даешь покоя.

Пѣсня кумыкской дѣвушки.

Вставай батыръ-казакъ, вставай.
Узнай мое горе: мой старшій братъ убитъ въ табунѣ; вороной его конь прибѣжалъ домой.
Долго спалъ казакъ крѣпкимъ сномъ,—въ родномъ краю онъ не чуялъ опасности, но слова дѣвушки разбудили его.
Онъ привсталъ и насторожилъ уши.
«О, какъ я жалѣю и слезы лью, когда вспомню о Надиръ-Шахѣ: онъ прогналъ бы этихъ сѣроглазыхъ сорокъ въ Крымъ, и тогда мой братъ не былъ бы ими убитъ въ табунѣ.
Неприлично батыру спать въ то время, когда пролитая кровь моего брата требуетъ мщенія».
Мигомъ вскочилъ батыръ-казакъ,—слова дѣвицы его взволновали, даже слезы показались на его глазахъ.

Онъ надѣлъ стальную кольчугу; осѣдлалъ своего боевого коня; взялъ ружье съ крѣпкою сошкою и поскакалъ по дорогѣ, поднявъ пыль столбомъ и огласивъ окрестность богатырскимъ гикомъ.

Вотъ онъ проскакалъ уже шесть кургановъ, доскакалъ до седьмого и видитъ: ѣдетъ гяуръ на конѣ шагомъ и мурлычетъ пѣсенку.

Закипѣла богатырская кровь казака; вспомнилъ онъ слова дѣвицы и свое обѣщаніе,—отмстить за кровь ея брата.

Пріударилъ своего коня батыръ, выхватилъ изъ чехла ружье, налетѣлъ на гяура и выстрѣломъ убилъ его наповалъ.

Бросился онъ дальше, напалъ на другихъ гяуровъ: однихъ изрубилъ, другихъ загналъ въ болото.

Нагналъ батыръ-казакъ сѣроглазаго предводителя гяуровъ—мигомъ онъ снялъ съ него голову и привезъ ее во дворъ дѣвицы:

«Я отомстилъ за кровь твоего брата, ты возьми, дѣвица, эту голову, и да утѣшитъ тебя Аллахъ!»

Сванетскія пѣсни.

1.

О, несчастный Нуарсала! Ты идешь по Мушурскому ущелью; навстрѣчу тебѣ пришли чолашцы. Ты воображалъ ихъ своими доброжелателями, но оказалось, что они враги твои: набросились на тебя со всѣхъ сторонъ, руки къ спинѣ привязали и повели назадъ по Мушурскому ущелью, черезъ Довбери повели тебя. Довберцы заперли уже двери (имъ надоѣли безпокойные гости). Въ Лалхоръ, на западъ повели. Лалхоръ есть мѣсто собранія, и сходка была полна народа. Посмотрѣлъ наверхъ по направленію къ Муквару—стоитъ черная башня, посмотрѣлъ вверхъ къ Ипару-Бутиль,—изволитъ гостить у родственниковъ своей жены. Пришли въ Хэ,—босой Иванъ начинаетъ хороводъ; иду на западъ черезъ Вичнашъ—Татулъ съ ружьемъ въ рукахъ поджидаетъ насъ; иду въ ущелье Кала-о,—о счастливы дѣти Кала: въ ущельѣ Кала много смородины; вошелъ въ с. Ипары іцараре-дацараре хлѣбъ смѣшанъ съ ногами саранчи. Пошли мы выше въ Канчабъ,—обѣдъ намъ дали пирвелцы. Дошли мы до хребта Угвиръ: весь Чолашъ видѣнъ отсюда! Много грѣховъ творитъ Чолашъ! Бесилъ изъ башни кричитъ. Три жены Бесилъ имѣлъ (три раза былъ женатъ), а изношенной шапочки не въ состояніи перемѣнить!

2.

«Мать, моя радость, напеки мнѣ хлѣбцевъ: пришла любовь по сернамъ и турамъ!» Напекла мать хлѣбцевъ своему охотнику, любезному сыну. Рано утромъ вышелъ я на гору, собрался взять закуску (закусить), (какъ) услышалъ я тяжелый стонъ, (но) этимъ я не безпокоился; послышался стонъ во второй разъ... Будь я проклятъ, если не узнаю, что означаетъ этотъ стонъ! Посмотрѣлъ на востокъ—бѣлая скала, а на ней Дали разрѣшается отъ бремени,—внизу волченокъ караулитъ; сынъ Дали бросился черезъ скалу, его волченокъ быстро унесъ. Охотникъ пошелъ къ основанію скалы и заговорилъ (обращаясь) къ Дали: «Слава тебѣ,—сказалъ охотникъ:—кто ты изволишь быть, изволь открыться,—я этого очень желаю! Я—Даль скалы. Моего ребенка волченокъ отнялъ».—«Объ

этомъ ты не безпокойся! За злымъ (воромъ) волкомъ я погонюсь». Волкъ быстро пошелъ по хребту, держа во рту сына Дали. Я замѣтилъ (волка) на одномъ хребтѣ, а самъ тайкомъ прилегъ на другомъ: раздался выстрѣлъ изъ моего ружья, и волкъ остался съ разинутымъ ртомъ и принужденъ былъ бросить ребенка. На плечо посадилъ я его и отнесъ къ матери, Дали скалъ.—«Мать моя косу спусти!» Даль посмотрѣла черезъ скалу, увидѣла сына у подошвы скалы, спустила золотую косу, подняла своего сына.—«Да поможетъ молитва моя охотнику, который помогъ тебѣ! Охотникъ, какую награду хочешь, ту (награду) проси у меня: хочешь буду матерью, хочешь—любовь сестры!»—«Да будетъ слава тебѣ! я не осмѣливаюсь (дерзну просить) на это!»—«Не это (такъ) я тебѣ дамъ въ началѣ декабря семь туровъ, мелкихъ сернъ по одной въ недѣлю. Да живи ты долго! Изъ твоего рода всѣхъ охотниковъ я буду сопровождать по правую руку (помогать вездѣ).

Споръ земли съ небомъ.

(Татарская пѣсня).

1. Земля.

Земля вступаетъ съ небомъ въ споръ
И говоритъ: «Я умѣю повелѣвать;
На мнѣ находятся большія моря,
И разнообразныхъ цвѣтовъ болѣе у меня».

2. Небо.

Небо говоритъ: «Не горячись такъ напрасно;
Мои сто тысячъ пророковъ взываютъ къ Богу;
Мои облака не хуже твоихъ морей,
А звѣзды мои лучше твоихъ цвѣтовъ».

3. Земля.

«Держу въ своихъ рукахъ многихъ и многихъ царей
И намѣрена производить ихъ еще больше.
На груди моей покоятся сотни тысячъ пророковъ;
Моя священная Кааба выше твоихъ звѣздъ».

4. Небо.

«Я заставляю дуть вѣтры;
Я освѣщаю лучезарнымъ свѣтомъ Каабу твою;
Въ рай отправлю сто тысячъ ангеловъ;
Семивратный джэннэтъ мой выше всего твоего» [1].

5. Шикеста Аббасъ.

Шикеста Аббасъ говоритъ: «Горько, горько я заплачу,
Грудь свою сожгу огнемъ любви;
Я васъ обоихъ (т. е. землю и небо) глубоко уважаю,
Но только одинъ Аллахъ выше всего».

---

[1]) Джэннэтъ—рай; мусульмане вѣрятъ, что у рая—семь воротъ.

III.

Анекдоты, пословицы, поговорки и загадки.

Грузинскія пословицы.

---

1. Рыба молвила: многое имѣю сказать, да ротъ у меня полонъ воды.
2. Съ поднимающимся поднимись, съ спускающимся спустись.
3. У иного и вата трещитъ, а у другаго и орѣхи не шумятъ.
4. Христосъ Богъ былъ узнанъ по уму.
5. Волка волкомъ называли, а чекалка разорила весь свѣтъ.
6. Хватай съ того берега, чтобы получить на этомъ (берегу).
7. Искусство лучше силы, если человѣкъ спохватится (вспомнитъ).
8. Уворовавшій иголку—то же, что укравшій верблюда.
9. Сдѣлай, чтобы ни шашлыкъ, ни вертелъ не обгорѣлъ.
10. Злой сынъ заставляетъ ругать своихъ родителей.
11. Кошка не могла достать до колбасы и сказала: сегодня вѣдь среда либо пятница (постные дни).
12. Что кликнешь въ (пустой) винный кувшинъ, тѣмъ онъ тебѣ и отзовется.
13. Старухѣ захотѣлось въ январѣ земляники.
14. Оселъ выдернулъ колъ (къ которому былъ привязанъ) и тѣмъ нанесъ себѣ одинъ ударъ, а другимъ тысячу.
15. Нищій гордецъ противенъ.
16. Лисицѣ что думалось на яву, то грезилось и во снѣ.
17. Мышь рыла, рыла и дорылась до кошки.
18. Когда дома плачетъ дитя, къ чему по сосѣдямъ раздавать кушанье ?
19. Рыбу нельзя цѣнить въ рѣкѣ (пока не поймана).
20. На что жаловался слѣпой?—На неимѣніе обоихъ глазъ.
21. Что нужно вору?—Темная ночь.
22. Много денегъ, мало ума.
23. Не слѣдуй за правдой, она истощитъ у тебя зрѣніе.
24. Принесенное вѣтромъ вѣтеръ и унесетъ.
25. Всякая муха жужжитъ, но противъ пчелы всѣ онѣ лгутъ.

Находчивый отвѣтъ.

(Грузинскій анекдотъ).

Царь разсердился на своего вельможу, посадилъ его въ тюрьму и не желая дать ему свободу, согласился однако съ ходатаями выпустить арестованнаго съ условіемъ, что онъ доставитъ ко двору, какъ рѣдкость, жеребца масти не сѣрой, не вороной, не караковой, не гнѣдой, не бѣлой, не чалой, не буланой, не рыжей, не пѣгой, не саврасой и т. д.

При этомъ царь перечислилъ всѣ, какія только есть на свѣтѣ масти.

Арестованный вельможа согласился доставить лошадь, если его ходатаи возьмутъ царское слово освободить его немедленно. Получивъ свободу, вельможа, въ свою очередь, просилъ прислать конюха для принятія лошади не имѣющей никакой масти, съ условіемъ, чтобы конюхъ былъ присланъ за лошадью не въ понедѣльникъ, не во вторникъ, не въ среду, не въ четвергъ, не въ пятницу, не въ субботу и не въ воскресенье, а въ остальные дни, когда царю будетъ угодно.

Пустынникъ-философъ.

(Грузинскій анекдотъ).

Нѣкій восточный мудрецъ любилъ уединеніе, гдѣ вдали отъ людей разсуждалъ о многихъ явленіяхъ этого суетнаго міра. Мудрецъ старался проводить все свое время на открытомъ воздухѣ, и это было для него тѣмъ возможнѣе, что родина его находилась на благодатномъ югѣ, гдѣ нѣтъ зимы и ненастье считается явленіемъ весьма рѣдкимъ.

Гуляя разъ по роскошному съ тропической растительностью саду, мудрецъ остановился передъ вѣковымъ орѣховымъ деревомъ, сплошь усѣяннымъ вызрѣвающими плодами и началъ разсуждать вслухъ:—отчего такъ странно и неравномѣрно бываетъ въ природѣ? Вотъ, напримѣръ, предо мною вѣковой орѣхъ, едва-едва не упирающійся своею вершиною въ облака, а какіе маленькіе плоды производитъ этотъ гигантъ, и вотъ онъ растетъ изъ года въ годъ, а плоды его не увеличиваются въ объемѣ. Между тѣмъ, на грядахъ, лежащихъ у подножья орѣха-гиганта, зрѣютъ огромныя тыквы, дыни и арбузы, едва прикрѣпленныя къ землѣ сравнительно тонкими стеблями. По настоящему, слѣдовало бы тыквамъ, какъ большимъ плодамъ, расти на деревьяхъ орѣха, а орѣхамъ—на стеблинкахъ тыквъ. Отчего такъ странно и неравномѣрно бываетъ въ природѣ?

Мудрецъ глубоко задумался и долго ходилъ по саду, пока, наконецъ, ему не захотѣлось спать. Не желая возвращаться домой, онъ пришелъ подъ вѣтвистое дерево и, устроивъ себѣ кое-какъ ложе, заснулъ сномъ праведника. Спустя нѣсколько времени, спящій почувствовалъ легкій ударъ по лицу, потомъ—другой и третій; мудрецъ открылъ глаза и въ это время свалился ему прямо на носъ совершенно вызрѣвшій орѣхъ.

Мудрецъ быстро вскочилъ на ноги и проговорилъ:

— А... а! Теперь понятно, теперь я понимаю тайну природы. Боже, я прогнѣвилъ тебя!

Если бы на этомъ деревѣ расли, вмѣсто орѣховъ, дыни, тыквы или арбузы, то мнѣ этимъ ударомъ размозжило бы голову. Осуждать Твое твореніе никто не долженъ...

Сванетскія пословицы.

1. Куница пошла пріобрѣсти что-нибудь, но и шкуру тамъ оставила.
2. Отъ похвалы священникъ живыхъ хоронить началъ.
3. Послѣ того какъ сломали домъ, кто-то крѣпко заперъ двери.
4. Строителю храма отрѣзали руки.
5. Гора съ горою не встрѣтится человѣкъ съ человѣкомъ встрѣтится.

Сванетскія загадки.

1. Въ какой мѣрѣ ударишь, въ такой и работаешь. (Долото).
2. Четыре брата, всѣ четверо работаютъ, а благодарность только одному. (Кузнецъ, наковальня, молотъ и клещи).
3. 16 паръ братьевъ, иногда имъ хорошо, иногда плохо, всегда ссорятся. (Зубы).
4. Самъ мертвецъ, имѣетъ двухъ живыхъ и кормитъ міръ. (Плугъ и пара быковъ).

Армянскія пословицы.

1. Я знаю много пѣсень, но пѣть не могу.
2. Когда видишь, что вода не слѣдуетъ за тобою, то послѣдуй за нею.
3. Когда падаетъ дерево, является много дровосѣковъ.
4. Кто падаетъ въ воду, тому нечего бояться дождя.
5. Кто хорошо плаваетъ, тому конецъ въ водѣ.
6. Крѣпкій уксусъ разрываетъ сосудъ.
7. Хотя собаки между собою и дерутся, но противъ волка держатъ согласіе.
8. Тотъ лишь человѣкъ, кто читать умѣетъ.
9. Цыпленокъ обнаруживается въ яйцѣ, ребенокъ въ колыбели.
10. Что въ дѣтствѣ пріобрѣтешь, на то въ старости опрешься.
11. Одинъ умъ хорошъ, два—лучше.
12. Съ малаго начинай, достигнешь большого.
13. Чортъ опытный лучше ангела неопытнаго.
14. Что говоритъ большой, слышитъ малый.
15. Кто украдетъ яйцо, уворуетъ и лошадь.
16. Верти такъ, чтобы не сгорѣли ни вертелъ, ни жаркое.
17. Одинъ испортитъ славу тысячъ.
18. Свинья сказала: съ тѣхъ поръ какъ увеличилось число дѣтей моихъ, я нигдѣ не напьюсь чистой воды.

19. Какъ скажешь, такъ и услышишь.
20. Дѣдъ поѣлъ зеленаго винограда, а у внука оскомина набилась.
21. Одинъ дурной поступокъ порождаетъ другой.
22. Домой ступай, когда накрывается столъ, а въ церковь, когда отходитъ обѣдня.
23. Дома чортъ, внѣ дома попъ.
24. Мужа и жену сотворилъ Богъ, а кто монаха?
25. Бѣденъ и гордъ.
26. Во снѣ голодный видитъ хлѣбъ, жаждущій воду.
27. Прежде чѣмъ толстому похудѣть, тощему умереть.
28. Змѣя въ пищѣ богатаго—лѣкарство, неимущаго—утоленіе голода.
29. Сосѣду своему пожелай одну корову, Богъ тебѣ дастъ двѣ.
30. Что для кошки игра, то для мыши смерть.

Кюринскія пословицы.

1. Скотинѣ, подаренной ханомъ, въ зубы не смотрятъ.
2. Не смѣйся надъ своимъ сосѣдомъ, на твою голову падетъ.
3. Въ яму тобою вырытую самъ и упадешь.
4. Каждый кажется себѣ великаномъ.
5. Чужой сосѣдъ лучше безполезнаго брата.
6. Оцѣни (узнай) то, что я тебѣ сдѣлалъ, если не поймешь, то пусть оно станетъ тебѣ во вредъ.
7. Каждый посѣянное имъ и собираетъ.
8. Богъ смотритъ не на твое имущество, а на твое сердце.
9. Надѣнь на вола сѣдло—лошадью не сдѣлается.
10. Чѣмъ хватать человѣка за подолъ, лучше просить Бога (если столько же просить у Бога, сколько у тебя, то Богъ давно далъ бы просимое).
11. Сидящіе со свиньей—грязны, а сидящіе съ джейраномъ—всѣ въ цвѣтахъ.
12. Посѣянное здѣсь—тамъ пожнешь (за земные поступки отвѣтишь на томъ свѣтѣ).
13. Любимый хоть на берегу моря, останется любимымъ, а нелюбимый, хоть на краю глаза все-таки нелюбимымъ останется.
14. За добро платить добромъ можетъ каждый человѣкъ, но за зло платить добромъ нужно быть героемъ.
15. Больного не слѣдуетъ спрашивать: хочешь ли?
16. Если бы я столько просилъ еврея, онъ подарилъ бы мнѣ осла.
17. Мельникъ мелетъ свою муку, а что-то другое сердце его мелетъ.
18. Брось въ море рыбу! Если она не оцѣнитъ благодѣянія, Богъ это увидитъ.
19. Онъ не знаетъ: рога ли у быка, уши ли у осла.
20. Если въ могилѣ есть змѣи, то можно ли выйти оттуда? (Не бѣжать мнѣ изъ общества, если въ немъ есть враги мои).
21. Оселъ издохнетъ—осленокъ его мѣсто займетъ.
22. Впередъ пойдешь—головой ударишься, назадъ пойдешь—ногой ударишься.

Татарскія пословицы.

1. Отрубленная голова молчалива.
2. Собака собакѣ на ногу не наступитъ.
3. Кто передъ собою видитъ городъ, тому не нужно проводника.
4. Если не имѣющему бороды всякій дастъ по волоску, то у него составится борода.
5. Въ своемъ глазѣ не видишь бревна, а въ чужомъ замѣчаешь волосъ.
6. Кто вдали отъ глаза, тотъ далекъ и отъ сердца.
7. Ротъ народа также широкъ, какъ ротъ (отверстіе) мѣшка.
8. Глухой слышитъ то, о чемъ самъ мыслитъ.
9. Кто боится воробья, не долженъ сѣять просо.
10. Кто владѣетъ языкомъ, спасаетъ голову.
11. Рука руку моетъ, а руки лицо.
12. Кто самъ упалъ—не плачетъ.
13. Кто ищетъ друга безпорочнаго, останется безъ друзей.
14. Желудокъ ближе брата.
15. Что вошло въ желудокъ, то есть прибыль.
16. Два плясуна на одномъ канатѣ не пляшутъ.
17. Отъ произнесенія слова «медъ» во рту не станетъ сладко.
18. Лѣта лошади спрашиваютъ на ярмаркѣ.
19. Спѣшащая нога скоро спотыкнется.
20. Въ дерево, не имѣющее плодовъ, камня не бросаютъ.
21. Съ одной овцы двухъ шкуръ не бываетъ.
22. Правдивое слово горько.
23. Съ другимъ ѣшь и пей, а въ торговыя сдѣлки не пускайся.
24. Чтобы чесаться, нужны ногти.
25. Два арбуза подъ одной мышкой не помѣстятся.
26. Если козла не тронетъ волкъ, онъ дойдетъ до Мекки.
27. Кто боится волка не соберетъ стадо.
28. Волкъ явится тамъ, гдѣ о немъ говорятъ.
29. Чтобъ избавиться дыма не бросайся въ огонь,
30. Волкъ любитъ темноту.

Фундаментальная Библиотека К. У. Н.
ПОПАШЕНО

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе . . . . . I.
Краткія біографическія свѣдѣнія о Главноуправляющихъ Грузіею, Намѣстникахъ кавказскихъ и Главноначальствующихъ гражданскою частью на Кавказѣ. . . . . 1.
Поэтическій Кавказъ въ его легендахъ, пѣсняхъ и суевѣріяхъ. . . . . 1.
1) Сказки, преданія и легенды . . . . . 25.
2) Повѣрья, предразсудки и примѣты . . . . . 83.
3) Стихотворенія и пѣсни . . . . . 89.
4) Анекдоты, пословицы, поговорки и загадки . . . . . 96.

Портреты Императоровъ: Павла I, Александра I, Николая I, Александра II, Александра III и Николая II.

Портреты: Кнорринга, князя Циціанова, графа Гудовича, Тормасова, Котляревскаго, Маркиза Паулуччи, Ртищева, Ермолова, князя Бебутова, графа Паскевича-Эриванскаго, барона Розена, Головина, Нейдгардта, князя Воронцова, Муравьева, князя Барятинскаго, Великаго Князя Михаила Николаевича, князя Дондукова-Корсакова, Шереметева и князя Голицына.

Рисунки: Видъ Тифлиса по Шардену, 1670-хъ г., Тифлисъ 50-хъ годовъ, общій видъ Тифлиса, памятникъ Воронцову, дворецъ Главноначальствующаго, военный Александро-Невскій соборъ.

Источники.

Акты кавказской археографической комиссіи; Гакгаузенъ—„Закавказскій край“; Евгеній, митроп.—„Историческое изображеніе Грузіи“; Бебуръ—„Грузинскія сказки“; Гульбатъ—„Грузинскія легенды“; Ипполитовъ-Ивановъ—„Грузинскія пѣсни“; Хахановъ—„Очерки по исторіи грузинской словесности“, „Терскій сборникъ“, „Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“, газета „Кавказъ“, „Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ и другіе.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА